

М. и С. Дяченко

Привратник

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЯВЛЕНИЕ

...Ранней весной Ларт отправлялся в один из своих вояжей - как всегда, неожиданно, и, как всегда, спешно.

Весь день перед отъездом прошел, как в лихорадке. Ларт был угрюм, что бывало с ним часто, и вроде бы растерян, чего с ним никогда не случалось. Несколько раз собирался мне что-то сказать - и раздраженно умолкал. Я нервничал.

Выехал он на рассвете, снабдив меня множеством инструкций. Я должен был исполнить несколько мелких поручений в поселке, привести в порядок дом, собрать дорожный сундучок и вечером встретиться с Лартом в порту, чтобы на закате поднять паруса.

Проводив его взглядом, я вздохнул свободнее.

Управиться в поселке было несложно - там меня считали “учеником чародея”, а такое отношение здорово упрощает жизнь. Глупо же объяснять всем и каждому, что никогда я не был Лартовым учеником. Служкой - да; горничной, дворецким и мальчиком на побегушках в одном лице - кем угодно, только не учеником. Тем не менее, в поселке меня встречали, как вельможу, а трактирщик наливал мне в долг.

Вернувшись в дом на холме и кое о чем поразмыслив, я сообразил, что, проявив расторопность, успею по дороге в порт попрощаться с Данной. Эта мысль придавала мне резвости, и скоро Лартовы покои заблистали чистотой, а сундучок чуть не оборвал мне руки, пока я вытаскивал его в прихожую.

И тут, в прихожей, я вспомнил про последнее из хозяйских поручений.

Уже поставив ногу в стремя, Ларт поморщился болезненно, поколебался (неслыханное дело!) и вытащил из кармана вчетверо сложенную бумажку.

- Да... - буркнул он раздраженно. - Когда луч достигнет колодца, прочитай это вслух и внятно там же, в передней. Желательно ничего не перепутать, не опоздать на пристань и поменьше болтать.

Это все.

В таком поручении не было ничего сверхъестественного - подобное мне приходилось делать и раньше. Конечно, лестно было воображать себя магом, но, честно говоря, не хуже бы справился и попугай, умей он читать.

Итак, я выволок сундучок в переднюю.

Как и положено, здесь царил полумрак. Посетители волшебника должны немедленно проникаться благоговейным страхом.

Я и сам им проникся, когда впервые переступил порог Лартова дома. Все началось с того, что полочка для обуви укусила меня за щиколотку... Такое забывается не скоро.

Я поставил сундучок у двери.

В потолке имелось круглое отверстие, сквозь которое в солнечные дни пробивался луч - узкий и острый, как вязальная спица. За день он проходил путь от оленьих рогов над входной дверью до гобелена на стене напротив.

Под гобеленом, где всю трубили охотники с соколами на рукавицах, выступал прямо из стены чрезвычайно неприятный колодец, из которого тянуло плесенью. Луч имел обыкновение заглядывать в него после полудня. Этот час и имел в виду Ларт, когда давал мне поручение.

Покончив с сундучком, я устроился в кресле слева от двери и стал ждать, пока магический, но крайне нерасторопный луч сползет с ковра и взберется на сырую кладку колодца.

Время шло, я отдыхал от утренних трудов, радовался предстоящему путешествию и разглядывал давно и до мелочей знакомую переднюю мрачноватого Лартова дома.

Прямо передо мной располагалось так называемое лохматое пятно - в этом месте постоянно отрастала шерсть на ворсистом ковре, и в мои обязанности входило регулярно ее подстригать, уравнивая с остальной ковровой поверхностью. Остриженную шерсть я собирал в полотняный мешочек, надеясь со временем связать себе шарф.

А справа от меня, по другую сторону двери, помещалось зеркало, которое я всегда обходил стороной и даже пыль с него стирал, отвернувшись. Ларту оно служило, как собака, угодливо показывало его отражение со всех сторон и, по-моему, помогало завязывать шейный платок. Мою особу оно не отражало никогда, а норовило напугать жуткими, ужасно правдоподобными и часто противными изображениями. Сейчас оно чернело, как поверхность стоячего озера в темной чаше.

Массивный платяной шкаф хозяин никогда не открывал, но я каждую субботу перетряхивал его содержимое. Особенно много возни было с железными латами - их ведь надо полировать суконкой.

А мрачное чудовище в углу у Ларта называлось вешалкой. Трудно сказать, на что она была больше похожа - на больное дерево или скелет уродливого животного. Три года назад Ларту подарил это сооружение кто-то из дружков-колдунов, я помнится, еще подумал, что хозяин поблагодарит и уберет его в чулан, так нет же, он выставил подарочек на видное место и велел мне вешать на него плащи визитеров. И получилось как-то незаметно, что в доме, где полно чудес и диковин, эта вешалка оказалась едва не самой странной странностью - Ларт явно выделял ее среди остальных предметов. То лицо воротил, проходя мимо, то усмехался как-то неприятно, а однажды всыпал мне за то, что я, мол, слишком ее нагрузил. Ларт, впрочем, и есть Ларт - что взбредет ему в голову, предсказать невозможно.

Сейчас на этой искореженной рогатине висела только моя куртка, бирюзовая с золотом, купленная осенью на окружной ярмарке. Ларт, помнится, что-то проворчал насчет моего вкуса, но Данне куртка определенно понравилась.

И мысли мои невольно переметнулись к Данне - она ведь лучшая девушка в поселке, а я чужак, не очень красивый и не самый сильный, но она выбрала меня, потому что я - “ученик чародея”, а значит - за мои особые качества. Так я втихомолку радовался, пока не увидел, как луч преспокойно выбирается из колодца.

Я успел покрыться потом, пока разыскал в карманах мятую бумажку, сложенную вчетверо.

Ларт писал, конечно, не колдовскими рунами, а крупными печатными буквами, как в букваре - чтоб и заяц мог разобрать. И все равно я здорово изломал себе язык, пока дочитал до половины, а когда дочитал, то вообще пожалел, что взялся. Воздух вдруг наполнился звенящим напряжением и задрожал, как над костром; я в панике выкрикивал эти полупристойные звуко сочетания, не слыша себя. Заклинание заканчивалось таким повелительным возгласом, Ларт даже отметил его восклицательным знаком; у меня это вышло, как вопль придавленной кошки. И как только этот вопль стих...

Уже давно что-то, замеченное боковым зрением, мне мешало. Сейчас я резко повернул голову и увидел, как вешалка выгибается от верхушки до основания, будто сотрясаемая конвульсиями. Я не первый год у Ларта на побегушках и повидал всякое, но это, поверьте, было очень страшно. И прежде, чем я смог вытолкнуть застрявший в горле крик, на месте вешалки обрушился на пол человек.

Я не сразу сообразил, что это человек. Он лежал бесформенной грудой на ворсистом ковре, а я стоял в противоположном углу и боялся пошевелиться. Вот так так, и эта вешалка торчала в прихожей три года...

Человек пошевелился, судорожно дернулся и поднял на меня сумасшедшие глаза. Я попятился; он вскочил и перевел взгляд на свои руки. В правой была зажата моя бирюзовая с золотом куртка. Он замычал и с отвращением попытался ее отбросить, но пальцы, по-видимому, не слушались. Тогда он левой рукой разжал пальцы правой и швырнул мою куртку в угол, как вещь исключительно гадкую, так что мелочь из карманов рассыпалась по всей прихожей. Потом снова уставился на меня (в глазах ни тени мысли), опять перевел взгляд на руки, и стал вдруг ощупывать себя с головы до ног, всхлипывая все громче и громче, пока не захохотал (или заплакал) и не сполз по стене обратно на ковер.

Я знал раньше, что маги занимаются подобными вещами, но никогда не предполагал, что Ларт, мой хозяин, на такое способен.

А человек смеялся, теперь уже точно смеялся, и катался по полу. Я совсем уж было уверился, что это сумасшедший, когда он вдруг замер и зажал себе рот рукой. Потом прохрипел, не глядя:

- Дай воды.

На кухне я вспомнил-таки: вешалку эту преподнес хозяину его вечный соперник Бальтазарр Эст в знак очередного примирения.

Когда я вернулся в прихожую, тот человек уже взял себя в руки. Лицо его, правда, еще было безжизненно-серым, но из глаз исчезло паническое выражение; он сидел, привалившись спиной к стене, и массировал лоб и щеки, возвращая им человеческий цвет.

Я протянул ему стакан, он выпил до дна, стуча зубами о стекло. Поставил опустевший стакан, перевел дух и посмотрел мне прямо в глаза:

- Значит, таков был его приказ?

Я не стал выяснять чей это - "его", и кивнул.

- Что дальше?

Его плохо слушался язык, но он прямо-таки буравил меня глазами.

- Дамир...

Вот как, он меня знал!

- Дамир, что он еще приказал?

Я сглотнул и пожал плечами.

- Я так понял, - хрипло продолжал он, - что могу... убираться восвояси?

Я глупо улыбнулся.

Он встал, держась за стену. Двинулся к двери. Обернулся:

- Хорошо. Ладно. А теперь... Передавай ему привет. Просто привет от Маррана.

Я стоял на пороге и смотрел, как он уходит, едва переступая негнушимися ногами.

...Это было безумие - передавать ему привет. Это было пустое и глупое бахвальство.

Странный и нелепый человек шагал по дороге. Когда-то его звали Руал Ильмарранен, по кличке Марран.

Ноги на желали подчиняться, потому что за два предыдущих года им не пришлось сделать и шага. Руки, неестественно выгибаясь, судорожно хватали воздух, ловя несуществующие воротники плащей и курток. Пасмурное весеннее небо было слишком светлым для привыкших к полумраку глаз.

По дороге к поселку шагала ожившая вешалка господина Легиара.

Марран силился и не мог удержать надолго ни одной, самой пустяковой, мысли. Вот дорога, думал он, опустив голову и вглядываясь в раскисшую глину. Это вода. Это песок. Это небо, - тут он пошатнулся, неуклюже пытаясь сохранить равновесие, но не удержался и упал, как падает деревянная палка. Прямо перед глазами у него оказался жидкий кустик первой весенней травки. Это трава, подумал он безучастно.

Откуда-то из глубин отупевшей памяти явился сочно-зеленый луг, над которым деловито вились цветные бабочки, и бронзовая ящерица на горячем плоском камне.

Марран с трудом перевернулся на спину, оттолкнулся от притягивающей к себе земли, руками согнул сведенную судорогой ногу - встал, шатаясь.

Воспоминание помогло ему, позволив хоть немного приостановить хаотически несущийся поток бессвязных мыслей. Он уцепился за один, самый яркий образ: ящерица, ящерица...

Девочка-подросток, чьей самой большой гордостью было умение превращаться в ящерицу. И мальчишка, над этой ее гордостью смеющийся.

“А в саламандру умеешь? А в змею? А в дракона? Ну, посмотри на меня! Ведь это так просто!”

Мальчишке ничего не стоило скакать кузнечиком, гудеть майским жуком - а она умела тогда превращаться в ящерицу, и только. Мальчишка наслаждался своим превосходством, хлопал пестрыми сорочьими крыльями прямо над ее головой - она с трудом сдерживала злые слезы.

“Ну хватит, Марран! Убирайся, можешь больше не приходиться!”

Марран вздрогнул.

Он стоял на холме, под его ногами качалась раскисшая дорога, а прямо перед ним лежал в долине поселок. Вились теплые дымки над крышами.

Он не принимал решение - ему просто больше некуда было идти.

Непослушные ноги знали дорогу, но шли медленно, так медленно, что он добрался до места поздним вечером. Калитка не была заперта. Дом засыпал - слабо светилось последнее, бессонное окно.

Марран встал у двери, не решаясь постучать. Затуманенное сознание понемногу прояснялось - и по мере этого прояснения ему все сильнее хотелось уйти.

Но тут дом проснулся.

Что-то обеспокоенно спросил женский голос, застучали шаги по лестнице, осветились окна... Женский голос повторил свой вопрос нервно, почти испуганно.

Дверь распахнулась. На Маррана легла полоса теплого, пахнущего жильем света. Он заморгал полуослепшими глазами.

Та, что стояла в дверном проеме, пошатнулась и едва удержала фонарь.

...На обеденном столе горели две свечи. Топилась печка; щели вокруг чугунной дверцы светились красным.

Он сидел, уронив голову на руки. В полубреду ему виделась ящерица на горячем камне.

- ...слышишь меня?

Он с трудом поднял голову. Женщина стояла перед ним с бокалом темной жидкости в

трясущихся руках:

- Выпей...

Он начал пить нехотя, через силу, но каждый глоток возвращал ему власть над мыслями и способность облекать их в слова.

- Три года... Три года, Ящерица...

Женщина запрокинула голову, закусил губу:

- Я вдруг почувствовала твое присутствие. Я поняла, что ты пришел...

- Прости.

Она сдавленно рассмеялась:

- А я всегда чувствовала, что ты идешь... У меня голова начинала болеть, и я думала - опять негодный Марран...

Он попытался улыбнуться:

- Да?

Она раскачивалась на скамейке, глядя на него странным, не то насмешливым, не то растерянным взглядом:

- А помнишь, как ты мне хвост оторвал?! И потом носил на шее, на цепочке...

- А потом потерял...

- А я себе новый хвост отрастила...

- А помнишь, как ты меня дразнила? Марран - противный таракан...

- И еще Марран - хвастливый барабан...

- И облезлый кабан...

Она зашлась смехом:

- Не было кабана, это ты только что придумал...

И продолжала сразу, без перехода:

- А ты живой, Марран... Ты живой все-таки...

Ее смех оборвался.

- Я виноват перед тобой, Ящерица, - сказал с длинным вздохом ее собеседник. - Не надо было приходить.

В соседней комнате завозился, заплакал ребенок. Женщина по имени Ящерица вздрогнула, решительным мальчишеским движением стерла слезы и вышла, прикрыв за собой дверь. Маррану показалось, что огонь в печи почернел.

Женщина вернулась, бросила на собеседника быстрый испытующий взгляд - тот ответил неким подобием улыбки:

- Мальчик или девочка?

- Мальчик, - отозвалась она сухо.

Он попытался снова вспомнить сочно-зеленый луг - и не смог. Краски его видений разом выцвели, поблекли.

Пауза затянулась. Ящерица, заламывая пальцы, села за стол напротив Маррана.

- Мой муж - прекрасный человек, Руал, - наконец сказала она, подавив не то вздох, не то всхлип.

Черный огонь в печи жадно пожирал сидящие поленья.

- Он не маг, и я теперь тоже не хочу иметь с магией ничего общего, - продолжала она с внезапной надменностью. - Слишком дорого обходится вражда господ колдунов, а дружба - еще дороже... Это все, что ты хотел бы знать?

Марран не ответил.

Сделав над собой усилие, он встал, взял свечу со стола, обернулся к овальному металлическому зеркалу на стене. Поднес свечку к лицу... Рука дрогнула.

- Марран - хвастливый барабан... Похоже?

Она не отозвалась, подавленная. Тогда он попросил тоскливо:

- Догадайся, Ящерица... Догадайся, что со мной...
- Ларт и Эст объединились против тебя, взяли в клещи...
- Да... Но это не все.
- Они одолели тебя... Ты стал вещью, мебелью...
- Да. Но это еще не все.
- Тебе плохо...

Он свирепо обернулся:

- “Плохо”?! Я...

Осекся. Выдохнул сквозь сжатые зубы и сказал спокойно:

- Я просто больше не маг, Ящерица.

Она стояла в полумраке, где он не мог разглядеть ее лица.

- Как ты сказал?
- Как ты слыхала.

Она медленно опустилась на скамейку.

- Это ты... Ты-то... Как же? Кто же ты теперь?

Он отчеканил зло:

- Бывший волшебник. Отставной кавалер. Ненужная вещь, которую потеряли-подергали да и вышвырнули вон. Вышвырнули и забыли, и с тех пор прекрасно без нее обходятся!

Она не удержалась и всхлипнула - громко и жалобно.

Марран криво усмехнулся:

- Не отчаивайся... Вот прекрасный случай предложить мне покровительство.

Она смотрела на него потрясенно. Хотела что-то сказать - и не решилась. Сникла, машинально принялась водить пальцем по краю блюда. Потом снова набрала в грудь воздуха - и выдохнула, так

и не проронив ни слова. Заколебалось пламя свечи.

Он оторвал глаза от скатерти:

- Ладно, говори...

Она покусала губы и выговорила, глядя в сторону:

- Можешь ругать меня, говорить, что хочешь... Ты всегда любил меня оскорблять... Но объясни! Объясни, что произошло между вами... Это какое-то затмение... Ты был...

- Любимцем судьбы.

Женщина быстро глянула на собеседника - тот скалил зубы.

- Ну, посмейся... Самое время нам посмеяться... Светлое небо, да Легиар прощал тебе то, что никому на свете не прощал! Господин Бальтазарр Эст, это мрачное чудовище - и играл с тобой на равных! И как вышло...

Она запнулась. Он смотрел на нее с сосредоточенным интересом:

- Ну, продолжай.

- Я хочу спросить, Руал, за что тебя... Только не ври.

Он чуть усмехнулся:

- А ты как думаешь?

Она помедлила. Опустила глаза:

- Я думаю... Что ты сам доигрался. Крутил, вертел, куражился... Есть вещи, за которые...

Лицо его вдруг застыло - и она испугалась. Пробормотала, будто оправдываясь:

- Но была же причина...

Радостно возопил первый утренний петух. Крик этот, не принеся Руалу облегчения, подсказал

выход:

- Сейчас рассветет - и я уйду.

- Куда?

- В дальнюю дорогу. Не бойся, я не собирался злоупотреблять гостеприимством... твоей семьи.

Она вспыхнула:

- Ну и не надо было приходить!

- Ну и напрасно пришел...

- Ну и напрасно!

Он шагнул к двери - и наткнулся в полумраке на тяжелую рогатую вешалку.

Его отбросило, будто ударом гигантского кулака. Задыхаясь, он упал на пол, закрывая лицо руками, забился в судорогах...

Она в спешке наполнила стакан темной жидкостью, бормотала заклинания, плела руками сложное невидимое кружево...

Марран не сразу пришел в себя. Он долго смотрел в приоткрывшуюся дверцу печурки, приговаривая про себя: это огонь. Это огонь.

- Руал, очнись... ЭТО прошло... Теперь ты снова жив и будешь жить...

Что-то неприятно хрустнуло. Марран раздавил в руке стакан с остатками напитка и теперь наблюдал безучастно, как белую салфетку пятнают черные капли крови.

- Господин Легиар так презирает меня, что не соизволил самолично снять заклятие... Послал мальчишку...

Она устало вздохнула, и, принимая из его рук осколки, осторожно провела пальцем по линии пореза.

- Послушай меня, Руал. Ты никогда меня не слушал - послушай хоть раз. Ничего не вернуть и ничего не исправить. Забудь о НИХ, и ты будешь жив...

И она поставила на стол совершенно целый стакан.

Марран разглядывал руку - глубокий порез на ней быстро затягивался.

Скрипнула кровать в соседней комнате. Его собеседница насторожилась было, но ребенок,

пошевелившись, затих. Женщина испытующе глянула на Маррана - и глаза их встретились.

- Ничего не исправить... - проговорил он с трудом. - Ты права... Ящерица отращивает потерянный хвост много раз, до бесконечности. Но не всем так везет...

- Руал, - сказала она решительно. - Я помогу тебе во что бы то ни стало.

Он обнажил зубы в нехорошей усмешке:

- Спасибо. Я знал, что обязательно получу нового покровителя... вместо старых!

Она поднялась:

- Ты не смеешь так со мной разговаривать!

- А ты преврати меня во что-нибудь, - посоветовал он без улыбки. - Увидишь, как это просто теперь, - и тоже встал.

Они стояли друг против друга, и ей приходилось задира́ть голову, глядя ему в глаза.

И тогда он ее обнял.

Растерявшись, она заби́лась, как пойманная пичуга. Он оторвал ее ноги от земли и поднял так, что их лица оказалось на одном уровне. Она ослабела.

- Прощай, - сказал Руал Ильмарранен по кличке Марран. - Прощай, Ящерица. Я не приму твоего покровительства, как ты когда-то не приняла моего.

И он осторожно поставил ее на пол.

Они снова смотрели друг другу в глаза, и она зади́рала голову выше, чем надо - чтобы слезы вкатились обратно. Он улыбнулся с трудом - тогда она встала на цыпочки и быстро поцеловала его в запекшиеся губы, чтобы в следующую секунду резко оттолкнуться.

За окном светало - женщина по имени Ящерица отошла к окну, отвернувшись от Маррана.

- Все, - сказала она глухо. - Теперь уходи.

Догорали свечи. На столе осталась белая салфетка, запятнанная каплями крови.

...Когда я добрался до пристани, солнце уже садилось в горку безмятежных золотых облаков.

Ларт виден был издалека - одетый во все черное, как и подобает странствующему магу, он взад-вперед расхаживал по пирсу. Ветер живописно развеивал его длинный плащ.

Я смиренно поставил дорожный сундучок у высоких ботфорт.

- Ну? - спросил он скучным голосом.

Я доложил, опустив, впрочем, последний эпизод.

- Это все? - осведомился Ларт, наблюдая за приближающейся шлюпкой.

Я собрался с духом.

- Вам привет, хозяин. От некоего Маррана.

Шлюпка неуклюже привалилась к пирсу. Ларт покусал губу и ничего не ответил. Тогда я обнаглел.

- И попрошу, если можно, в будущем избавить меня от подобных испытаний.

Не ответив ни слова, он круто повернулся и пошел прочь, навстречу матросам из шлюпки, которые, кланяясь и приседая, приглашали нас занять места на зафрахтованном суденышке.

В каюте на двоих, самой роскошной на этой посудине и все равно удивительно тесной и темной, я разбирал багаж, слушая доносившийся с палубы через приоткрытое окошко разговор Ларта с капитаном. Они уточняли курс: хозяина, как всегда, тянули рифы и мели, шкипер несмело возражал. Наконец, звякнули монеты, и разговор был свернут. Заскрипели ступеньки, противно подпела дверь, каюта наполнилась сначала мутным вечерним светом, а затем Лартом, который за все задевал кончиком шпаги и вполголоса ругался. Я помог ему снять плащ. С палубы доносились поспешные команды, грохот якорной цепи и суматоха отплытия.

Ларт обрушился на койку, не снимая сапог. Я стал зажигать свечку, в этот момент суденышко качнулось и я чуть было не свалился на хозяина. Ответом было презрительное мычание. Я извинился.

Кораблик лег на курс, наполнив паруса вечно попутным по Лартовой милости, но от этого не менее холодным ветром. Этот ветер пробрал меня до костей, пока я ходил справляться об ужине.

Вернувшись, я застал хозяина в той же позе и в том же состоянии духа.

- Нас накормят, - сообщил я, усаживаясь. Ларт отозвался невнятно.

Проследив за его неподвижным взглядом, я с трудом разглядел на темном потолке толстого паука в паутине. Я не думал, что на корабле могут быть пауки, но деловито осведомился:

- Убрать?

Ларт не ответил.

Некоторое время мы слушали завывания ветра и плеск воды за бортом.

- Значит, он передавал мне привет? - заговорил со мной Ларт впервые за этот вечер.

- Горячий, - ответил я осторожно.

- А потом?

- Потом ушел.

- Далеко?

- Я не следил за ним, хозяин.

- И приключение тебе не понравилось?

- Никоим образом.

- Мне тоже, - буркнул он и повернулся лицом к стене.

Но на этот раз молчание длилось недолго.

- Предательство, - сказал Ларт в стену. - Предательство не прощается, Дамир.

Мне вдруг стало жарко - показалось, что он намекает на меня. Я в ужасе стал перебирать в уме свои дела и поступки, гадая, какой из них мог рассердить Ларта, но тут он продолжил свою мысль и отвел от меня подозрение:

- Руал Ильмарранен, - пробормотал он, обращаясь к пауку. - Двойное предательство.

Я тихонько вздохнул с облегчением и тут же насторожился, догадавшись, о ком идет речь.

- Да, - сказал Ларт, будто отвечая на мои мысли. - Марран.

И тут меня осенило: а я ведь его знал! Я делал первые шаги у Ларта на службе, когда этот нахальный и самоуверенный субъект был, помнится, его любимцем.

- Марран, - тем же отрешенным голосом продолжал Ларт. - Маг милостью небесной. Со временем он перерос бы и Эста, да, возможно, и меня... Не успел. Поторопился предать нас обоих. Наказание справедливо.

Он еще хотел что-то сказать, но тут снаружи послышались удивленные крики. Я поспешил выбраться на палубу.

Был темный, беззвездный вечер, мы неслись на всех парусах, а над нами, чуть не задевая за снасти, кружилась белая птица. Птица хрипло кричала, попадая в мутный свет фонарей, а оказываясь в темноте, излучала собственное слабое свечение. Матросы толпились на палубе, задрав головы.

Я быстро спустился в каюту:

- Хозяин, к вам пришли.

Как только Лартова голова показалась из дверного проема, птица камнем кинулась вниз и мертвой хваткой вцепилась колдуну в плечо. Ларт поморщился, а птица склонилась к его уху и с огромной скоростью застрекотала некое сообщение. Выслушав несколько слов в ответ, она захлопала крыльями, сорвалась с Лартова плеча и, уронив на палубу помет, канула в темноту. Все свидетели диалога шумно перевели дыхание, а мой хозяин молча вернулся в каюту.

...До поздней ночи я сидел в кубрике, ел до отвала, пил и делился подробностями из жизни магов. Слушатели смотрели на меня с ужасом и восторгом.

Пошатываясь и потирая живот, я едва добрался до каюты.

Лартов ужин, оставленный мною на столе, стоял нетронутый и давно остыл. Свеча почти догорела.

Мой хозяин сидел на койке, подобрал под себя ноги. Рядом, ткнувшись эфесом в подушку, лежала шпага.

Я остался стоять у двери, переступая с ноги на ногу.

- У нас перемены, - мрачно сообщил Ларт. - Мы меняем курс и завтра высадимся на берег. ...Это было первое утро за последние три года.

Марран шел проселочной дорогой; ноги, особенно левая, слушались с трудом. Дважды он упал - один раз очень сильно, поскользнувшись на предательски подмерзшей за ночь лужице, и ссадил себе ладони и щеку. Единственный человек, встретившийся Маррану по дороге, был пастушонок со стадом овец; мальчишка, по-видимому, хотел что-то спросить у измученного странника, но испугался и не спросил.

Первой радостью Руала на этом пути было солнце, пробившееся наконец сквозь утренний туман.

Руал надеялся согреться с его появлением - и не согрелся. Ждал, когда пройдет тошнотворная слабость - но она не проходила, а наоборот, наваливалась все сильнее по мере того, как Руал уставал. А уставал он быстро.

Впереди показался мостик, изогнутый, как дужка ведра, и такой же тонкий. Ильмарранен решил отдохнуть, привалившись к удобным широким перилам. Последние шаги оказались кошмаром.

Второй радостью Руала была минута, когда он повис-таки на перилах и увидел внизу свое неясное отражение в темной бегущей воде.

Некоторое время он безучастно смотрел на себя-под-мостом, потом водная гладь вздыбилась у него перед глазами - невыносимо закружилась голова.

...Когда-то река была теплой, кристально чистой, и в самую темную ночь он различал в потоке плывущую впереди серебряную форель.

Он и сам был форелью - крупной, грациозной рыбиной, и ему ничего не стоило догнать ту, что плыла впереди.

Она уходила вперед, возвращалась, вставала поперек реки, кося на него круглым и нежным глазом. Он проносился мимо нее, на миг ощутив прикосновение ясной, теплой изнутри чешуи, и в восторге выпрыгивал из воды, чтобы мгновенно увидеть звезды и поднять фонтан сверкающих в лунном свете брызг.

Потом они ходили кругами, и круги эти все сужались, и плавники становились руками, и не чешуи они касались, а влажной смуглой кожи, и весь мир вздрагивал в объятьях счастливого Маррана...

А потом они с Ящерицей выбирались на берег, потрясенные, притихшие, и жемчужные капли воды скатывались по обнаженным плечам и бедрам...

...Порыв ледяного ветра подернул воду рябью.

Под вечер мучительного бесконечного дня он увидел мельницу.

Она стояла, как и раньше, в стороне от дороги, за поворотом реки.

Но вода не шумела, обвалилось мельничное колесо. На мельнице царило полное и давнее запустение.

Руал подошел ближе. Из разбитого окна выпорхнул воробей.

Ильмарранен проводил его взглядом.

...Мельник Хант держал мальчишек-подмастерьев в черном теле - они тяжело отработывали на мельнице каждый урок магии.

Хант был средней руки колдуном, но незаурядным бабником - окрестные девушки и молодницы хаживали к нему гадать, привораживать женихов и сживать со света соперниц. Не задаром, конечно.

У мельника были влажные, цвета речной воды глаза - пристальные и насмешливые, прозрачные и непроницаемые одновременно. О нем ходили скверные слухи. Опровергнуть или подтвердить их могли только те утопленники, чьи тела время от времени попадали в рыбачьи сети вниз по реке. Впрочем, люди иногда тонут сами по себе, и если даже среди них случится подмастерье

с мельницы или бывшая Хантова подружка - что ж, это не такой уж повод для страшных подозрений.

Хант приходился вассалом Бальтазарру Эсту и платил ему дань. Подмастерья шептались о совершенно невероятных формах, которые эта дань принимала.

Конечно, мельник Хант по своему положению был много ниже блестящего господина Руала, и неизвестно, какой каприз великолепного Ильмарранена сблизил их. Во всяком случае, между мельником и Руалом установились живые, почти приятельские отношения.

К приезду Маррана накрывался стол - Хантова служанка, робкая тощая девушка, сбивалась с ног. Она мучительно стеснялась, прислуживая господину Ильмарранену, краснела и роняла посуду. Марран иногда снисходительно пощипывал ее за единственное выдающееся место - нос.

Подмастерья выстраивались вдоль стены, пялясь на заезжую знаменитость и перешептываясь. Младший до смерти боялся тараканов - и господин Руал охотно потешал публику, превращая его сотоварищей в стаю огромных черных насекомых. Поднималась возня, маленький подмастерье визжал, вспрыгнув на стул, а мельник Хант загадочно улыбался, пуская кольца дыма из своей трубки. Наблюдая эту сцену, господин Руал веселился от души.

Впрочем, странная дружба мельника и Маррана готова была зайти в тупик к моменту, когда на Ханта, его мельницу и уплачиваемую им дань пожелал заявить претензии господин Ларт Легиар, постоянно расширяющий территорию своего влияния и подчинивший себе уже весь левый берег.

Великие маги перегрызлись, как псы.

Мельник охал и жаловался Маррану на притеснения и претензии с двух сторон. Господин Руал, удивительным образом ухитрявшийся поддерживать дружбу с обоими соперниками, ободряюще хлопал Ханта по плечу и усмехался покровительственно.

И вот, лунной весенней ночью в столешницу дубового обеденного стола был вогнан длинный охотничий нож - так делается, когда двое хотят побиться об заклад.

Подмастерья, поднятые с постелей, служанка в халате и разгоряченный небывалым пари

мельник толпились с одной стороны стола, а с другой его стороны высился Ильмарранен:

- Двадцать золотых, мельник! Я ставлю двадцать золотых, что скажешь?

Хант грыз ногти, не переставая загадочно усмехаться:

- Я бы поднял ставки, господин Руал... Уж больно сомнительное это дело... Любого из них мудрено провести, а уж обоих...

Не зря, ох не зря набивал цену Хант! Пари сулило потеху, но и риск тоже, ибо господин Руал брался - ни более ни менее - оставить в дураках и Легиара и Эста. Шутка ли - явиться к Эсту в Лартовом обличье и так спутать все карты, чтобы маги отказались от мельницы по доброй воле... Впрочем, известно ведь, что господин Руал - мастер мистификаций и розыгрышей...

- Посмотрим! Пятьдесят, чтобы не мелочиться, - конечно, он был уверен в успехе.

Мельник покончил с ногтями и принялся за пальцы:

- Рискуете, господин Руал... Но так тому и быть... Я согласен.

- По рукам? - взвился Ильмарранен.

Мельник протянул сухую короткопалую руку, и над воткнутым в столешницу ножом было заключено пари... Старший подмастерье разбил руки спорящих вялым нерешительным ударом. Громко икнула сонная служанка - а господин Руал расхохотался, обернулся яркой растрепанной птицей и вылетел в приоткрытое окно...

...На заплесневевшем обеденном столе до сих пор темнел глубокий след ножа. Окна разбились, полуоткрытая дверь вросла в землю. Посреди двора догнивала груда пустых мешков.

Ильмарранен повернулся и зашагал прочь.

...Печальная женщина по имени Ящерица склонилась над столом, вглядываясь в темные пятна на белой салфетке. Возился в люльке маленький мальчик - агукал, улыбался, пытался поймать кружащиеся над ним прямо в воздухе цветные шары... Из наполовину зашторенного окна било радостное весеннее солнце, в ярком его потоке волшебные шары покачивались, радужно

переливались, то ловко уворачиваясь от маленьких ручек, то приликая к ладошкам. Малыш смеялся.

Его мать нежно разглаживала складки белой ткани, стараясь не касаться пятен крови. Вскоре под ее взглядом они медленно вернули свой красный цвет и ровно засветились изнутри.

Мы шли, по щиколотку увязая в сыром песке. Мыс остался позади, и суденышко скрылось из виду. Вместе с ним из виду скрылись завтраки, обеды, ужины, крыша над головой и увесистый дорожный сундучок.

Мы шагали налегке - молчаливый Ларт впереди, я следом. На каждый его шаг приходилось полтора моих.

Слева тянулась полоса прибоя, справа - бесконечная каменная гряда. Сюда можно было только приплыть или прилететь.

У меня промокли башмаки. Я догнал Ларта и поплелся рядом, преданно заглядывая в неприятно желчное лицо.

- Хозяин, близится время обеда. Я-то готов сносить превратности пути, но вы обязательно должны регулярно питаться.

- За что я его держу? - угрюмо спросил себя Ларт.

Я поотстал.

Спустя еще час мне было совершенно ясно, что путь наш никогда не кончится. Мы будем вечно идти вдоль полосы прибоя, и сырая стена справа никогда и ни за что не отступит. Я успел трижды отчаяться и трижды смириться, когда Ларт вдруг встал, как вкопанный. Я чуть было не налетел на него сзади.

Ларт встал лицом к отвесной скале, погладил ее ладонью и что-то сказал. "Ум-м!" - ответила скала, и в ней открылась черная вертикальная трещина.

Я отскочил так, что оказался по колено в море.

Ларт обернулся и поманил меня пальцем.

- Я обожду вас здесь, - сказал я бодро. - Мне неловко навязывать... - тут здоровенная волна пихнула меня под зад. Я, теряя равновесие, пробежал несколько шагов вперед и, мокрый как мышь, обрушился к Лартовым ботфортам. Он взял меня за шиворот и впихнул в щель.

Внутри было совершенно темно и неожиданно просторно. Ларт двинулся вперед в полном мраке, а я вцепился в него двумя руками, как в самое ценное свое сокровище. Щель у нас за спинами с грохотом сомкнулась.

Ларт, конечно, видел в темноте и уверенно тащил меня к хорошо ему известной цели. Вскоре во мраке подземелья прозвучал удивительно неуместный здесь скрип открываемой двери - и сразу стало светло.

Мы стояли посреди просторной прихожей, чем-то напоминающей Лартову, причем я уже успел изрядно наследить.

- Орвин! - крикнул мой хозяин. - Орвин!

Ответа не последовало. Я ежился - мокрая одежда липла к телу.

Не дождавшись приглашения, мы (Ларт впереди, я в отдалении) через длинный коридор прошли в комнату, служившую, по-видимому, гостиной. В центре этого огромного полупустого помещения стояло нечто, накрытое плотной черной тканью. Я решил, что это картина.

- Так, - сказал мой хозяин, потер пальцем нос, покусал губу, потом красивым длинным движением выхватил шпагу. Я охнул; Ларт шагнул вперед и кончиком шпаги сорвал ткань со странного предмета.

Это было зеркало. В нем отражались комната, Ларт, часть меня и некий темноволосый мужчина, в котором я узнал хозяйского знакомого по имени Орвин, или Орвин-Прорицатель.

Я отступил.

- Здравствуй, Легиар, - сказал Орвин из зеркала. - Прости, что не дождался тебя. Но сейчас каждая минута имеет значение. Я должен найти разгадку.

Он протянул там, в зеркале, руку - с руки свисала золотая цепочка, на которой болталась опять же золотая пластинка. Гладкая золотая пластинка величиной с крупную монету, со сложной, замысловатой фигурной прорезью в центре.

- Это Амулет Прорицателя, - продолжало отражение, - мой амулет, Легиар. Вчера его тронула ржавчина. Я не хотел верить. Сегодня ржавое пятно растет так быстро, как говорит об этом Завещание Первого Прорицателя, когда предупреждает о явлении Третьей Силы. Той самой, в которую ты никогда не верил. Мой долг был предупредить тебя, Ларт - и я предупредил. Теперь прощай - я должен выяснить, что и откуда нам угрожает. Желаю удачи - она нам понадобится. Прощай.

Отражение дрогнуло и растеклось, растаяло. В зеркале была только комната и Ларт - я благоразумно отошел.

Мой хозяин приблизился к зеркалу, внимательно на себя посмотрел, извлек из кармана гребешок и тщательно расчесался.

- Ах, ты... - пробормотал он в замешательстве. - Клянусь канарейкой... Дряннь, не верю...

Выскользнув из его руки, костяной гребешок раскололся на мозаичном полу.

Когда-то Руал Ильмарранен умел летать.

Теперь он с трудом мог в это поверить - так тянула его земля.

Земля издевалась над ним, плясала под ногами, как утлая палуба в шторм; земля не желала подчиняться и не желала отпускать. Дорога то и дело ускользала из-под прохудившихся подошв, подсовывая вместо себя гнилые ямы, рытвины и пни. Руал был близок к отчаянию.

Сгущалась ночь.

Незаметно подкрался и обступил Ильмарранена со всех сторон низкорослый, больной лесок.

Руал окончательно сбился с дороги.

- Очень глупо, Марран, - сказал он сам себе запекшимися губами. - Глупее исхода не придумал

бы и мельник Хант!

Тут под его ногой подломился с треском трухлявый сук, и Ильмарранен рухнул в груды истлевших прошлогодних листьев.

...До чего теплым был золотой песок на речном берегу, под обрывом! В песке этом ползали, обуянные азартом, двое подростков, а между ними - на утрамбованном пяточке - разворачивалось муравьиное сражение. Черными муравьями командовала Ящерица, а юный Марран - рыжими.

Полководцы припадали к земле, подхватывались на ноги, лазали на четвереньках, отдавая неслышные уху приказы покорным и бесстрашным “солдатам”. Некоторое время казалось, что силы равны, потом рыжая армия Руала вдруг беспорядочно отступила, чтобы в следующую секунду блестящим маневром смять фланг черной армии, прорвать линию фронта и броситься на растерявшуюся Ящерицу.

- А-а-а! Прекрати!

Муравьи уже взбирались по ее голым загорелым рукам. Она прыгала, вертелась волчком, стряхивая обезумевших насекомых. Черная армия распалась, потеряла управление, перестала существовать.

Марран сидел на пятках, утопив колени в песке, и улыбался той особенной победной улыбкой, без которой не завершалась обычно ни одна из его выходов.

- Ну, что ты теперь скажешь? Что тебе мешало выиграть на этот раз?

С ее языка готова была сорваться отповедь - и вдруг она нахмурилась, ей почудился кто-то наверху, далеко, над обрывом.

- Руал... По-моему, там Легиар... Может, нам лучше уйти?

Он сощурился:

- С чего бы это?

- Мы ведь на его территории... Может, он не любит, чтобы чужие приходили и колдовали у

него под носом?

Марран потянулся, бросил насмешливо:

- Ты мне зубы не заговаривай! Сдаешься, не хочешь больше играть - так и скажи... Мне тоже надоело колдовать вполсилы... Ты же с тремя десятками муравьев справиться не можешь!

Девушка вспыхнула:

- Зато ты хвастаешься в полную силу, и даже сверх всяких сил! Целуйся с муравьями своими!

Он смешно сморщил нос и протянул:

- Ну, целоваться я хочу с тобо-ой...

Следующие три минуты они возились, как щенки, на недавнем поле боя, хохотали и набивали полные рты горячего песка.

- И почему ты такой задавака, Марран, - говорила Ящерица, когда они лежали рядом, сморенные зноем. - Будто бы все можешь...

- А я все могу! - мальчишка подпрыгнул, будто подброшенный пружиной. - Вот пожелай чего-нибудь!

- Муравьиную пирамиду, - сонно бормотала девушка, - и чтобы вокруг нее был хоровод, а сверху один муравей махал белым флажком...

- Всего - то?!

Ящерица вскочила, вскрикнув, потому что все муравьи округи за две минуты собрались на месте, где только что покоился ее локоть.

Рыжие, красные, черные, забыв о насущных делах, выполняли поспешно прихоть маленького мага. Девушка смотрела, полуоткрыв рот:

- Эй, Марран... Я пошутила вообще-то...

А муравьиный хоровод уже кружился, а пирамида все росла и росла, а Руал Ильмарранен, красный от напряжения, пританцовывал вокруг, шевелил губами, водил пальцами и приседал:

- Ну, флажок! Давай же!

Флажок не получался.

Ящерица уже презрительно скривила губы, когда на вершину пирамиды выбрался-таки изрядно помятый рыжий муравей с лепестком маргаритки наперевес. Марран подскочил с победным воплем.

- Да, это достойно, малыш, - сказали у него за спиной.

Ильмарранен обернулся - перед ним стоял человек, о котором он много слышал и которого впервые видел так близко - великий маг Ларт Легиар.

Ящерица побледнела под слоем загара и резко дернула Руала за рукав. Тот, не глядя, высвободил руку.

- И чей же ты такой мальчик? - спросил Легиар мягко.

- Ничей, - настороженно отозвался Марран. - Свой. А что?

- Ничего, - пожал плечами маг. - Просто хотелось бы знать, кто твой учитель.

- Никто...

- А врать-то зачем? - удивился Легиар.

- Он не врет, - поспешно заступилась Ящерица. - Он самоучка. И вообще мы уже уходим, - и дернула Руала изо всех сил.

Легиар чуть повернул голову, посмотрел сквозь девушку и обратился опять к Руалу:

- А ты никогда не думал, что время муравьиных игрищ когда-нибудь закончится?

Марран смотрел на него исподлобья.

- А в мире, мальчик, есть другие... маги, и кому-то из них ты помешаешь, а кто-то станет союзником... Если ты этого захочешь, конечно, - добавил колдун и внезапно, вдруг обернулся огромным грифом, хрипло крикнул и взмыл вверх.

Руал, на секунду растерявшись, оторвал от себя пальцы Ящерицы и обернулся соколом.

Несколько секунд - или часов - две хищные птицы носились на страшной высоте, где дыхание спирало от ледяного ветра. А над берегом металась маленькая чайка - пронзительно кричала и не могла подняться выше.

Потом гриф камнем упал вниз, и, коснувшись ногами песка, стал господином Лартом Легиаром.

Вслед за ним опустился сокол - и обернулся обессиленным, запыхавшимся Марраном. Маги - молодой и матерый - некоторое время смотрели друг на друга.

- Пошли, - сказал наконец Легиар. - Можешь звать меня Лартом.

- Марран, - ответил Руал, протягивая руку.

Ящерица стояла, утонув по щиколотку в остывающем песке, и смотрела, как они уходили.

...Руал поднял голову - Ящерица все еще укоризненно смотрела на него из-за уродливого темного ствола.

Он наотмашь ударил себя по лицу - удар вышел слабый, но видение исчезло.

Он попытался встать, опираясь на ствол. В ушах у него, то приближаясь, то затихая, звучало тонкое назойливое пение. Тянула к земле тяжелая голова, мешала подняться.

И тут он увидел огонек.

Далеко-далеко, так неясно, что поначалу он и его принял за видение, но огонек не исчезал, мерцал ровно, тепло, приветливо, и Ильмарранен, пошатываясь, двинулся к нему. Он шел, влекомый той силой, которая собирает стаи бабочек вокруг горящей лампы. И огонек сжалился над ним - помедлил и стал приближаться.

Руал пошел быстрее, все еще спотыкаясь, но уже не падая, оставляя лоскутки рубашки на острых сучьях. Огонек обернулся жарко пылающим костром. Руал, потерянный, вышел на широкий перекресток двух дорог.

Сыпались в небо обезумевшие искры. Костер был сложен прямо посреди перекрестка, а чуть

поодаль копошились в его пляшущем свете две приземистые человеческие фигуры.

Ильмарранен шагнул вперед, намереваясь просить о приюте. На него не обратили внимания. Бросив хмурый взгляд, землекопы - а это были именно землекопы - продолжали свой тяжелый и грязный труд. Один долбил землю заступом, другой отворачивал ее тяжелой лопатой. Работали в полном молчании.

Руал, не дождавшись приглашения, сам подошел к костру и опустился перед ним на теплую, усыпанную пеплом землю.

Трещали поленья. Один из работающих то и дело отходил от растущей черной ямы, чтобы подбросить дров в огонь. Костер после этого пригасал, чтобы через секунду разгореться яростно и зло.

Руал смотрел в огонь. Из огня смотрела на Руала женщина по имени Ящерица.

Видение прогнал странный звук, раздавшийся совсем рядом. Не то стон, не то хрип.

Ильмарранен с трудом поднялся и обошел костер.

Кроме двоих работающих и непрошеного гостя, на перекрестке все это время находился еще один человек.

Это был древний старик, измученный, изможденный, лежащий на бесформенной куче тряпья. Старик пребывал в бреду: полуоткрытые ввалившиеся глаза не видели ни костра, ни подошедшего Руала. Губы, казавшиеся черными в свете пламени, не переставая, шевелились.

Ильмарранен присел рядом.

Старик, по-видимому, умирал. В его невнятном бормотании иногда различимы были отдельные слова; он то молил остановить кого-то, то шептал в отчаянии: “Заприте дверь”. Руал пытался придержать седую мотающуюся голову.

На рассвете, когда яма была уже широка и глубока, умирающий пришел в себя и потянулся рукой к затерявшейся в гуде тряпья фляге. Ильмарранен помог ему напиться.

Старик поблагодарил жестом. Руал кивнул. Небо светлело, но костер горел еще ярко. В этом смешанном предутреннем свете старик увидел наконец его лицо.

Рот с черными губами судорожно полуоткрылся; и без того страшные черты умирающего исказились вдруг неслыханным, слепым ужасом.

- Привратник! - выкрикнул он, пытаясь заслониться трясущейся рукой. - Привратник!

Руал отшатнулся.

Старик подался вперед, почти сел, не сводя глаз с Ильмарранена, потом захрипел, содрогнулся всем телом и вытянулся. С почерневшего, застывшего лица так и не сошло выражение смертельного ужаса.

Землекопы, как по команде, бросили заступ и лопату и деловито направились к старику. Тогда Руал, который был не в силах овладеть собой, повернулся и бросился бежать без памяти.

Голые скалы остались позади, теперь под ногами трещала прошлогодняя жесткая трава. Кроме того, то и дело приходилось пробираться сквозь кусты без листьев, но с колючками.

В жилище Орвина мы немного отдохнули, согрелись и подкрепились. Теперь, правда, казалось уже, что и отдых, и еда мне приснились.

Вот уже час перед нами маячила новая цель - замок. Там, как предполагалось, нас ждали ужин и ночлег. Мы шли к замку - замок, похоже, коварно отступал.

Сгущались сумерки, когда мы выбрались на дорогу. Идти по утоптаным колеям было легче, я догнал Ларта и спросил невинным голосом:

- Хозяин, неужели мы прервали морское путешествие из-за маленькой золотой безделушки?

Он так долго молчал, что я уже отчаялся услышать ответ. Но он наконец отозвался:

- Морской компас - тоже безделушка... Но если стрелка начинает бешено вертеться - не надо быть Прорицателем, чтоб заподозрить неладное...

Почти совсем стемнело. Проклятый замок не желал приближаться. Мне стало очень не по себе

- не от слов Ларта, а от его тона. Он не ворчал, как обычно, а говорил серьезно.

Я помолчал, но молчать было еще хуже, и я спросил как можно бодрее:

- Хозяин, а что такое Третья Сила?

Он быстро на меня взглянул и отвернулся:

- Скорее всего, сказка.

- Тогда почему это вас беспокоит?

- Потому что это страшная сказка.

И тут я по настоящему испугался. Опять же, не от слов. От того, что Ларт не рявкнул на меня, как обычно, и не высмеял, что тоже случилось. Он говорил со мной, как с равным. Значит, что-то действительно не так.

- Ладно... - Ларт ловко поддел ногой плоский камушек на дороге. Камушек описал дугу, но падать не стал, а завис прямо перед нами и вдруг ярко вспыхнул, освещая нам путь огнем, похожим на факельный.

- Ты прав, это меня беспокоит, - продолжал как ни в чем не бывало мой хозяин, - Орвин, как ты знаешь, прорицатель... Правда, прорицатели все немного не в своем уме. Их духовный наставник, самый первый Прорицатель, если только он на самом деле существовал, написал Завещание, если только это он его написал. И с Завещанием передал медальон, так называемый Амулет Прорицателя... Ну, медальон-то без сомнения существует, ты его сегодня видел. Он золотой и ржаветь, конечно, не может... Если только не появится веская, очень серьезная причина.

Хозяин замолчал, но я уже знал, что это не надолго. Он говорил бы, даже если бы я был глухонемым. Он просто рассуждал вслух.

- Серьезная причина... - продолжил Ларт после паузы. - Этот первый Прорицатель, который то ли был, то ли его выдумали, в своем Завещании, если это можно назвать его Завещанием, указал такую причину и назвал ее Третьей силой...

- ...Если это можно так назвать, - эхом отозвался я.

Он внимательно на меня глянул:

- Ну-ну...

Проклятый замок бросил, наконец, играть в догонялки и теперь приближался неуклонно, но все же очень медленно.

- А почему “Третья”? - шепотом спросил я.

- Видишь ли... На свете есть маги и есть не-маги. Ты согласен, что маги представляют собой силу?

И светильник его вспыхнул вдруг ослепительным, невыносимым для глаз светом.

- Согласен... - пробормотал я, прикрываясь ладонью.

- Но ведь не-маги - это тоже сила, - сказал он, пригасив светильник до обычной яркости, - множество больших дел совершалось мудрыми правителями, благородными героями и так далее. Вот король на троне, он справедливо правит. Вот маг в пещере играет заклинаниями. Вот мы с тобой идем по дороге. Все привычно, все уравновешено. Но Орвин вслед за своим первым Прорицателем считает, что есть еще Третья сила, к этим двум отношения не имеющая. Она, эта Третья Мифическая, якобы мечтает воцариться в мире, и воцарение ее несет живущим неисчислимые беды и страдания. Что она из себя представляет и откуда возьмется - на это Завещание ответа не дает. Но сама мысль о ее существовании мне противна.

- Хозяин, - сказал я, пораженный, - но лошадь может быть либо жеребцом, либо кобылой, а пациент - либо живым, либо мертвым. Где вы видите третий вариант?

Он не ответил.

Наступила ночь.

Громада замка не освещалась ни одним огоньком, да и Лартов светильник горел теперь тускло и неровно. Дорога круто взяла в гору. Впереди, справа и слева, замаячили темные приземистые

столбы, по-видимому, каменные. Мы замедлили шаг.

- Любопытные украшения, - пробормотал Ларт.

Столбы стояли шеренгами вдоль дороги, и на плоской верхушке каждого лежала, свернувшись, каменная змея. Каким бы тусклым ни был свет, их уродливые морды, обращенные к нам, были видны даже лучше, чем стоило.

- Ух, ты! - сказал я с нервным смешком. И услышал то, что боялся услышать - шипение. В ту же секунду они открыли глаза.

Сначала те, что были рядом - мы стояли почти между ними. Потом, будто просыпаясь - те, что были перед нами. А потом по очереди - все остальные.

На нас смотрела целая цепь красных горящих угольков. Вернее, две цепи - справа и слева.

Мне понадобилось все мое мужество, чтобы не броситься наутек. Я ограничился тем, что присел, спрятавшись за хозяина.

- Хорошенькая встреча... - буркнул Ларт.

- Уйдем, хозяин, - взмолился я снизу, - гляньте, как они смотрят!

Смотрели они отвратительно.

- Я пришел сюда, и я пойду дальше, - процедил Ларт обычным своим голосом. - Держись рядом!

И мы двинулись вперед. Это стало возможным потому, что я изо всей силы зажмурил глаза и открыл их только тогда, когда шипение осталось за спиной.

Замок закрыл уже половину черного неба, и был он чернее неба.

- Пришли, - сказал Ларт.

Подъемный мост был опущен. На дне рва маслянисто поблескивала жирная влага.

Ларт вдруг нагнулся, поднял камень и, размахнувшись, запустил его на мост.

Камень тяжело грохнулся о доски, и доски эти тут же вспыхнули. Камень, одетый пламенем,

подскочил как мячик и ухнул в ров. Вода зашипела, и все исчезло - мост снова стоял пустой и темный.

- Дрянь, - с отвращением сказал Ларт.

- Не слишком ли много сложностей? - спросил я, дрожа всем телом. - Может, поищем другой ночлег?

Налетел порыв ледяного, почти зимнего ветра.

- Теперь уж я точно не уйду, - отозвался Ларт сквозь зубы. - Ну-ка...

И он на одном дыхании выдал длинную раздраженную тираду, не имеющую никакого отношения к родному языку. При первых же его словах мост напряженно выгнулся, как спина разъяренного кота, а чуть погода ослаб, обвис и разом обветшал. Проклиная все на свете, я шагнул на него вслед за Лартом.

Мы миновали длинную арку, прорубленную в стене, и оказались на внутреннем дворе негостеприимного жилища. Нас приветствовали стаи летучих мышей. Шипастые двери замка неприятно напоминали очертаниями оскаленную пасть.

- Хозяин, - простонал я, - вы уверены, что нас тут накормят, а не съедят?

Ларт хмыкнул с наибольшим презрением, на которое был способен. Будто в ответ зубастая пасть заскрежетала, и гулкий голос угрожающе взревел:

- Кто посмел нарушить покой Великого Волшебника Черного Замка, Который Господствует Над Холмами?!

Когда рокот стих, Ларт обернулся ко мне:

- Ты что-нибудь понял? Кто господствует - Великий Волшебник или его Замок?

- Кто-о?! - взревело невидимое существо, окончательно распугивая нетопырей.

- Да я, - устало объявил Ларт. - Некий Ларт Легиар, если позволите.

Стало тихо. Тишина эта нарушалась только дробным стуком сердца у меня в горле.

- Агм, - обескураженно и далеко не так грозно сказал Голос.

- Ну? - процедил мой хозяин.

И двери распахнулись. Быстро, можно сказать, поспешно.

...Великий Волшебник, Хозяин Черного Замка, Который и так далее, встретил нас на лестнице.

В одной руке он держал факел, другой запахивал полы домашнего халата.

- Силы небесные, господин Легиар! - воскликнул он суетливо.

- Непросто же до тебя добраться, Ушан, - пробормотал мой хозяин. - Сколько лет ты собираешь всю эту дрянь?

Великий Волшебник захлопал глазами. Не дожидаясь ответа, Легиар отодвинул его плечом и прошел, нагнувшись, в низкую сводчатую дверь.

В пиршественном зале с витражами, фигурами латников и ворохом оружия на стенах мы были единственными гостями. Четыре камина излучали нежное тепло; половину помещения занимал огромный дубовый стол, за которым и восседали мы с Лартом. Великий Волшебник долго и путано извинялся за беспорядок и недостаточную изысканность угощения. Свой халат он сменил на мятый черный балахон, скрывающий в своих складках наметившийся волшебников животик.

- Это безвкусица, Ушан, - вещал мой хозяин, отбрасывая очередную обглоданную кость.

- К тому же, клянусь канарейкой, все это собрание монстров никак не соответствует твоему темпераменту. Подай соус, Дамир.

Великий Волшебник напряженно хихикал.

- Действительная ценность всех этих образцов невелика, - продолжал менторствовать Ларт.

- Это что, маслины? - он заглянул в очередную тарелку.

За окнами бушевала непогода. Мы слушали завывания ветра, жмурясь на огонь камина.

Наконец Великий Волшебник стал проявлять признаки нетерпения:

- Могу я узнать... Я так рад видеть вас, добрый господин Легиар, осмелюсь сказать, дорогой

Ларт, что позабыл спросить, так сказать, о цели...

Ларт заинтересованно его разглядывал, и не думая приходить на помощь.

- Гм... Должен сказать вам, дорогой Ларт, что если вы намерены предъявить, так сказать, требование... то я готов подтвердить свои вассальские обязательства сразу и не оспаривая.

- Ты же вассал Орвина, - холодно напомнил мой хозяин.

Великий Волшебник на минуту растерялся, пошлепал губами и наконец пробормотал:

- Орвин уехал... Я полагал, что ваш визит, так сказать, следствие...

Ларт отодвинул тарелку:

- Так-так... А если Орвин вернется?

Великий Волшебник съежился.

- Вы не хуже меня знаете, господин Легиар, что он не вернется... Он был очень храбрый, Орвин... Пока не поверил этой безумной книжке. Все твердил про Третью Силу...

Ларт подался вперед:

- Что такое Третья Сила, Ушан?

- Не знаю, господин Легиар. Мне кажется, это бред, который преследует Орвина...

- Ты что же, считаешь Орвина сумасшедшим?

- Да... Нет... Не смотрите так, господин Легиар. Я плохой маг, я перед вами беззащитен. Но я честный человек...

- Честный человек?! Скажи, Ушан, если явится кто-то сильнее меня, ты так же быстро предложишь ему себя в качестве вассала?

У Великого Волшебника прыгали губы:

- Мои змеи и мои нетопыри не защитят меня... Мой замок стар, сам я слаб... Что же мне делать, господин Легиар?!

Ларт вздохнул и отвернулся. Великий Волшебник тяжело опустился в кресло. Его покатые

плечи вздрагивали.

Стало тихо. Выл ветер за толстыми стенами да трещали дрова в камине. Ларт смотрел в огонь.

- Я не прав, Ушан, - сказал он наконец. - Прости. Где мы сможем переночевать?

Лицо Великого Волшебника немного просветлело:

- Я велел приготовить комнаты... Чем я еще могу быть полезен, господин Легиар?

- Нам понадобятся лошади. Мы возвращаемся домой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СКИТАНИЯ

...Таверна называлась “Щит и копье”, хотя ни один из ее посетителей сроду не держал в руках ни того, ни другого. Самым воинственным человеком в округе был Угл, отставной солдат на деревяшке. В былые времена его превосходила боевитостью матушка Регалар, жена трактирщика, но она вот уже три года как умерла, и с тех пор старик Регалар с племянницей управлялись вдвоем. Постояльцы в гостинице были редкостью, зато каждый вечер обеденный зал заполнялся окрестными фермерами - трактирщик давно бы разбогател, если бы не пагубная привычка давать в долг.

Было довольно рано, посетители едва начинали собираться, но старый Угл, завсегдагай, восседал уже на своем обычном месте, у стойки, и шумно приветствовал каждого нового гостя. Регалар гремел посудой на кухне, а его юная племянница бегала с кружками пива на маленьком подносе.

- А! - скрипел вояка Угл. - Вот и старина Крот! Самое время промочить глотку! - или: - А вот и Виль, глядите-ка! - и через минуту: - Ага, и Крокус явился! Ну и денек сегодня выдался, верно? Лина, пива!

Розовощекая веснушчатая Лина бухнула перед ним на стол огромную, в белой шапке пены, янтарную кружку. Он привычным жестом потрепал девушку по щеке.

Трактирщик вышел, чтобы поприветствовать гостей, и снова вернулся к очагу. Зал наполнялся; голоса сливались в нестройный гул. Говорили в основном о видах на урожай, да еще опасливо пересказывали слухи о банде разбойников, якобы объявившейся в округе. Подвыпивший Угл, подзвав Лину, туманно рассуждал о смотринах и женихах. Та слушала, залившись краской. В это время хлопнула дверь.

- А вот и... - привычно начал, обернувшись, Угл, и вдруг запнулся. Он не мог опознать человека, стоящего у входа, а такое случалось с ним нечасто и само по себе уже было событием.

Будто уловив фальшивую ноту в слаженной песне, собравшиеся по очереди замолчали и обернулись к дверям.

Вошедший был молодой мужчина в простой запыленной одежде, с котомкой за плечами и широкополой шляпой в опущенной руке. Никто из сидящих в зале никогда его не видел.

- Вишь, как, - прервал наконец Угл неловкое молчание. - Входите, молодой господин, поскольку тут собралась достойная компания. Лина!

Шум возобновился, правда, несколько тише, чем до этого. Девушка усадила гостя за единственный свободный столик. Тот положил рядом котомку, сверху бросил шляпу и устало вытянул ноги.

Со всех сторон его изучали. Любопытные взгляды разгуливали по прохудившимся сапогам, выдавшей виды куртке и дырявой котомке. В лицо незнакомцу, однако, смотреть избегали, будто стеснясь.

Ни о чем не спрашивая, Лина поставила перед посетителем тарелку бараньего жаркого и кружку пива.

- Спасибо, милая девушка, - проронил незнакомец.

Лина вернулась за стойку, так и сяк повторяя про себя его слова.

После того, как пришелец был рассмотрен, изучен и перемыт по косточкам, разговоры за

столами вернулись в обычное русло. Лина отправилась на кухню к трактирщику.

- Папаша, - так она обычно звала своего дядю, - папаша, там чужой человек. Одет просто, а лицо как у господина. Я подала ему, а он назвал меня “милой девушкой”.

- Хм... А расплатиться он сумеет? - поинтересовался трактирщик и, влекомый любопытством, направился в обеденный зал.

Незнакомец расправился с содержимым тарелки и явно повеселел. Поднявшись навстречу Лине, он вдруг отвесил церемонный поклон, так что та смутилась:

- Милая девушка, вы спасли меня от голодной смерти. У вас не будет повода сомневаться в моей благодарности, - объявил он торжественно и вытрусил из тощего кошелька несколько медных монет.

“Ишь, ты”, - подумал старый Угл.

“Как он говорит!” - подумала Лина.

“Беден, как крыса”, - подумал трактирщик и решительно шагнул вперед:

- А позвольте узнать, мой господин, какая такая надобность привела вас, человека нового, незнакомого, в наши заброшенные и ничем не примечательные края?

Незнакомец обнажил вдруг в улыбке два ряда блестящих зубов:

- Рад, что моя персона заинтересовала вас, добрый трактирщик... Я - путешественник и знаменитый охотник за бабочками, но иногда не прочь наняться на работу... Дрова колоть, воду носить, детей нянчить, шить, мастерить, играть на музыкальных инструментах... Не надо? - он вопросительным взглядом окинул примолкших гостей.

Кто-то удивленно фыркнул.

Трактирщик между тем вдруг отступил, потом снова приблизился, не сводя с гостя напряженного взгляда. Тот подмигнул Лине, взял со стола бутылочную пробку и вставил в глаз подобно моноклю.

- Быть не может! - воскликнул тут трактирщик громко и радостно.

Он пританцовывал на месте и в восторге хлопал ладонями по коленям.

- Господин Руал Ильмарранен собственной персоной!

Пробка выпала из широко открывшегося глаза. Улыбка застыла на лице незнакомца.

- Видано ли! - причитал Регалар. - У меня, здесь, так запросто!

В трактире стояла удивленная, исполненная любопытства тишина.

- Вы не помните меня, господин Ильмарранен? Три года назад! На ярмарке в Ручьях! Мы еще в кегли играли... И студент этот... И кондитер... Вот компания! Помните? Лина! - он порывисто обернулся к племяннице. - Да познакомься же с настоящим великим магом!

При слове “маг” все пришло в движение. Люди вставали, лезли на скамьи, возбужденно галдели, стараясь разглядеть нечто новое в таинственном посетителе.

- Вы меня не узнаете, господин Ильмарранен? - трактирщик, казалось, готов был заплакать.

- Вы угощали нас всю ночь... Студент под стол упал... А вы творили чудеса, помните? Помните, как перепугался ночной дозор?

И, вдохновленный, покрасневшийся, он обернулся к восторженным зрителям:

- Почтеннейшие, это было немыслимо и потому незабываемо! Грубые стражники назвали нас дебоширами, представьте! Они даже хотели нас задержать, но господин Руал...

Трактирщик вдруг скорчился, сотрясаемый внезапным приступом смеха:

- Госпо...дин Руал... Одним махом превратил их в винные бутылки... А сам обернулся штопором... Смеху было! Бедняги перепугались до смерти... Получив обратно человеческий облик, бежали без оглядки, а пики побросали... А господин Руал превратил пики в... в...

Трактирщик окончательно зашелся смехом. Свидетели этой сцены, по-видимому, слышали его историю не впервые - оживление нарастало.

- Да, дружище... - пробормотал странный гость. - Не очень-то удачно... А дело, собственно, в

том...

- О! - отсмеявшись, трактирщик перешел на оглушительный шепот. - Вы путешествуете инкогнито, понимаю! Прошу прощения, но здесь ведь все милейшие, достойные люди - все свои! Это - Лина, моя племянница...

- Вот что, - хмуро сказал молодой человек и встал. Взялся за котомку. Шагнул вперед... И встретился взглядом с двумя восторженными васильками. Зрачки у Лины были неправдоподобно широкими - давно, очень давно на Руала Ильмарранена так никто не смотрел.

- Вы правда... Настоящий? Всамделишный волшебник? Да?

Он перевел дыхание.

- Конечно... - и добавил, по-прежнему глядя на девушку: - Конечно, я узнал вас, дружище Регалар.

...Тысячи людей из разных селений и городов могли похвастаться личным знакомством с Руалом Ильмарраненом. Гордый, иногда надменный до чванства, он мог вместе с тем кутить в одной компании с лавочниками, портными, студентами - все одинаково его боготворили.

Однажды в городе Мурре он на спор превратил белую мышь в оперную певицу, и та весь вечер блистала на сцене местного театра, чтобы ровно в полночь юркнуть в норку на потеху честной компании.

В тот же день он спьяну наделил даром речи башенные часы на ратуше, чем причинил жителям множество неудобств, так как у часов обнаружился оглушительный бас вдобавок к скверному характеру.

В поселке Мокрый Лес господин Руал повздорил со старостой и сгоряча превратил его в мула; одумавшись, задумал обратное превращение, да только мул-староста уже затерялся в общем стаде, и господин Руал, махнув рукой, превратил в старосту первое попавшееся животное. Никто из сельчан не заметил подмены.

Выходка, о которой вспомнил трактирщик, была лишь звеном в длинной и славной цепи. Однако неудивительно, что добрейший Регалар запомнил этот случай на всю жизнь.

...Руала окружили, засыпали вопросами, старались незаметно потрогать. Кто-то засомневался и поспорил, кто-то намекнул на то, что неплохо бы, мол, своими глазами увидеть подобное чудо. Трактирщик рывкнул на маловерных: он-де, Регалар, чудеса-то видывал! Он бы не рискнул на месте некоторых раздражать господина Руала - худо будет! Толпа тут же отхлынула, а трактирщик потащил Ильмарранена в собственную комнату, где чествование продолжалось. В дверь то и дело просовывались чьи-то любопытные носы. Широкий дубовый стол ломился от яств и кувшинов.

Далеко за полночь, когда гости давно разошлись, а Лина тихонько прикорнула на сундуке в углу, трактирщик, сжимая Руалову руку и с трудом ворочая языком, горячо убеждал:

- Оставайтесь, господин Руал. Смею заверить, милейший господин... Очень нуждаемся в вас... Вдруг засуха... Или потоп там... Заболеет кто или расшибется... Оставайтесь! Дом вам всем миром... Отблагодарим, не обидим... Смею заверить...

Руал тупо смотрел в пол и, тоже с трудом произнося слова, отвечал все одно и то же:

- Дело необы... необы-чайной важности призывает меня в дорогу.

Из угла сонными, влюбленными глазами смотрела осоловевшая Лина.

В эту ночь, впервые за много ночей, Руал Ильмарранен засыпал на пуховой перине. Он был совершенно пьян - не столько от терпкого вина, лившегося рекой за обильным ужином, сколько от всеобщего восторженного поклонения. Переживший тяжелые времена, истосковавшийся по вниманию к собственной персоне, Марран засыпал со счастливой улыбкой на потрескавшихся губах.

Сладко кружилась голова; чистые простыни пахли свежескошенной травой, а за окном бледнело небо, гасли звезды. Марран глубоко, умиротворенно вздохнул, закрыл усталые глаза и повернулся на бок, ткнувшись щекой в согнутый локоть.

...Онемевшие руки, деревянные колени, спертый запах мокрых плащей и курток, ленивая

муха, ползущая по щеке... По месту, где должна быть щека... Открывается входная дверь, промозглым холодом тянет по сведенным судорогой ногам, и шуба, ненавистная шуба свинцовой тяжестью наваливается на пальцы, пригибает к земле...

Руал вскочил, хватая воздух ртом, мокрый, дрожащий, раздавленный ужасным воспоминанием.

За окном вставало солнце.

...Был вечер. Ларт сидел за клавесином.

У него был старинный, изящный инструмент работы великого мастера, хрупкое произведение искусства с чудесным звуком. И он не умел на нем играть.

Конечно, он мог заставить клавесин играть самостоятельно, и тогда в библиотеке, где тот помещался, звучали дивные концерты.

Но когда хозяина охватывало романтическое настроение, он зажигал свечи, ставил на пюпитр первые подвернувшиеся ноты, садился на вертящийся стул и задумчиво колотил то по одной, то по другой клавише, внимательно вслушиваясь в резкие, немзыкальные звуки, которые при этом получались.

Эти звуки явственно доносились в соседнюю с библиотекой гостиную, где я перетирал бархатной тряпкой золотой столовый сервиз на сто четыре персоны.

Гостиная, обширное помещение со сводчатым потолком, утопала в полумраке. Посреди нее помещался стол, дальний конец которого терялся из виду. С портретов на стенах презрительно шурились Легиаровы предки; все как один они походило на Ларта - Ларта, с которым случился крупный карточный проигрыш. Узкие окна были наглухо завешены красными бархатными портьерами - тяжелыми, громоздкими, снабженными золотыми кистями. Кисти эти жили своей обособленной жизнью - подергивались, вздрагивали, сложно шевелились, как водоросли на дне. Однажды я видел своими глазами, как одна такая кисть поймала муху и съела.

Жалобно вскрикивал истязаемый Лартом инструмент. Я задумчиво водил тряпкой по тусклому зеркалу большого плоского блюда. Вычищенная перед этим посуда была уже водворена обратно в шкаф и тихонько возилась там, устраиваясь поудобнее.

Ларт нажал на несколько клавиш сразу - я увидел, как болезненно сморщилось мое отражение на матовой поверхности блюда. Развлекаясь, я показал себе язык. Потом скорчил гримасу отвращения, которая, бывало, часами не сходила у Ларта с физиономии. Получилось на удивление похоже.

Раздухарившись, я придал своему лицу выражение мрачной мечтательности, с которой Ларт сидел за клавишином - и покатился со смеху, чтобы через секунду угрожающе сдвинуть брови. Тут вышла заминка, потому что у Ларта одна бровь была выше другой. Старательно гримасничая, я поднес зеркальное блюдо к лицу, взгляделся в отражение - и отпрянул.

За моей спиной, там, в глубине гостиной, маячила в полумраке темная человеческая фигура.

Я оглянулся - и никого, конечно, не увидел. Тусклая лампа едва освещала ближайших ко мне Лартовых предков.

Уняв дрожь, я решился снова заглянуть в свое зеркало.

Тот, который там отражался, преодолел уже половину пути и находился теперь где-то у середины стола.

Я взвыл. Ларт, умолкнув было, через секунду возобновил свои упражнения. Тогда я бросился вон из гостиной и поспешно захлопнул за собой дверь.

За дверью осталась забытая мною лампа. К счастью, мой хозяин играл не переставая и этим дал мне возможность ориентироваться в темноте.

Вломившись в библиотеку, я несколько успокоился. Ларт бросил на меня невнимательный взгляд и извлек из инструмента длинную резкую трель. Горели свечи по сторонам пюпитра, да поблескивали золотом корешки массивных волшебных книг.

- Ммм... - начал я. И опять увидел того, что отражался. На этот раз в крышке клавесина, отполированной до блеска. Я замер с открытым ртом.

- Почему ты не докладываешь? - поинтересовался Ларт.

Он захлопнул ноты и резко повернулся ко мне на своем вращающемся стуле.

- Почему ты не докладываешь о посетителе?

Я молчал, не в силах выдать из себя ни звука.

- Здравствуй, Легиар, - сказали у меня за спиной.

Мой хозяин поднялся.

- Здравствуй, Орвин, - сказал он со вздохом. Я уж отчаялся тебя увидеть.

Орвин, он же Прорицатель, имел привычку сидеть прямо, как шест, и постоянно потирать кончики пальцев. Ларт любил глубокие кресла и разваливался в них, как хотел.

- Он ржавеет, Легиар, - двадцать пятый раз повторил Орвин. Голос у него был напряженный, какой-то жалкий, будто речь шла о чьей-то неизлечимой болезни.

- Ты не узнал ничего нового, - безжалостно констатировал мой хозяин.

- Ты не веришь мне...

- Нет, верю - и чрезмерно. Достаточно того, что я не уехал на острова, а сижу и жду от тебя вестей. И, клянусь канарейкой, это бесплодное ожидание...

- Я принес тебе весть, Легиар! - почти выкрикнул Орвин.

Ларт поднял бровь:

- "Он ржавеет" - это ты хочешь сказать?

Орвин подался вперед и заработал пальцами вдвое быстрее:

- Ты не веришь мне, Легиар... Ты расквасишься. Вот уже три дня меня мучит прорицание. Оно во мне, оно рвется наружу.

И Орвин вскочил. Я, наблюдавший эту сцену из-за прикрытой двери, опасливо подался назад.

- Зажги огонь, Легиар! - вдохновенно потребовал Орвин. - Я буду прорицать!
- Сейчас? - желчно осведомился мой хозяин.
- Сейчас! - твердо заявил наш гость.

Ларт сбросил скатерть с низкого круглого стола, помещавшегося в его кабинете. Под скатертью поверхность столешницы была покрыта резной вязью полуразличимых символов. В центре стола торжественно водружены были три толстых свечи.

Обо мне забыли. Я спрятался за Лартовым креслом.

Орвина трясло, как в лихорадке, и лихорадка эта усиливалась. Глаза его не могли, казалось, задержаться ни на одном предмете. Пальцы сплетались и расплетались самым причудливым образом.

Ларт искоса взглянул на свечи - и они вспыхнули, все три разом, причем пламя их через некоторое время странно изогнулось, и все три язычка встретились в одной точке над центром стола.

Орвин дрожащими руками извлек нечто из-под рубашки - это был злосчастный медальон. Я глядел во все глаза, но разобрал только, что наполовину медальон золотой, а наполовину коричневый, ржавый.

Свечи пылали, как ритуальный костер. На стенах плясали тени.

- Давай, - сказал мой хозяин.

Орвин, как бы через силу, поднял Амулет к своему лицу и посмотрел на пламя сквозь необычной формы прорезь. На его лицо упала изломанная полоска света. Ларт отрывисто каркнул заклинание. Свечи вспыхнули синим. Орвин издал низкий металлический звук, потом заговорил быстро, но четко и внятно:

- Идут беды, о, идут! Вот зеленая равнина и путник на зеленой равнине. Огонь, загляни мне в глаза! Горе, ты обречен. Земля твоя присосется, как клещ, к твоим подошвам и втянет во чрево свое... Чужой смотрит в твоё окно и стоит у твоей двери. Умоляю, не отпирай! Огонь, загляни мне в глаза! С неба содрали кожу... Где путник на зеленой равнине? Леса простирают корни к рваной дыре, где было

солнце... Она на твоём пороге, её дыхание... Загляни в глаза. Я вижу. Я вижу! Среди нас её дыхание. Посмотри, вода загустела, как чёрная кровь... Посмотри, лезвие исходит слезами. Петля тумана на мёртвой шее. Дыхание среди нас. Среди нас. Она... Она... Грядёт!

Орвин запнулся, со свистом втянул воздух и выдохнул:

- Спроси.

- Кто она? - в ту же секунду подал голос мой хозяин.

- Третья сила, - почти сразу отозвался Орвин. Я похолодел.

- Чего она хочет? - продолжал спрашивать Ларт.

- Земля твоя... присосется, как клещ, к твоим подошвам...

- Знаю, - раздражённо прервал его Легиар. - Чего она хочет сейчас, там, на пороге?

- Она ищет, - Орвин запнулся, - привратника...

- Для чего?

- Чтобы открыть дверь...

- Какую дверь?

- Открыть дверь... С неба содрали кожу... Посмотри, вода загустела, как чёрная...

Ларт решительно прервал эту череду ужасов:

- Кто - привратник?

Орвин хватал воздух ртом:

- Он между... Он не... Он маг, который не маг...

- Что это значит?

- Он... - начал было Орвин. И вдруг замолчал.

- Ну?! - выкрикнул Легиар.

В тот же момент свечи погасли. Комната погрузилась во тьму. Пророчание, по-видимому, закончилось.

На заднем дворе Регаларова трактира было солнечно и безлюдно. Руал Ильмарранен валялся на траве в тени забора. Прямо над ним в горячем полуденном небе неподвижно висел коршун.

Руал лежал, раскинув руки; временами на него накатывали волны сладкого дремотного головокружения, и тогда начинало казаться, что это он, Марран, парит неподвижно в зеленом небе, а коршун лежит, раскинув крылья, на голубой траве в тени забора.

- Тихо, ты! Разбудишь!

Руал вздрогнул и очнулся.

Тень, покрывавшая раньше его с ногами, укоротилась теперь до колен. Коршун исчез, зато за забором кипела, по-видимому, бурная жизнь - возбужденно шептались тонкие голоса да мигали круглые глаза в дырочках на месте сучков.

- Да тихо же! - повторил голос, который, собственно, и разбудил Руала.

За верхний край забора уцепилась маленькая рука, и сразу же после этого прямо на грудь Руалу шлепнулся небольшой темный предмет. Ильмарранен незаметно скосил глаза - на его рубашке лежал сверху лапами большой бронзовый жук, от изумления и ужаса прикинувшийсядохлым.

За забором послышался приглушенный ликующий визг.

“Ну-ка”, - подумал Руал.

Он мысленно сосчитал до пяти, по-прежнему лежа с прикрытыми глазами, потом медленно, чтобы не спугнуть зрителей, поднял голову и, будто спросонья, огляделся. За забором затаили дыхание.

- Кто меня звал? - громко и значительно спросил господин волшебник. Жук скатился с его груди и свалился в траву. Глаза в щелках часто замигали.

Руал замер, будто прислушиваясь. Потом испустил вдруг негодующий вопль и, встав на колени, склонился над местом, куда упал жук.

- Отзовитесь! - бормотал он тревожно. - Отзовитесь, господин Жук!

Осторожно, двумя пальцами, он выловил наконец несчастное насекомое и усадил к себе на ладонь. Жук по-прежнему не желал подавать признаков жизни.

“Оживай, дружок”, - весело подумал Руал. Он поднес жука к самому уху:

- Что? Говорите громче!

- Ухх! - забыв об осторожности, громко сказали за забором. - Волшебник... Ух, волшебник!

Руал тем временем нахмурился:

- Как? Да это же возмутительно! Говорите, схватили вас и посадили в душный карман?!

С улицы донесся перепуганный топот - видно, жук мог рассказать много чего нехорошего.

Еле сдерживая смех, Руал заглянул в щель со своей стороны забора. Ребятишки - с полдюжины - сгрудились на противоположной стороне улицы, прячась друг за друга и готовые в любую секунду снова задать стрекача.

- Идемте! - громогласно предложил Ильмарранен зажатому в кулаке жуку. - Я доставлю вас туда, куда вы сами пожелаете. Ведите же!

И Руал широкими шагами направился к калитке.

Он шагал по главной улице поселка, держа перед собой жука на вытянутой ладони. Все живущие по соседству девчонки, девицы и даже солидные хозяйки ринулись поливать цветы в палисадниках или развешивать во дворах чистое белье, а те, что были попроще или просто ничего не успели придумать, прилипли к окнам, грозя их выдавить.

Ребятишки трусили следом на порядочном расстоянии. Их стало почти вдвое больше.

На околице, где вдоль дороги лежало старое поваленное дерево, процессия остановилась. Жук, выпущенный на трухлявый ствол, тут же скрылся в какой-то щели. Руал проводил его напутственным словом. Маленькие свидетели этой сцены были до того потрясены, что потеряли осторожность и подошли совсем близко. Руал обернулся - зрители шарахнулись с воплями ужаса.

...Спустя полчаса все вместе мирно беседовали, сидя на поваленном стволе.

- И вы со всеми-всеми зверями можете говорить? - в восторге спрашивал конопатый мальчишка по имени Ферти, являвшийся, по-видимому, заводилой.

Руал значительно кивнул.

- А за морем вы бывали? - поинтересовался другой мальчишка, с царапиной на щеке.

- А как ты думаешь? - серьезно отозвался Ильмарранен. - Неужели я похож на волшебника, который и за морем-то не побывал?

- Не похожи... - смутился тот.

- А правда, - вступил в разговор щуплый парень по имени Финди, - правда, что там живут люди с песьими головами?

- Правда, - подтвердил Руал. - Но очень далеко.

- А драконы? Вы летали когда-нибудь на драконах?

- На драконах нельзя летать, - объявил Руал твердо. - Драконы - страшные и кровожадные существа. И очень коварные. Их взгляд обращает в камень, а из пасти вырываются столбы огня, сжигающие все дотла!

Слушатели опасливо огляделись, желая удостовериться, что дракона поблизости нет.

- Значит, с ними не справиться? - шепотом спросил робкий Финди.

Руал улыбнулся широко и победоносно.

- Существуют люди, посвятившие всю жизнь борьбе с драконами! Однажды я... - и Ильмарранен вдруг ощутил невиданный прилив вдохновения.

Ребятишки вскрикивали, закрывали от ужаса глаза; в самом страшном месте Финди даже зажал уши ладонями. Когда Руал победил-таки чудовище и рассказ закончился, все вместе некоторое время приходили в себя, обессиленные страшным приключением.

- А... великаны? - спросил, отдышавшись, неумный Ферти.

- Случалось мне встречаться и с великанами, - охотно отозвался Руал.

- Не надо! - в панике закричал Финди.

Руал, рассмеявшись, положил ему руку на плечо:

- Да их-то бояться нечего! На случай встречи с великаном надо иметь при себе немного табака - великаны не переносят табачного запаха.

- Ух, ты...

- Если кто и опасен, - продолжал Руал, посерьезнев, - так это свой же брат волшебник...

Многие маги жестоки и завистливы. Они боятся соперников и всем жертвуют, чтобы сжить их со свету... Жили однажды два могущественных колдуна, жили рядом и враждовали между собою. Случилось так, что в тех краях объявился третий волшебник - молодой, веселый, превосходящий магической силой любого из них. Думали-думали колдуны, как избавиться от юного соперника - даже вражду свою позабыли на время. И придумали они хитрость - напали на него внезапно и превратили в каменного льва...

Руал перевел дыхание. Ему вспомнился нож, воткнутый в столешницу широкого стола:

“Заключается пари между Ильмарраненом и Хантом... в том, что вышеупомянутый Ильмарранен избавит мельницу Ханта от притязаний как господина Легиара, так и господина Эста... Причем вышеупомянутый Ильмарранен оставляет за собой право действовать как магическим мастерством, так и хитростью... Разбейте руки!”

- А дальше? - шепотом спросил мальчишка с поцарапанной щекой.

- Дальше... - протянул Руал. - Дальше молодой маг освободился от чар и страшно отомстил этим колдунам... Они жалко просили пощады, но он все же отомстил.

Слушатели сидели тихо, как мыши. Ильмарранен яростно тер переносицу, стараясь избавиться от ненужного, неприятного воспоминания - Бальтазарр Эст сжимает в щелочку холодные, высасывающие волю глаза: “На две стороны смотришь, Марран? В два гнезда червячков носишь? Стравил двух старых дураков, как бойцовых крыс на ярмарке, и в ладоши плещешь?”

Руал тряхнул головой. Ребятишки нетерпеливо ерзали на стволе поваленного дерева, не понимая, почему господин волшебник вдруг замолчал.

Стараясь овладеть собой, Ильмарранен поднял голову. Коршун опять висел в зените.

- А у кого в поселке рыжие чубатые куры? - озабоченно спросил вдруг Руал.

Мальчишки обескураженно переглянулись.

- У нас, - протянул обладатель поцарапанной щеки. - И у дядьки Крокуса...

- Скажи матери - пусть проследит... Коршун рыжую курицу давно себе наметил, того и гляди - унесет...

- Вы читаете мысли коршуна?! - поразился сын пекаря по имени Пач.

- Конечно, - благожелательно подтвердил Руал. - Только надо, чтоб было тихо...

- Тихо все! - завопил Ферти.

И в наступившей тишине до них вдруг донесся отчаянный плач. Плач накрыли потоки ругани, изрыгаемые другим голосом. Хлопнула дверь дома, что-то тяжелое упало и покатило в глубине крайнего, на отшибе, двора. Мальчишки вскочили.

- Это Нил, - испуганно сообщил Финди. - Его опять хозяин лупит!..

...Ильмарранен ногой распахнул ворота. Сапожник удивленно обернулся.

- Оставь ребенка! - это было даже не приказание, а повеление.

Рука с ремнем неуверенно опустилась. Из-за поленницы показалась растрепанная темная голова с красными от слез глазами.

Волшебник, стоящий в воротах, был страшен.

- Я превращу тебя в крысу, сапожник.

- А... ня... - промямлил в ужасе верзила.

- Я наверняка сделаю это, если ты еще хоть раз тронешь мальчишку!

Ремень выпал из трясущейся руки. Но в проеме ворот уже никого не было.

- А я б его превратил! - раздухарился Ферти.

Остальные возбужденно галдели.

- В крысу! - горячо поддержал Пач. - Вы ведь не знаете, господин волшебник, а он Нила каждый день лупит почему зря!

- Теперь перестанет, - пообещал Руал.

- Еще бы... - вздохнул кто-то. - И добавил вождельно: - Вот бы школьного учителя так...

Все ахнули - такой замечательной показалась эта мысль.

- Вы не останетесь у нас до осени? - осторожно спросил Финди.

- Я ухожу, - с сожалением сказал Руал. - Послезавтра. Или через два дня.

В толпе мальчишек он был похож на одинокую мачту среди бурного моря.

- А если я вам что-то дам? - это нахально торговался Ферти.

Руал усмехнулся:

- Что, например?

- Свисток, - Ферти рылся в карманах, - и вот еще, подкова.

Очевидно, по значимости подарок равнялся для мальчишки половине царства.

- Ну... - Руал, раздумывая, поднял брови.

- А если я тоже что-то подарю? - несмело вмешался Пач.

- И я...

- И я...

Они без сожаления вытаскивали из карманов гвозди, свистульки и цветные стеклышки.

Явились на свет лягушачья лапка, гладкий камушек с дыркой, ржавая часовая цепочка и живая ящерица.

Руал внезапно помрачнел:

- А вот это нельзя. Это никогда нельзя. Дай сюда!

Он бережно принял ящерицу в раскрытые ладони. Несколько секунд они смотрели друг на друга - глаза в глаза. Потом Ильмарранен наклонился и выпустил пленницу в придорожную траву. Мальчишки благоговейно на него таращились.

- Ящериц нельзя трогать, - сказал Руал глухо. - Никогда-никогда. Не вздумайте.

Все согласно закивали головами.

- За подарки спасибо, - продолжал Руал, поворачивая обратно в поселок. - Но я ничего, к сожалению, не возьму. Мне все равно придется уйти, - тут он подмигнул Финди, у которого на глазах выступили слезы.

Тот отвернулся, сопя, запустил руку глубоко в карман и извлек со дна его нечто, представляющее, по-видимому, огромную ценность.

- Это хрустальный шарик... - прошептал он, заглядывая Руалу в глаза. - Возьмите, господин волшебник... Ни за что, просто так... Возьмите!

Ферти разжал кулак - солнце заиграло в толще большого, действительно красивого стеклянного шара.

- Дурной, отдает... - громко сказали у Руала за спиной.

Руал хотел отодвинуть руку с шариком, но встретился с мальчишкой глазами и не отодвинул.

- Возьмите... - повторил Финди.

- Спасибо, - вздохнул Марран.

Показался трактир. На пороге стояла Лина, прикрыв глаза ладонью.

- Спасибо... - повторил Руал, машинально опуская шарик в карман, и, улыбаясь, зашагал ей навстречу.

Но она уже не смотрела на него. Она увидела что-то в конце улицы, и лицо ее вдруг странно изменилось.

- Вставайте... Люди... Беда!

Повсюду распахивались окна и двери.

- Напасть! Разбойники!

Кто-то громко ахнул у Руала за спиной. К трактиру, задыхаясь, подбегал молодой работник с отдаленной фермы. Его перепуганное лицо было залито потом и покрыто копотью.

- Грабители... Ферму подожгли... Будут здесь... - он давился словами.

- Светлое небо... - прошептала в ужасе Лина.

- Воды, - выдохнул вестник.

Ему дали напиток. Улица перед трактиром быстро наполнялась смятенными, растерянными людьми. Матери в панике звали детей. Финди, Ферти, Пач и прочие пропали в толпе. Кто-то заплакал. На крыльцо выскочил Регалар с поварешкой в руке. С поварешки капал красный соус.

- Прятаться надо... В погреб... - бормотал бледными губами лавочник, Регаларов сосед.

- Сожгут ведь... - тонко причитала шуплая старушка, его жена.

- Топоры взять - и на них! - это взвился вдруг старый Угл. На него шикнули сразу несколько голосов:

- Заткнись...

- Молчи, вояка...

- Топоры взять... - не сдавался отставной солдат. - У меня самострел в сарае!

- Самострел у него... Не смей! Из-за тебя всех нас убьют! - плачущим голосом выкрикнул староста - толстый глупый человек, чей авторитет был давно и безнадежно погублен.

- Бежать в лес, быстро! - метнулся долговязый подмастерье.

- Нет, откупиться...

- Откупишься от них, как же... Смотрите, дым!

Все позадирали головы. Черные клубы повергли толпу в еще больший ужас. Люди метались, потеряв рассудок; Лина, по-прежнему неподвижно стоящая на крыльце, деревянно сказала:

- Хутор горит... Звери.

- Молиться надо, - хватал всех за руки сапожник, здоровенный верзила. - Вместе помолимся...

- Тихо! - закричал вдруг Регалар. - Замолчите все! И уймите глупых баб. С нами волшебник, он защитит нас!

Все посмотрели на Руала.

Руал стоял под крыльцом, прижавшись к стене лопатками. Одна-единственная мысль заслонила от него свет: ушел бы утром - был бы спасен.

На секунду стало очень тихо. Потом зашелестели голоса:

- Волшебник...

- Великий маг...

- ...спасти нас...

- Волшебник...

И толпа, секунду назад охваченная паникой, вдруг вздохнула единым вздохом облегчения. Надежда завладела людьми так же внезапно, как до того ужас.

Руал обвел взглядом обращенные к нему лица. В глазах у него стояло выражение, какое бывает при сильной боли.

- Вы защитите нас, господин Руал? - ломким голосом спросила бледная Лина.

Ильмарранен пошевелил пересохшими губами.

- Я, - сказал он чужим голосом. - Я.

И на глазах у всей деревни лицо его внезапно и страшно изменилось, будто обуглившись. Люди отпрянули.

- Конечно, - бесцветным голосом сказал Ильмарранен.

И двинулся сквозь толпу. Взгляд его не отрывался от черных клубов дыма, зависших над полем.

...Разбойники не спешили. Растянувшись цепью, они ехали проселочной дорогой - десятка два плотных сытых головорезов. Хутор они сожгли походя - основная работа впереди.

Поселок будто вымер - это их не удивило. Удивительным было то, что по той же дороге навстречу им шагал человек.

Они могли бы проскакать мимо него. Они могли бы проскакать и по нему. Могли зарубить на ходу, не сходя с седла.

Шумела едва заколосившаяся пшеница. Черный дым клубами пятнал солнечный день. Человек шел. Он тоже не спешил.

Атаман, ехавший впереди, посмотрел на него из-под ладони. Не привыкший задавать себе вопросы, он почему-то смутился: очень уж дико выглядел безоружный пешеход, спокойно идущий навстречу вооруженному отряду. Разбойник придержал коня.

- Чего это, а? - спросил его подручный, который ехал чуть позади.

Атаман - хлипкий с виду, но осинового нрава молодчик - хмыкнул. Расстояние между всадниками и одиночкой сокращалось стремительно.

Копыта лошадей поднимали белые облачка пыли. Человек не менял ритма шагов, будто его толкала мощная невиданная сила. Он приблизился настолько, что ясно можно было разглядеть его лицо.

Атаман свирепо сощурился и потянул из ножен саблю. Идущий на него смотрел ему прямо в глаза.

Разбойником овладело смутное беспокойство. У идущего было пугающее, застывшее лицо и тяжелый сверлящий взгляд.

- Чего это, а? - спросил подручный, но уже испуганно.

Всадники остановились, сбившись в кучу. Человек шел, пока до кавалькады не осталось всего несколько метров.

Тогда остановился и он. Лицо его казалось грязно-серой маской, но глаза горели такой несокрушимой силой, таким бешеным напором, что разбойники пришли в замешательство.

- Чего тебе надо, негодяй? - крикнул атаман.

- Прочь, - холодно бросил человек. И добавил несколько странных, гортанного произношения слов, зловещих своей непонятностью:

- Заккуррак... Кхари! Акхорой!

Испуганно заржали кони.

- Колдун! - ахнул кто-то.

- Молчать! - рявкнул атаман. Но за его спиной уже не умолкал шепот: “Колдун... Волшебник...”

- Считаю до трех, - так же холодно сказал незнакомец. - Даю вам время убратся! Раз!

Смятение возросло. Атаман свирепо оглянулся, едва сдерживая лошадь.

- Два, - спокойно отсчитывал незнакомец.

Атаман не верил, что безоружный человек может вступить с ним в единоборство. Явного оружия у пришельца не было - значит, было тайное. Иначе откуда эта холодная сила?

- Два с половиной, - объявил странный человек.

Смятение переросло в панику. Разбойникам казалось, что в глазах незнакомца зловеще пляшет пламя.

- Три! - прозвучало, как удар хлыста. И пламя это вспыхнуло у страшного человека на ладони. Он выхватил из кармана яркую, как солнце, шаровую молнию и угрожающе вскинул над головой.

И атаман отступил. Он любил легкую добычу и боялся колдовства; сбросив саблю в ножны, он повернул лошадь и поспешил прочь. За ним ринулись остальные.

Человек на дороге смотрел им вслед. Глаза его погасли, лицо заливал пот. Из поселка бежали люди; ветер доносил их восторженные крики.

Руал Ильмарранен посмотрел, не мигая, на солнце, и опустил на дорогу. Выпал из мокрой руки стеклянный шарик - подарок мальчика Финди.

Выпал и утонул в пыли.

...Далеко-далеко отсюда черноволосая женщина не сводила глаз с капелек крови на белой салфетке.

Капли вспыхивали и гасли, как угли в прогоревшем костре.

Карета грузно подпрыгивала на колдобинах. Для дальних странствий это был слишком роскошный экипаж. Оббитый внутри шелком и бархатом, он был щедро позолочен снаружи, и позолота эта наверняка блестела за версту.

Ларту зачем-то нужна была именно такая карета - массивная и золотая, и именно шестерка вороных сытых лошадей - никак не меньше.

В карете восседал я, разодетый в пух и прах. Мой черный бархатный костюм был отделан серебряной парчой - ничего подобного мне сроду не приходилось надевать. Рядом на сиденьи лежала шляпа с ворохом перьев и шпага в дорогих ножнах.

Ларт же в некоем подобии ливреи сидел на козлах и правил лошадьми. Мне строго-настрого запрещалось звать его хозяином или упоминать по имени. Отныне странствующим магом был я, а он - моим слугой.

Таким порядком мы тронулись в путь спустя день после памятного визита Орвина-Прорицателя.

Чудесная метаморфоза нравилась мне целую неделю. Потом я почувствовал непереносимую скуку.

Ларт становился самым болтливым слугой в мире, едва нам стоило заехать на постоялый двор или встретить попутчиков. Однажды он в течение часа любезничал с хорошенькой крестьянкой, которую взялся подвезти на козлах. Я сидел в карете, слушал их милую болтовню и кусал локти. Они

успели переговорить обо всех цветочках, губках и глазках, вспомнить всех ее дружков и подружек и между делом выяснить, что волшебников, наверное, не бывает - все это сказки. Когда он высадил ее и помахал вслед, я высунулся из кареты по пояс и мрачно осведомился, какие, собственно, преимущества дает нам эта игра с переодеванием. Ларт задумчиво велел мне заткнуться и потом всю дорогу мертво молчал.

На постоянных дворах нас ожидало одно и то же: я водворялся в лучшую комнату, где и сидел безвыходно, окруженный всеобщим любопытством и опаской, а Ларт, как мощный насос, выкачивал из хозяина, слуг и постояльцев все новости, слухи и сплетни, взамен щедро одаряя их рассказами о своем премноговолшебном хозяине. Весть о нашем путешествии расходилась, как круги по воде, будоража округу и рождая во мне неясное беспокойство.

...Карета подпрыгнула так, что я стукнулся головой о потолок. Ларт нахлестывал лошадей, желая пораньше добраться до очередной гостиницы. Мы ехали полем, кругом не было ни души. Я смертельно устал от дорожной тряски, пыли и духоты, но мысль о постоялом дворе была мне противна.

- Хозяин! - крикнул я высунувшись в окно. - Хозяин!

Он придержал лошадей, а я, рискуя попасть под колеса, перебрался к нему на козлы. Он молча подвинулся.

- Мы что же, ищем Третью силу? - спросил я нахально.

Он уже открыл рот, чтобы сдернуть меня - и вместо этого сильно ударил по лошадям.

- Дыхание среди нас... - пробормотал он сквозь зубы. - Клянусь канарейкой... "Ее дыхание гуляет среди нас".

Руал ушел затемно, тайком, не попрощавшись ни с кем. Он шагал прочь от поселка, а день поднимался ясный, как и вчера, и, как вчера, вставало солнце. Коровы и козы на пастбищах, сторожившие их собаки - все повалилось на росистую траву, ловя боками первые солнечные лучи,

спеша согреться и не обращая на чужака ни малейшего внимания.

Впереди темнел лес. Руалу зачем-то хотелось спрятаться. Он шел все быстрее и быстрее, а перед глазами у него назойливо повторялись картины вчерашнего дня, повторялись медленно, будто участники их увязли в толще воды.

Бежит вестник с хутора, рот разинут, а крика не слышно. У бледной Лины выступили капельки пота над верхней губой. Капает соус с поварешки...

Надвигается широкая грудь вороной атамановой лошади, закрывает небо... Огромное копыто едва не наступает на короткую полуденную тень безоружного, беспомощного человека... Лучше околеть, чем прилюдно признаться в своей беспомощности. Я маг и сдохну магом.

Руал замедлил шаг и вытащил из кармана стеклянный шарик. Покатал на ладони, сощурился на играющие в нем солнечные блики. Нет, полное сумасшествие. Банда головорезов шарахнулась от отчаянной наглости и детской игрушки.

Ильмарранен спрятал шарик и сейчас только заметил, что идет по лесу, идет, по-видимому, не первый час, потому что лес стоит густой, нетронутый. Столбы солнечного света пронизывали его насквозь, и глубоко внутри Руала вдруг вспыхнула безумная надежда на чудо. Не может быть, чтобы случившееся вчера было глупостью и случайностью. Не может быть.

И со всей силой этой надежды Ильмарранен призвал к себе былое могущество.

Сначала он захотел расшевелить неподвижные кроны над головой, запустив в них ветер. Тишина и полное безветрие были ему ответом.

Он позвал ползавшую по стволу пичугу - та, не обратив на его зов никакого внимания, пропала в путанице ветвей.

Руал остановился. Он был искалечен, навсегда лишен части самого себя, и черная удушливая тоска, которую он так долго гнал прочь, вдруг обрушилась на него всей своей силой. У него подкосились ноги, он сел прямо на траву.

...Старый звездочет, обитатель башни с толстыми стенами и стрельчатыми окнами, всю жизнь собирал волшебные книги. Ни разу ни одно заклинание не подчинилось ему.

У старика была библиотека, сплошь состоящая из древних фолиантов неслыханной ценности, армия реторт для приготовления противоядий и подзорная труба, чтобы наблюдать за звездами. У старика не было одного - волшебного дара.

- Поразительно! - говорил он, глядя на Руала с благоговейной завистью.

А Руал небрежно листал страницы, беззвучно шевелил губами - и чахлое растение в деревянной кадке расцветало вдруг немыслимым образом, приносило похожие на дикие яблоки плоды, которые превращались внезапно в золотые монеты и со звоном раскатывались по каменному полу, образуя карту звездного неба. Старик потрясенно качал головой:

- Поразительно...

Маррану нравилось посещать звездочета в его башне, ему был симпатичен старик со всеми своими книгами, подзорной трубой и цветком в кадке. Звездочет же блаженствовал, принимая Руала, и почитал его визиты за большую честь.

- Скажите, Ильмарранен, - спросил он однажды, смущаясь, - когда вы впервые осознали себя магом?

Марран задумался.

В его жизни не было момента, когда он впервые ощутил бы свой дар. Был день, когда Руал-ребенок понял, что другие этого дара лишены.

Ему было лет шесть; холодной дождливой весной тяжело груженная телега застряла в размытой глине. Хозяин телеги, угольщик, немолодой уже человек, надрывался вместе со своей тощей лошадей, тщетно пытаясь освободить колеса из цепкой жижи.

- Что ты делаешь? - удивленно спросил его маленький Руал.

Тот хмуρο взглянул на глупого мальчишку и ничего не ответил.

Руал обошел телегу кругом, остановился перед лошастью - та беспокойно на него косилась - и, встав на цыпочки, дотянулся до повода:

- Ну, пошли...

Лошадь двинулась вперед и сразу, без усилия, вытянула телегу на твердую дорогу.

Марран на всю жизнь запомнил взгляд, которым наградил его угольщик.

Старик-звездочет просто не в состоянии был этого понять.

...Лес не кончался, наоборот - становился все гуще и темней. Руал шел уже много часов.

Сначала над головой у него радостно болтали птицы, потом на смену их щебетанию пришла тишина, нарушаемая иногда скрипом сосен да стуком дятла, а теперь вот в лесу завывали охотничьи рога - ближе и ближе.

Он шагал размеренно, бездумно, не поднимая глаз и стиснув зубы. Все равно.

Рог хрипло рявкнул совсем рядом, и, ломая ветки, на дорогу вылетели всадники. Руал остановился, ожидая, что охотники двинутся своей дорогой. Однако те резко свернули, и через секунду он стоял в кольце копий.

- Кто такой?

- Странник, - осторожно ответил Руал.

- Бродяга, - определил один из егерей.

- Браконьер! - не согласился другой.

Неспешно подъехал еще один всадник - по-видимому, вельможа.

- Снова наглый оборванец! - заметил он брезгливо. - Знаешь, негодяй, что бывает за поправу моих лесных угодий?

Руал ощутил гадкий привкус во рту: светлое небо, еще и это.

Шесть острых копий смотрели ему в грудь. Скалились егеря.

- Владения господина священны, - сказал он наугад и сжался, ожидая удара.

Вельможа нахмурился:

- Ты знаешь, мерзавец, кто я?

Руал жалко улыбнулся и перевел дыхание:

- Вы - могучий властитель, ваше сиятельство... А я... я - скромный... предсказатель судьбы.

Мог ли я не узнать... господина?

Копья неуверенно отодвинулись, чтобы через мгновение снова угрожающе сомкнуться:

- Ты мне зубы не заговаривай! Какой еще предсказатель?

“Небо, помоги мне!” - взмолился Руал и вдруг заговорил быстро и убедительно:

- Гадатель, знахарь, заклинатель духов, заглядывающий в будущее. Прибыл во владения господина, прослышав о его... трудностях...

И Руал запнулся, ужаснувшись собственным словам.

А вельможа вдруг напряженно подался вперед, испытующе вглядываясь в лицо своей жертвы; спросил медленно, подозрительно:

- О КАКИХ трудностях ты мог прослышать, бродяга?

В его настороженных круглых глазах Руал прочитал вдруг, что случайно угодил прямо в цель.

В этот момент он кожей ощутил возможное спасение и всем телом бросился в открывшуюся лазейку:

- Господину лучше знать, - сказал он значительно и показал глазами на егерей.

Вельможа заколебался. Ильмарранен ждал, переступая ослабевшими ногами.

- Поедешь с нами, - бросил вельможа и развернул лошадь.

Кабинет герцога в его большом помпезном замке сочетал в себе приметы охотничьего музея и парфюмерной лавки. С увешанных оружием стен стеклянно пялились полдюжины оленьих голов: между ними то и дело обнаруживались лубочные картинки, где сладко целовались голубки над головами прелестных пастушек. Маленький стол у камина был уставлен множеством сильно пахнущих скляночек, и Руалу то и дело становилось дурно от густого запаха духов.

Он проделал долгий путь, привязанный за пояс к седлу - то пешком, то бегом; потом бесконечно долго дождался приема в вонючей людской, откуда совершенно невозможно было сбежать, а теперь немеющими руками тасовал тяжелую колоду карт и лихорадочно искал путь к спасению. Пути не было.

Герцог восседал в кресле напротив; над его головой свирепо торчали клыки трофейного дикого кабана, который тоже нашел свой приют на стене кабинета. Кабан и вельможа были похожи, как братья.

У Руала взмокли ладони, а спасительная мысль все не приходила. В отчаянии он швырнул карты на стол:

- Это нехорошая колода, ваша светлость... На нее падал свет полной луны.

Герцог засопел, но возражать не стал. По его знаку лакей принес другую колоду.

У Руала перед глазами слились в одно пятно лицо вельможи и морда кабана. Тянуть дальше было невозможно, и он начал неровным голосом:

- Множество трудностей и опасностей окружает вашу благородную светлость...

Герцог насутился еще больше.

- Воинственные соседи зарятся на земли и уголья вашей благородной светлости...

Герцог окаменел лицом. “Не то”, - в панике подумал Руал. Карты ложились на стол, как попало; трефовая дама нагло щурилась, а червовый валет, казалось, издевательски ухмылялся.

- Кошелек вашей благородной светлости истощился за последнее время...

Ни один мускул не дрогнул на лице вельможи. Руал судорожно сглотнул и, смахивая пот со лба, затравленно огляделся.

И тогда он увидел ее.

Маленькая золотая фигурка - безделушка, украшение туалетного столика. Золотая ящерица с изумрудными глазами. Руалу показалось даже, что он ощущает на себе зеленый взгляд.

Спохватившись, он продолжил поспешно:

- Главная же трудность, главная беда заключается в другом... Она, эта беда, завладела всеми помыслами вашей благородной...

И тут ему показалось, что в маленьких свирепых глазках герцога мелькнуло нечто, напоминающее заинтересованность. Воодушевившись, Руал принялся тянуть слова, надеясь наткнуться-таки на то единственное, что доказало бы его право называться гадалщиком и тем самым спасло от виселицы:

- Она, эта беда, не дает вам покоя ни днем, ни ночью...

Да, герцог мигнул. Быстро и как бы воровато, что совсем не вязалось с его манерами. Мигнул и весь подался вперед, будто желая перехватить слова собеседника раньше, чем они слетят с его губ.

- Ни днем... - повторил значительно Руал, который никак не мог нащупать верный путь, ни... ночью...

И вельможа покраснел! Внезапно, мучительно, как невеста на пороге спальни; покраснел и отпрянул, хмурясь и стараясь взять себя в руки.

Руал понял. Эта разгадка сулила спасение. Карты замелькали в его руках, как спицы бешено несущегося колеса.

- Знаю! - объявил он громогласно. - Знаю, как тяжело вашей светлости в минуту, когда после многих трудов и стараний горячий любовный порыв вашей благородной светлости заканчивается горьким разочарованием! Знаю, как недовольна герцогиня и какими обидными словами она огорчает вашу светлость! Знаю, что самый вид супружеской постели...

- Тс-с-с! - зашипел герцог, брызгая слюной.

Трясущимися руками он сгреб со стола карты, опасаясь, по-видимому, что они еще не то могут рассказать.

Руал обессилено откинулся на спинку стула и с трудом улыбнулся. Это было слабое подобие

той особенной победной улыбки, которой блистал когда-то великолепный маг Ильмарранен.

Герцог вскочил, чуть не снеся со стены кабанью голову, и навалился животом на стол, дыша Руалу в лицо:

- Это ужасная тайна, гадалщик! Я запер жену... Ей прислуживает глухонемая старуха... Но жена ненавидит меня, гадалщик! Она издевается надо мной, когда я... я собираюсь... Хочу... Я пытаюсь... Проклятье!

И в порыве чувств вельможа заметался по кабинету. Руал наблюдал за ним, почесывая переносицу.

Обессиленный, герцог снова рухнул в кресло, являя собой воплощенное отчаяние. Кабан над его головой потерял значительную часть своей свирепости и, по-видимому, впал в уныние.

- Итак, я явился вовремя, - веско сказал Руал, выдержав паузу.

Герцог, угнетенный позором, поднял на него мутные глаза:

- Проси, что хочешь, ты, ведун... Любые деньги... Если уж карты рассказали тебе о моем горе, то уж наверно они знают, как ему помочь!

Карты знают, - тонко улыбнулся Ильмарранен.

Сейчас этот опасный самодур был в его власти - ненадолго, но зато крепко и полностью.

- Картам ведомо многое, - Руал встал, не собираясь попусту тратить отпущенное ему время.
- О плате договоримся вперед.

Герцог закивал, а Ильмарранен быстро взглянул на туалетный столик, вдруг испугавшись, что ящерица была всего лишь наваждением. Но нет - на него так же внимательно смотрели изумрудные глаза.

Он хотел провести пальцем по ее изящно изогнутой спинке - но не посмел. Высвободил ее осторожно из беспорядочной толпы дурно пахнущих флаконов, посадил себе на ладонь... Она уселась просто и удобно.

- Вот моя плата, - сказал Руал.

Вельможа крикнул.

...Утром следующего дня замок лихорадило.

Лакеи и прачки, конюхи и кучер, повара с поварятами и дворецкий во главе дюжины горничных метались, забросив дневные дела, подобно муравьям из разоренного муравейника.

Знахарь, прибывший неведь откуда и таинственным образом завоевавший доверие герцога, был в центре этой суеты и отдавал распоряжения, от которых бросало в пот даже выдавшую виды матрону-интендантшу.

- Крыс понадобится дюжина или две... - серьезно и сосредоточенно объяснял знахарь. - Мизинец на правой крысиной лапке обладает силой, о которой известно не всем, о, не всем!

Руал победоносно оглядел собравшуюся челядь и продолжал:

- Далее - яйцо кукушки. Ищите, бездельники, это приказ господина герцога! - прикрикнул он, заметив некоторое замешательство. - Ошейник лучшей собаки... - он загибал пальцы один за другим, - ржавчина с колодезного ворота...

Люди шептались, пожимали плечами - они не подозревали, по-видимому, о несчастье своего господина и не могли даже предположить, что задумал самозванный знахарь.

А у Руала уже не хватало пальцев для загибания:

- Гвоздь из подковы издохшей кобылы... Нет, жеребец не подходит. Кобыла, умершая своей смертью. Ищите! Ах, в прошлом году? Но гвоздь-то цел? Прекрасно, доставьте! - тут Руал обнаружил в толпе егеря, к седлу которого был вчера привязан, и ласково распорядился, ткнув пальцем ему в грудь:

- Ты и доставь! Подкову можно брать любую, но кобылу - раскопаешь... Доставишь лично господину герцогу, дружок, только не вздумай хитрить, а то...

Егерь побледнел и удалился, шатаясь. Руал проводил его отеческой улыбкой и продолжал:

- Локоны двенадцати девственниц... Веревка от погребального колокола... Кстати, - Ильмарранен обернулся к дворецкому, - пошлите кого-нибудь на кладбище, мне нужен чертополох с могилы утопленника.

Дворецкий что-то прошептал ему на ухо, Руал презрительно поднял брови:

- Не может быть, чтобы не было такой могилы. В крайнем случае придется кого-нибудь утопить... Лучше найдите сразу, дружок, - и Руал доверительно заглянул дворецкому в глаза.

- Зелье должно быть составлено прежде, чем солнце коснется горизонта... - озабоченно твердил он потом обнадеженному герцогу. - До момента, пока диск его не скроется полностью, надлежит провести обряд освящения любовного напитка. Все должно быть исполнено с точностью до мгновения, но потом, ваша благородная светлость, вы будете вознаграждены...

Руал, впрочем, тоже рассчитывал на некоторое вознаграждение. Он был не из тех, кто просто так прощает унижение и страх.

- Соберите помет бурой курицы, добудьте жженных перьев и личинок богомола... - диктовал он дворецкому с мстительным сладострастием. Герцог нервно ежился и все более мрачнел по мере того, как прояснялся состав любовного напитка. Оставшись со знахарем наедине, он пытался робко возражать, но Руал ласково отвечивал:

- О, как вы будете вознаграждены, ваша благородная светлость!

Перед заходом солнца запах духов в кабинете герцога окончательно побежден был другим запахом, мощным, пронзительным, как визг умирающего под ножом поросенка. Обладающий тонким обонянием вельможа держался за нос.

- Время приходит! - объявил Марран. - Напиток готов. Вашу светлость ждет обряд - и сразу за тем ночь восхитительных утех!

Герцог болезненно закашлялся.

Двор замка был полон возбужденных, заинтригованных людей. На башне дежурил поваренок,

обязанный сообщать о положении солнца по отношению к горизонту. Погасли печи на кухне, опустела людская, даже стражники у подъемного моста оставили свой пост и вместе со всеми палились на герцогские окна.

На высоком балконе в покоях герцогини маячила фигура затворницы.

А муж и повелитель готовился к ночи восхитительных утех. В одеянии, состоящем из одной только веревки с погребального колокола, которая была снабжена кисточкой из локонов двенадцати девственниц, в ошейнике лучшей собаки на красной мясистой шее, герцог переступал босыми ножищами прямо на каменном полу. В одной руке несчастный муж удерживал чашу с напитком, на поверхности которого плавали жженые перья, а другой плотно зажимал покрасневшие ноздри.

- Де богу больше... - шептал он страдальчески.

- Уже-е! - заверещал с башни поваренок-наблюдатель. - Солнце садится!

- Время! - прошептал лихорадочно возбужденный Руал. - Начинаем обряд! Повторяйте за мной, только громко! Чем громче вы произнесете сейчас заклинание, тем сильнее будет... Ну, вы понимаете... Начинаем!

И собравшиеся во дворе люди присели, как один, от удивления и страха, когда из герцогских покоев донесся вдруг истошный вопль:

- Ба-ра-ха-ра-а! Мнлиа-у-у!

Заохали женщины, зашептались мужчины. Не будучи посвященными в тщательно хранимую герцогом тайну, они строили сейчас самые фантастические предположения. А герцог то мощно ревел, то визжал, срывая голос:

- Ха-за-вздра-а! Хо-зо-вздо-о!

В короткий промежуток между его завываниями ухитрился-таки вклиниться поваренок с башни:

- Все! Солнце село!

Вопли оборвались.

- Пейте! - воскликнул Руал и ловко бросил в чашу с напитком гвоздь из подковы издохшей кобылы. - Пейте залпом и идите к ней!

От первого глотка глаза герцога вылезли на лоб, поэтому он не видел, как довольно, мстительно усмехнулся знахарь.

В чаше остался только гвоздь. Герцог кашлял, согнувшись в три погибели. Когда он поднял глаза, лицо Руала вновь было внимательным и участливым:

- Идите... Но помните - с каждым шагом следует выдергивать по волоску девственницы из этого пучка... Нельзя ошибиться, нельзя пропустить шаг или выдернуть сразу два... Идите же, ваша светлость!

Герцог, шатаясь, двинулся к лестнице. Руал слышал шлепанье его подошв и сосредоточенное бормотание - тот отсчитывал волоски.

Руал подождал, пока шаги отдалились, и опрометью кинулся к окну. Толпа встретила его появление возбужденным гулом, но Марран смотрел не вниз, во двор, а на розовое закатное небо. К нему он и обратился с высокопарной речью:

- О, небо! Верни его благородной светлости способность любить госпожу герцогиню и любую женщину, какую он пожелает! Верни ему эту возможность, которой он давно уже лишен! Сделай это, о небо! Ты знаешь, как трудно здоровому мужчине быть похожим на евнуха!

Толпа притихла при его первых словах, в ошарашенном молчании выслушала всю эту речь и наконец взорвалась потрясенными возгласами. Руал до половины высунулся из окна и протянул руку, указывая на балкон герцогини:

- А теперь к господину герцогу вернется его сила! Да свершится!

Восторженные вопли были ему ответом. Люди, сгрудившись под окнами, лезли друг другу на плечи, задирали головы и тыкали пальцами в сторону высокого балкона.

Руал перевел дух и потихоньку отошел от окна.

Днем ему удалось изучить расположение лестниц и коридоров, и все равно он едва не заблудился, спеша к выходу.

Где-то в глубине замка шлепал герцог, помечая свой путь волосками двенадцати девственниц.

Кони, оставленные в конюшне без присмотра, переминались с ноги на ногу. Марран вывел наспех оседланного вороного жеребца.

Мост был поднят. Руал взялся за рукоятки ржавого ворота - тот поворачивался невероятно трудно, рывками.

Мост медленно опускался; вот между его темным краем и стеной показалось быстро растущее небо, и проем все увеличивался. Руал крутил, надрываясь.

Мост наконец-то лег поперек рва, открывая дорогу к спасению.

Герцог, вероятно, уже заключил жену в объятия.

Руал вскочил в седло.

Унося ноги, он не мог слышать проклятий оскандалившегося герцога, сдавленного хохота его челяди и издевательств герцогини. Он не видел, как снаряжалась погоня, какие страшные отдавались приказы - несясь во весь опор по темному лесу, он придерживал спрятанную во внутреннем кармане золотую ящерицу, награду за труды.

Местечко Карат было первым более или менее большим городом на нашем пути. Его узкие улочки были любовно вымощены булыжником, мастерские и лавки снабжены искусными вывесками, а жители чрезвычайно чванливы - самый последний местный бродяга смотрел на приезжих с высокомерием принца.

Мы остановились, как водится, в лучшей гостинице. Она оказалась весьма пристойным, внушительным каменным зданием, а отведенные нам многокомнатные апартаменты были просто-таки хороши. Хозяин гостиницы, на которого произвело впечатление мое магическое величие,

сам показал нам комнаты и даже помог слугам внести багаж, при этом не теряя, впрочем, своего накрахмаленного достоинства.

Мне торжественно было предложено вписать свое имя в гостиничную книгу, что я и сделал, нацарапав поперек разлинованной страницы: “Великий маг Дамир, путешествующий по собственной надобности, в сопровождении слуги”.

Когда за хозяином закрылись створчатые двери, Ларт, пребывавший в добром расположении духа, одним махом смял мою роскошную постель под шелковым балдахином.

- Наконец-то... - пробормотал он, вытягивая ноги в запыленных ботфортах.

Действительно, слишком много было у нас за плечами скверных трактиров и грязных постоялых дворов.

Я подошел к окну - прямо напротив гостиницы помещалась ратуша, огромные башенные часы показывали полпятого, а внизу лежала залитая послеполуденным солнцем главная площадь города Карата. Зазывали торговцы, чинно шествовали солидные горожане и шатались уличные мальчишки; прямо под окнами простучала башмачками хорошенькая цветочница, почувствовала мой взгляд, подняла голову - и прелестно покраснела. Я вспомнил со сладким волнением, что на мне черный с золотом костюм чародея, и снисходительно ей улыбнулся. Она оступилась, прохромала несколько шагов и, обернувшись, стрельнула в меня глазками через плечо.

О да, это был город - место, сулящее огромные возможности.

- Не будем терять времени, - сказал Ларт у меня за спиной. - Через полчаса ты получишь приглашение.

У меня заколотилось сердце; я быстро обернулся, но, наученный опытом, не стал ничего спрашивать.

Ларт забросил ногу на ногу:

- Тебя пригласят к мэру на званый вечер, собираемый в честь посещения города одним

именитым путником... Ты догадываешься, каким?

Я раскрыл рот. Пожалуй, это было даже слишком.

- Там будет вся знать города, - продолжал между тем Ларт, - а также цеховые мастера, начальник стражи и так далее, все с женами и дочерьми. Предупреждаю: тебя захотят женить. Соглашаться или нет - твое дело.

Я растерянно, глупо улыбнулся.

- Далее, - Ларт потянулся и сел. Там будут крупнейшие купцы-толстосумы. Тебя, возможно, захотят подкупить.

Я не выдержал и спросил неуверенно:

- Зачем?

Ларт раздраженно тряхнул головой:

- Помолчи... Всегда найдется, зачем... Я все это рассказываю не для того, чтобы выслушивать глупые вопросы... Итак, магов там не будет, кроме, естественно, тебя. Ты, конечно, велик и могущественен, об этом уж я позабочусь. Твое же дело - по секрету сообщить всем и каждому, что тебе известна тайна. Неслыханная тайна... Говори, хвастайся, привлекая внимание. Ты сейчас - приманка.

- Приманка? - переспросил я, вздрогнув.

Ларт досадливо поморщился:

- В переносном смысле... Мне нужны слухи, мне нужен интерес к твоей персоне... Клянусь канарейкой, кое-кто давно должен был проявить к тебе интерес!

И он принялся вышагивать по комнате, со зловещим видом потирая руки:

- Должно быть что-то... Она себя проявит... Давно пора, или Орвин рехнулся окончательно!

- Хозяин, - спросил я осторожно, - мы все еще ищем Третью силу?

Он приостановился. Сказал после паузы:

- Мы ищем того, кто укажет на того, кто знает, что это такое.

Последние его слова потонули в реве башенных часов, пробивших пять. И едва стих последний удар, в створчатую дверь тихонько поскреблись:

- Господин волшебник... Вам послание...

- Это приглашение, - пробормотал Ларт.

...Это действительно было приглашение - розовый листок бумаги, разукрашенный, надушенный и, по-моему, даже напимаженный. В правом верхнем углу его красовался герб города Карата, сплошь состоящий из грозных и величественных символов: копий, пик и оскаленных львов. В центре, в витиеватой рамке, содержался напыщенный текст с нижайшей просьбой к господину волшебнику посетить званый вечер господина мэра в ратуше, в восемь часов.

Мы явились в половине девятого.

Я в парадном бархатном одеянии шествовал впереди, всем своим видом призывая к почтению. Чуть поотстав, за мной следовал Ларт в простой темной одежде. Стража у входа в ратушу поклонилась нам, скрежеща железными панцирями.

Следующие полчаса я принимал изъявления преданности. Дамы приседали в реверансах, томно улыбались, задевая меня жесткими кринолинами. Ровно и ярко горели свечи в канделябрах, сновали деловитые лакеи. Я блуждал в щебечущем лесу из кружев и перьев, пожимал какие-то руки, некоторые из них целовал - не уверен, что именно те, которые нужно. Мэр, невысокий лысоватый человечек, кивал и улыбался, улыбался и кивал. Ларта что-то давно не было видно.

В приоткрытые двери соседней залы мне удалось разглядеть длинный, пышно накрытый стол. Сердце мое радостно затрепетало в предвкушении пира.

Но приглашения за стол не последовало, а вместо этого разодетая в пух и прах толпа потихоньку просочилась в другое помещение, оказавшееся залом заседаний. По-видимому, здесь собирался совет городских старшин. Мэр занял привычное ему кресло на возвышении, остальные

устроились на длинных деревянных скамьях.

Оказавшись торжественно водворенным на почетное место около мэра, я вспомнил вдруг о задании Ларта и сообразил с ужасом, что пока и не пытался его выполнить, более того - переступив порог ратуши, еще не произнес ни одной членораздельной фразы. Я завертел головой, ища, с кем бы поделиться знанием ужасной тайны, но в этот момент мэр поднялся и зазвонил в колокольчик:

- Дорогие сограждане... Сливки нашего общества собрались здесь, чтобы поприветствовать дорогого гостя, чей визит...

Сливки общества вдруг ахнули в один голос. Кресло подо мной качнулось, и я обнаружил вдруг, что оно свободно висит в воздухе - довольно высоко.

“Ларт!” - подумал я, покрываясь потом и изо всех сил сжимая пальцы на подлокотнике.

Справившись с замешательством, сливки общества заплодировали. Мэр хлопал громче всех:

- Да, господа! Нечасто нас посещают маги, подобные господину Дамиру, хотя, по правде говоря, наш город не из последних, ох, не из последних! В прошлом месяце городская казна пополнилась налогом с цеха скорняков, а цех бондарей вернул долг с позапрошлого месяца... Из этих денег половина пошла на починку западной стены, а половина второй половины израсходуется на фейерверк в честь Дня Премноголикования, оставшиеся же деньги...

Я лихорадочно искал глазами Ларта, но его не было. Зал шептался, тихо возился, однако не проявлял открытого нетерпения. Мое кресло покачивалось над полом, никого не удивляя, а речь мэра лилась, как сонная равнинная река, которой еще далеко до моря.

В зале становилось душно; дамы все решительнее работали веерами. Мой парадный бархатный костюм облепил меня, как сплошной кусок пластыря.

- Мои сограждане, надеюсь, оценили уже мою скромность и честность... - журчал мэр.

Я вспомнил, что обед давно прошел, а ужин еще не наступил, и у меня нестерпимо засосало под ложечкой. Потом затекла спина, а пальцы на подлокотниках свело судорогой. Потом пересохли

губы, и это было хуже всего, потому что стакан с водой помещался на столике перед мэром и я не мог до него дотянуться. Я ворочал во рту сухим языком и с тоской думал, что приказ Ларта теперь невыполним, поскольку честный и скромный мэр никогда не заткнется.

И тут я увидел хозяина.

Ларт стоял в боковом проходе, полускрытый бархатной портьерой, и оживленно беседовал с буфетчицей. О том, что это именно буфетчица, я догадался по огромному подносу с прохладительными напитками, который она держала перед собой. Вот Легиар взял с подноса тонконогий бокал, пригубил золотисто-янтарную, искристую жидкость... У меня на глазах выступили злые слезы.

Ларт оглянулся, будто его окликнули, и дружески кивнул мэру. Тот закашлялся, словно поперхнувшись; речь его оборвалась. Зал заинтригованно наблюдал, как красноречивый отец города, тщетно пытаясь заговорить снова, выдавливая из себя одно только жалкое шипение.

Сдавшись наконец, мэр бросил на сограждан укоризненный взгляд и махнул рукой, будто отгоняя муху. Жест этот был сигналом.

Сливки общества, опрокидывая скамьи, кинулись к выходу и дальше - туда, где давно ждал их накрытый стол. Мое кресло с грохотом рухнуло на пол. Хромая, растирая затекшие ноги, я отправился вслед.

К моему появлению за столом не осталось свободных мест. Звенели вилки да работали челюсти, перемалывая изысканные яства. Я подошел к восседающему во главе стола мэру и сказал, пытаясь напустить на себя таинственность:

- О, как трудно носить в себе ужасные тайны...

Мэр скосил на меня глаза, не отрываясь от тарелки, и приветливо растянул лоснящиеся от жира губы, не переставая при этом жевать:

- ...ая асть ше ение, осподин шебник!

Я некоторое время потоптался рядом, но мэр, по-видимому, счел эту фразу достаточной и вполне убедительной, а поэтому, урча, продолжал трапезу, не удостоивая меня вниманием. Потоптавшись, я отправился в обход длинного стола, огибая его по часовой стрелке.

Пиршество достигло апогея. Я то и дело заговаривал с едоками, но это было так же бесполезно, как предлагать токующему глухарю ознакомиться с правилами правописания. Носившиеся с подносами лакеи время от времени налетали на меня, грозя сбить с ног. Увертываясь от них, я в какой-то момент оступился, взмахнул руками, пытаюсь удержать равновесие, и чудесным образом оказался утонувшим в нежно-розовом, пышном кринолине.

Я поднял глаза - над кринолином помещался изящный, затянутый в корсет стан, а выше - круглые обнаженные плечи, а еще выше - прелестное розовое личико некой удивленной блондинки. Падение было моей первой удачей за весь вечер.

Некоторое время после моих извинений мы мило болтали. Я успел пожаловаться на нелегкую долю волшебников, связанную с постоянным хранением тайн и секретов, и несколько раз приложиться к белой, ароматной, униженной кольцами ручке, прежде чем дама возмущенно вскрикнула и моментально обо мне забыла, так как ее соседка, толстушка в зеленом бархате, выудила из тарелки моей собеседницы превосходный кусок жареного мяса. Попытки возобновить беседу увенчались неудачей - красавица была вынуждена с удвоенным вниманием защищать отвоеванную отбивную.

Это поражение меня добило. Раздавленный, уничтоженный, пошатывающийся от голода среди пирующих, измученный и отчаявшийся, я зашагал прочь.

У выхода из зала обнаружился Ларт, жующий куриную ногу. По коридору отдавались женский смех и шелест юбок.

- Bravo, - сказал Легиар, запуская костью в угол.

Я почти заплакал.

Лил холодный, почти осенний дождь. Дорога размокла; измученный жеребец из конюшни герцога едва перебирал тяжелыми, облепленными грязью копытами. Конь, по-видимому, знал лучшие времена - его всадник, впрочем, тоже.

Покинув замок, Руал сначала метался, чтобы запутать погоню в ночном лесу, а дальше скакал, не разбирая дороги, всю ночь и половину следующего дня, задерживаясь только для того, чтобы напиться из придорожного колодца и напоить коня. Потом пришлось ненадолго остановиться - оба выбились из сил.

Руал торопился поскорее оказаться в безопасном отдалении от бешеного кабана, с которым был схож опозоренный герцог. Переночевав кое-как в мокром стогу и дав передышку лошади, он продолжил свой путь, который вернее было бы назвать бегством.

Дождь пошел на рассвете и до вечера лил, не переставая. Жеребец оступился на скользкой выбоине и охромел.

До сих пор Руал старался избегать людских поселений, опасаясь, что их жители могут передать его в руки герцога. Теперь, по-видимому, деваться было некуда - конь хромал все сильнее, а всадник два дня не держал во рту и маковой росинки. К тому же замок остался далеко позади - Руал надеялся, что погоня потеряла его след, да и владения герцога, в конце концов, не безграничны.

Поэтому, когда из стены дождя выступил вдруг уютный хуторок, обнесенный частоколом, Руал не стал сворачивать с дороги, как раньше. Конь оживился, почуяв жилье; Руал ободряюще похлопал его по шее и направился прямо к массивным воротам.

Ворота были заперты изнутри на засов. Руал отбил себе руки, прежде чем в ответ на его стук приоткрылось смотровое окошко и в нем замигал заспанный голубой глаз:

- Чего?

- Пустите на ночь честного и доброго путника, - сказал Руал, стараясь казаться как можно честнее и добрее.

Глаз обежал его с ног до головы, презрительно сощурился и спросил с неудовольствием:

- Сколько дашь?

У Руала не было за душой ни гроша, если не считать золотой статуэтки, тщательно запрятанной за пазуху. Поэтому он просительно улыбнулся и предложил:

- Я отработать могу.

Глаз моргнул, и смотровое окошко бесцеремонно захлопнулось.

- погоди! - закричал испуганный Руал. - погоди, поторгуюсь!

Окошко приоткрылось опять, и владелец голубого глаза сообщил сквозь зубы:

- На базаре торгуются, ты, оборванец! А у нас хозяин бродяг всяких не держит!

- Позови хозяина, - сказал Руал быстро.

- Сейчас, - мрачно пообещал владелец глаза. - Только разгонюсь вот посильнее... А ну, пошел отсюда!

Руал попытался придержать захлопывающееся окошко - его больно ударили по пальцам.

Жеребец переминался с ноги на ногу за Руаловой спиной.

- Плохо дело, - устало сказал ему Руал.

Дождь усилился. Понемногу сгущались сумерки. Руал прижался щекой к окошку, пытаясь по слуху определить - здесь несговорчивый обладатель голубого глаза или уже ушел. Дождь заглушал все звуки, а щелей в воротах не было. Частокол вокруг поселения был высок и снабжен остриями по верхнему краю.

Руал снова заколотил в ворота - просто так, безнадежно.

К его удивлению, вскоре во дворе послышались голоса, среди которых выделялся уже знакомый. Оконце распахнулось, и другой глаз, пронзительный, карий, уперся Руалу в лицо.

- А вот собак спущу, - негромко пообещал хриплый бас.

В этот момент Руалов жеребец, не выдержав, ступил вперед и горестно заржал.

Карий глаз перевел свой буравящий взгляд с Руала на облепленного мокрой гривой, охромевшего красавца-коня, оценивающе прищурился:

- Твоя лошадь?

Руал кивнул.

- Где украл? - поинтересовались из-за ворот.

- Я не... - начал было похолодевший Руал, но владелец карего глаза перебил его:

- Отдай коня - и ночуй, пес уж с тобой.

Растерявшись, Руал только покачал головой - нет, мол, не пойдет.

- Тогда пошел вон, - отрезали из-за ворот и окошко наполовину прикрылось.

Жеребец и Руал посмотрели друг на друга.

- Погодите, - хрипло сказал Ильмарранен. - Так и быть, согласен...

Окошко с готовностью распахнулось, а следом взвизгнул железный засов и ворота приоткрылись тоже:

- Вот и ладненько... Конь-то все равно краденый, и хромой, чего жалеть...

Руал промолчал.

Голубой глаз принадлежал, оказывается, щуплому веснушчатому парню-работнику, прикрывающемуся от дождя куском рогожи. Обладателем карих глаз был сам хозяин фермы - невысокий плотный человек неопределенного возраста. На его зов явился еще один работник - парнишка лет пятнадцати; он удивленно покосился на Руала, взял из его рук уздечку и повел коня вглубь двора, где темнели многочисленные пристройки. Хозяйство, по-видимому, было внушительных размеров и процветало.

Хозяин еще раз оглядел Руала, хмыкнул каким-то своим мыслям и велел веснушчатому:

- Отведи... Скажи, пусть его накормят, ладно уж... - И добавил другим тоном: - Про жеребца ни слова, шкуру спушу...

Парень вздрогнул, а хозяин добавил, как ни в чем не бывало:

- Да приглядывай за этим, как бы ни стянул чего...

- Я не вор, - сказал Ильмарранен.

Хозяин снова хмыкнул:

- Ладно, иди...

И Руал пошел через широкий двор, следуя за неприветливым щуплым парнем, который мрачно что-то бормотал и натягивал на голову свою рогожку.

Наконец добравшись до места, Руалов провожатый потянул тяжелую дверь, из-за которой выбился клуб пара, и недовольно показал на нее Ильмарранену. Руал шагнул чрез порог - и очутился в сладостном царстве жилья, сухом и теплом.

В печке бушевал огонь, рядом возилась немолодая уже, но крепкая и опрятная толстуха. Она обернулась на скрип двери, подбоченилась и вопросительно глянула на веснушчатого. Тот буркнул:

- Прибился вот на ночь... Хозяин велел накормить...

- Отчего ж не накормить, - приветливо отозвалась толстуха, - только ноги пусть оботрет, а то извозился по уши, - и она указала Руалу на скамейку у стены. Молодой работник вышел, по-прежнему сердито бормоча.

Руал вытер ноги о тряпку у входа, прошел через кухню и сел, где было указано. Колени его едва сгибались, спину невыносимо ломило, желудок мучили голодные судороги - а он был счастлив. Счастлив, что можно сидеть, привалившись к теплой бревенчатой стене, не шевелиться и просто смотреть на огонь.

- Откуда будешь? - спросила кухарка, с любопытством за ним наблюдавшая.

Руал разлепил обветренные губы и отозвался:

- Из Мурра.

Кухарка ахнула:

- Из Мурра?! Да ты знаешь, где Мурр, а где мы!

Руал улыбнулся с трудом:

- Я готов бежать на край света... И убегу...

Толстуха отставила в сторону корзинку с овощами, которые чистила:

- Гонятся за тобой, что ли?

- Гонятся, - сообщил Руал с глубоким вздохом. - За мной по пятам следует несчастная любовь!

Кухарка, крайне заинтригованная, обошла широкий стол и под села на краешек скамейки, повторяя сочувственно:

- Вон как... Вон как оно бывает...

Руал покачал головой, давая понять, что не намерен пока раскрывать свою тайну. Тогда кухарка спохватилась:

- Да ты промок до нитки... Погоди-ка...

Она вернулась через несколько минут с ворохом сухой одежды в одной руке и парой сапог в другой:

- На-ка, примерь... Должно подойти тебе...

Одежда была не новая, но чистая и искусно зачиненная. Толстуха отвернулась, чтобы не глядеть на одевающегося Руала, и это было очень кстати: ему удалось незаметно перепрятать статуэтку.

- Я тут за хозяйку, - рассказывала тем временем женщина, - и пошить, и постирать, и зачинить... На все, бывало, и рук не хватит... Ты садись к огоньку, погрейся... И ужина дожидаться нечего - тут с обеда похлебка осталась. Хозяин не любит, чтоб пропадало...

Руал натянул сапоги - они были великоваты.

- Да, - продолжала женщина, - муженек мой пошире был в кости... Ростом такой же, а ножища здоровая...

- Ничего, - сказал Руал благодарно. - Спасибо.

Ужинали в просторной, просто обставленной столовой; работники и прислуга сели за стол вместе с хозяйской семьей. Хозяин восседал во главе стола; под его сверлящим взглядом ежились по рангу разместившиеся домочадцы: мальчик лет двенадцати - хозяйский сын, дочь хозяина, миловидная девушка с гладко зачесанными светлыми волосами, далее кухарка и десяток работников - все молодые крепкие парни. В самом конце стола, на приставленной табуретке сидел Руал - в добротной крестьянской одежде, сам сейчас похожий на любого из них.

Никто не смел прикоснуться к ложке, пока хозяин не отправил первую порцию кукурузной каши себе в рот. Тогда раздался торопливый стук - работники спешили выловить лучший кусок сала из стоявших посреди стола общих тарелок.

Руал, утоливший первый голод на кухне, рассеянно жевал хлеб и наблюдал за едоками.

Кухарка то и дело задорно на него поглядывала - не разделяй их длинный стол, она, возможно, подсунула бы ему лишний кусочек. Веснушчатый голубоглазый парень, негостеприимно обошедшийся с Руалом у ворот, старательно его не замечал, остальные иногда косились с умеренным любопытством - больше всех интересовался парнишка, который увел на конюшню герцога жеребца. Мальчик, хозяйский сын, явно тяготился присутствием отца - сидел, горбясь, и нехотя ковырял ложкой в тарелке. Хозяйская же дочь за время ужина раз пять обменялась быстрым взглядом с сидящим напротив круглолицым темноволосым юношей, который дважды поперхнулся кашей.

Но вот хозяин крикнул и отодвинул тарелку. Все поспешно встали; опоздавшие на ходу запихивали в рот недоеденные куски хлеба. Руал поднялся тоже. Хозяйская дочь последний раз глянула на темноволосого, ее брат громко икнул, а кухарка заговорщически подмигнула Руалу.

Работники ночевали в длинном низком сарае, прямо на усыпанном сеном полу, укутавшись в одеяла. Руалу отвели место у выхода, где сено было пореже и из-под двери тянуло сыростью. Вскоре сарай наполнился густым храпом здоровых и сильных людей, уставших после тяжелой работы.

Руал лежал, глядя в темный потолок; ему представлялся герцог, вылетающий из спальни нагишом, но в собачьем ошейнике, и его челядь в полном сборе, встречающая своего господина неммым вопросом, переходящим в трогательное сочувствие. Руал жестко оскалился: вельможа приговорил себя, угрожая Маррану и привязав его к седлу. Расплата была сладостной и от этого не менее справедливой.

Он скользнул рукой за пазуху - золотая ящерица встретила его ладонь дружеским, как ему показалось, прикосновением. Ты свидетель, подумал Руал. Я никогда не пощажу и не попрошу пощады.

Мысли его переметнулись к сегодняшнему дню - он вспомнил о потере лошади. Конечно, повредивший ногу жеребец не смог бы продолжать путь немедленно, как этого хотелось Руалу, и все же лошадь - это капитал. Не следует прощать хозяину этой грабительской сделки... Он повернулся на бок и подумал о хозяйской дочери.

Лениво стучал дождь по дощатой крыше сарая.

Руал сел. Работники спали, сотрясая воздух храпом. Руал бесшумно поднялся и вышел под слабеющий дождь.

Ферма была погружена во тьму, только на кухне светилось тусклое окошко да не спали наверху, в комнатах хозяина. Руал наугад ступил несколько шагов - и замер, потому что совсем рядом, у поленницы, маячила чья-то белая рубашка. Вскоре оказалось, что обладатель рубашки был не один - не мог же он шептаться сам с собою. Руал, чьи глаза давно привыкли к темноте, разглядел светлые, гладко зачесанные волосы и радостно поблескивающие глаза.

Влюбленные прощались - вскоре настороженное ухо Руала различило звук робкого поцелуя, и сразу вслед за этим девушка бесшумно заторопилась к дому, а темноволосый - это был именно он - прокрался к двери сарая и, оглядевшись, нырнул в темноту. Руал благоразумно пригнулся за поленницей.

Девушка тем временем пересекла двор, направилась было к парадной двери - но потом, поколебавшись, повернула в сторону кухни. Ильмарранен, одержимый веселым куражом, последовал за ней. Дверь кухни осторожно закрылась - Руал, сосчитав до двадцати, вошел следом.

В печке тлели угли, на широком столе горела масляная лампа. Кухарка перетирает полотенцем груды вымытой посуды, а хозяйская дочь, присев на скамейке у стены, что-то горячо ей объясняла. Обе испуганно обернулись навстречу Ильмарранену.

- Фу ты... - с облегчением выдохнула девушка. - А я думала, отец...

Толстуха широко улыбнулась:

- Пришел-таки... Ну, заходи, птица залетная...

Дочь хозяина подвинулась - Ильмарранен присел рядом. Ему показалось, что девушка пахнет молоком.

Толстуха хитро улыбнулась и изрекла, понимая кивнув Руалу:

- Не спится, да, парень? От любви не убежишь, так то.

Девушка прерывисто вздохнула. И тогда Руал Ильмарранен заговорил. Он говорил просто и вместе с тем вдохновенно, и в этом рассказе были и большая любовь, и тайная помолвка, и жестокий отец, выдавший невесту за другого. Обе слушательницы подались вперед, кухарка, забывшись, терла до дыр давно сухую тарелку, а девушка комкала от переживаний подол своего простенького платья. Едва Руал дошел до момента, когда плясала свадьба, стонал отвергнутый жених и пыталась покончить с собой молодая - на глазах у обеих показались слезы, которые к концу истории пролились наружу.

- Наверное, ее отец думал, что она вам не ровня? - всхлипывая, спросила девушка.

Руал улыбнулся печально:

- Я думаю, он просто боялся... За мной уже тогда шла слава ясновидца...

- Как?! - переспросили его слушательницы в один голос.

Руал улыбнулся еще печальнее, взял, не робея, руку девушки в свои и развернул ее ладонью кверху.

- Вот так так! - воскликнул он, в то же время решительно пресекая ее слабую попытку высвободить руку. - Да вы ведь тоже страдаете от любви!

Кухарка ахнула одновременно с вопросом девушки:

- А вы откуда знаете?

Руал улыбнулся так печально, как только мог:

- Я вижу многое, что недоступно другим... Вижу, ваш возлюбленный рядом, но вы не можете быть вместе... Вижу - между вами преграды... Вижу поцелуй... Совсем недавно, да! О, какой нежный поцелуй!

Девушка покраснела до ушей и вырвала руку. Кухарка стояла, широко распахнув глаза и рот. Неизвестно, чем закончилась бы эта сцена, если б не распахнулась дверь и на пороге не встал бы, темный как туча, хозяин:

- Какого пса! А ну, марш в кровать! - прикрикнул он на дочь. Та вскочила и, пригнувшись, выбежала вон.

- А ты что здесь делаешь? - продолжал хозяин, обращаясь к Руалу. - Пшел!

Руал не стал спорить и последовал примеру девушки. Уходя, он слышал, как хозяин отчитывает кухарку.

Работники встали до рассвета - сонные, хмурые, они вылезали из сарая, смотрели на серое небо и вяло переругивались. Руал забрался на освободившееся теплое место и проспал еще пару часов.

Разбудило его солнце, разогнавшее наконец тучи и проникшее в сарай через множество крупных щелей. Руал довольно улыбнулся и, потягиваясь, стряхивая солому, выбрался наружу.

Его удивило, почему работники, вместо того, чтобы заняться делом, толпятся у крыльца и громко что-то выясняют. Потом он перевел взгляд и увидел на крыльце хозяина. Хозяин тоже увидел

Руала - и недобро ухмыльнулся:

- А ну, иди сюда, ты...

Руал подошел. Работники расступились перед ним, как перед зачумленным.

- Ты что же, - тихо, с угрозой проговорил хозяин, - ты что же, закон забыл? Не воровать, где ночуешь?

- В чем дело? - тоже тихо спросил Руал, у которого екнуло сердце.

Хозяин ступил с крыльца и внезапным цепким движением ухватил Руала за грудки:

- Не знаешь, дрянь? А два гроша на полке лежали!

Он дышал Руалу в лицо спертым, нечистым дыханием. Маленькие глазки буравили жертву насквозь.

- Это ошибка, - сказал Руал, стараясь говорить спокойно. - Я не видел никаких двух грошей!

Хозяин сильно оттолкнул его, так что он чуть не упал на стоящих позади парней:

- Ах ты, ворюга! Да я сейчас тебя вздерну на первом суку, мне только спасибо скажут!

Руала схватили за плечи, грубо встряхнули и швырнули вперед; он споткнулся о крыльцо и упал лицом вниз. Больно впилась в грудь золотая фигурка.

- А ну, обыщите! - приказал хозяин.

Смертельная опасность нависла над золотой ящерицей. Чьи-то проворные руки принялись гулять по Руаловой одежде. Полезли за пазуху...

Руал вскочил, отшвырнув двоих, рванулся вслепую, ненадолго освободился - и снова упал, придавленный к земле. На шею ему накиннули веревку.

- Ах, батюшки! Да что же вы делаете! - надсадно заверещал вдруг женский голос. - Не вор он, да не вор!

Работники приостановились, не разжимая, впрочем, удерживающих Руала рук.

- Ясновидящий он... - причитала кухарка. - А вы, хозяин, со своих спросите прежде... Кто-то

из своих спер, а на этого валят...

Удивленные работники позволили Руалу подняться.

- У меня и карманов-то нет, - сказал он непослушными губами.

Хозяин на крыльце презрительно хмурился, отмахиваясь от дочери, которая что-то горячо ему шептала. Рядом держалась за сердце кухарка:

- Нет у него карманов, конечно... На нем одежда мужнина, а тот карманов не любил...

Руалово сердце бешено колотилось о ящерицу, притаившуюся за пазухой.

- Ясновидящий... - раздраженно проворчал хозяин. - А денежки сами сбежали, да? Ноги у них выросли, так? Ясновидящий, пес тебя дери... А вот узнай, ясновидящий, кто деньги спер!

Радостно закивала кухарка. Загалдели работники, а Руал потер ушибленную руку и сказал в сторону:

- Да запросто...

Двенадцать полных стаканов стояли на просторном столе. Вдоль стены выстроились работники, возбужденные, не в меру шумные. Веснушчатый Руалов знакомец тонко хихикал; темноволосый красивый парень то и дело вытирал о штаны вспотевшие ладони. Он нервничал сверх меры - с противоположной стороны стола на него смотрела, не отрываясь, хозяйская дочь.

Хозяин стоял тут же, опустив тяжелую ладонь на худое плечо бледного мальчишки - сына. Кухарка, подбоченясь, поощряла Руала улыбкой.

- Здесь двенадцать стаканов, - бодро сказал Руал. - Вода в них заговоренная. По команде все берут стаканы в руки - и я тоже, чтоб не было сомненья...

- И я возьму, так и быть... - добродушно пробасила кухарка.

- Я читаю заклинание, - продолжал Руал, и в руках вора стакан трескается. У кого стакан треснет - тот украл два гроша, и это доказано, потому что заклинания не врут. Ясно?

Веснушчатый от напряжения хихикнул так громко, что соседи по очереди отпустили ему

тумака. Темноволосый был бледен, как молоко, и судорожно мям трясущиеся руки.

- Н-ну... - процедил хозяин.

- Начали! - сказал Руал и первый взял со стола стакан. Второй стакан взяла кухарка.

Работники мялись, переглядывались, по очереди подходили к столу. Вскоре он опустел.

Хозяйская дочь не сводила пристального взгляда с темноволосого. Тот прятал глаза и едва сдерживал дрожь в руках.

Наступила напряженная тишина. В тишине Руал начал:

Темень и солнце, земля и вода!

Тайное явным да станет тогда!

Он говорил тихо, зловеще, растягивая слова.

Тайное явным да станет сейчас,

В этот единственный...

Голос его снизился до бормотания. Руки со стаканами напряженно тряслись.

В этот единственный РАЗ!

Слово “раз” хлестнуло, как удар бича. Хозяйская дочка вскрикнула, и потом снова стало тихо. Все смотрели на темноволосого. У него с рук капала вода - кап, кап... Стакан красивого юноши дал трещину до самого дна.

- Ах, батюшки... - прошептала кухарка.

- Вот как... - тихо, почти ласково проговорил хозяин. - Вот как, дружок Барт...

- Я не брал! - в тоске закричал темноволосый. Его оттирали к двери. Разрыдалась вголос хозяйская дочка, выбежала, чуть не сбив с ног брата, которого колотила крупная дрожь.

- Ба-атюшки... - кухарка кинулась вслед за ней.

Руал, прижавшись спиной к стене, отхлебнул воды из своего стакана. Поперхнулся.

Темноволосого взяли в кольцо, потом, не обращая внимания на слезы и крики о невинности, поволокли во двор. Руал бездумно, как заведенный, вышел тоже. Юношу уже раздевали, кто-то щелкал кнутом. Одобрительно покрикивал хозяин, удерживая возле себя вырывающегося сына:

- Нечего отлынивать... Посмотри, тебе тоже наука...

Темноволосого растянули на траве четверо, удерживая его за руки и за ноги. Здоровенный детина остервенело пошел работать кнутом. Руал хотел уйти - и не мог, ноги не слушались. Хозяин бодро приговаривал:

- По заслуге ворюге, по заслуге! Давай! Еще!

- Отпустите! Нет! - рванулась с крыльца хозяйская дочь. Ее схватила в объятия подоспевшая кухарка, скрутила, увлекая в дом. Девушка зашла криком:

- Нет, он не мог!

Обернулся, нахмурившись, хозяин.

Кухарка втащила девушку в дом, уговаривая, сама обливаясь слезами. Из-за захлопнувшейся двери донеслось отчаянное:

- Звери!

Руалу стало дурно. Он стоял, привалившись к стене, грыз руку, ощущая на языке привкус крови.

Неистовствовал, рассекал, впивался хлыст. Четверым, удерживавшим Барта на земле, уже почти не приходилось прилагать для этого усилий. Остальные работники стояли, сбившись в кучку, с застывшими, белыми лицами.

- Папа-а! - закричал вдруг мальчишка, хозяйский сын, голосом подстреленного зверька. - Папа, прости! Отпусти Барта! Не надо!

Он упал перед отцом на колени, из его руки выпали две медных монетки и закатились в траву.

Стало тихо - не свистел кнут и уже не стонал Барт, только плакал навзрыд мальчишка:

- Он не брал... Это я... Прости...

Хозяин тупо на него смотрел, беззвучно жевал губами.

Потом все, кроме безжизненно лежащего в траве юноши, посмотрели на скорчившегося под стеной, сжавшегося в комок Ильмарранена.

...Руала били все.

Сначала его иступленно хлестали кнутом, потом кухарка в слезах колотила его по спине палкой:

- На! Получи! Ясновидец поганый, змея подколодная!

Потом хозяин тыкал его в живот сапогами:

- Вот тебе, приبلуда! Вот тебе, пес!

Потом работники, все вместе, навалились и били, молотили, таскали за волосы, плевали в лицо, пока Руал не потерял сознания.

Полуживого, его выбросили в канаву, полную ледяной воды, которая и привела его в чувство. Очнувшись, он слышал голоса:

- Не сдох он, что ли?
- Да вроде сдох... Ясновидец...
- А ты притопи его на всякий случай...
- Охота руки марать...

Голоса отдалились. Руал судорожно дернул рукой - и нащупал-таки за пазухой чудом уцелевший в остатках одежды сверток.

Марран лежал в канаве на обочине большой дороги, перед глазами у него извивался в мокрой глине придавленный камнем дождевой червяк - подергивалось склизкое, кольчатое тело, захлестывалось петлями, проглядывали сквозь розовую кожу темно-фиолетовые внутренности.

Захлебываясь в мутной луже, Руал ощущал себя таким вот полураздавленным червем - никчемным, мерзким, корчившимся в ожидании своей жалкой смерти.

- Вот что, дорогуша, - сказал Ларт на следующий после визита в ратушу день. - Я еще раз убедился, что в серьезных делах твоя помощь так же эффективна, как ловля блох каминными щипцами. Поэтому сегодня тебе поручается сторожить наши комнаты.

Мне нечего было возразить. Я горестно наблюдал, как он собирает, засыпает в кошелек пригоршню золотых монет и отправляется на поиски мифических следов мифической Третьей силы в городе Карате. Закрывая за собой дверь, Ларт бросил через плечо:

- И не смей переступать порога, даже если вся гостиница вспыхнет огнем!

Его шаги стихли на лестнице. Я почувствовал себя узником каменного мешка, как бы в насмешку окруженного роскошью и комфортом.

Часы на башне напротив пробили одиннадцать утра. Пошатавшись по комнатам, я уселся на подоконнике и принялся глазеть на прохожих. Все они представлялись мне сейчас чужими и в высшей степени никчемными людьми, глупыми и чванливыми; среди женщин я не отметил ни одной, превосходящей привлекательностью дохлого хорька. Горько вздыхая, я вспоминал родные места, трактирщика, наливавшего мне в долг, и милашку Данну, считавшую меня учеником чародея. По стеклу ползала муха - я жестоко с ней расправился.

В этот момент душевного упадка мне послышался стук в дверь. Неприятно пораженный, я замер. Стук повторился, на этот раз явно, хотя и негромко.

Я струхнул, потому что одно дело прикидываться волшебником по поручению и в присутствии Легиара, и совсем другое - изображать магическое величие в одиночку, на свой страх и риск. Мне пришла в голову малодушная мысль притаиться.

Стук, однако, повторился снова. Весь подобравшись, я отправился к двери, пытаюсь выработать на ходу достаточно убедительную для мага линию поведения.

- Что вам угодно? - рявкнул я, распахивая дверь.

В двух шагах передо мной испуганно хлопало васильковыми глазами очаровательное существо в чепце и передничке горничной. Я охнул.

- Господин волшебник... - тонким дрожащим голоском пропела эта пичуга. - Простите... Уборка... Извините... - и она присела до земли в неуклюжем реверансе.

Не веря своему счастью, я отступил вглубь комнаты. Пичуга, немного приободрившись, втащила в номер ведро с водой и щетку на длинной ручке.

Ей, может быть, исполнилось шестнадцать. Ростом она была мне по плечо, а я ведь не великан. Из-под накрахмаленного чепца выбивались рыжеватые волосенки, а на румяной мордочке с пухлыми щечками читалась уморительная решимость выполнить трудную и опасную миссию по уборке комнат чародея.

Судьба сжалилась-таки надо мною, решив вознаградить за провал на званом ужине у мэра.

Пичуга принялась за работу - извлечена была из ведра истекающая водой мохнатая тряпка, ловко наверхена на щетку и запущена под кресло, в которое я немедленно влез с ногами. Стараясь не смотреть на меня, васильковые глазки серьезно потупились.

- Как тебя зовут? - спросил я небрежно.

- Мирена... - скромно ответили васильковые глазки.

Я приходил во все больший восторг. Пичуга елозила тряпкой по полу, рукава ее платица задрались к локтям, обнажая тоненькие белые руки, а чепец съехал на лоб, обнаружив сзади, на шее, милый рыженький завиток.

Работала она не ахти как - я, бывало, мыл пол куда быстрее и чище. Мне стоило значительных усилий подавить в себе желание преподать ей урок влажной уборки. Вот она выпрямилась, тыльной стороной ладони убирая от глаз непослушные прядки - и встретила со мной глазами. Без того розовые щеки ее стали совсем красными.

- Не будет ли любезен господин волшебник... - пролепетала она, - позвать господина своего слугу, чтобы карниз...

Она запнулась.

- Что, милая? - переспросил я благосклонно.

- Карниз... Протереть... - прошептала она, - высоко, я не достану...

Я понял наконец - она собиралась стереть пыль с карниза под окном, до которого ей было, как до неба.

- А моего бездельника нет, - сказал я огорченно, - я, видишь ли, услал его сегодня с важным поручением. Что же делать?

Она покусала губки, потом решительно трянула головой и полезла на подоконник.

Будь ее рука хоть вполовину длинней, она, возможно, дотянулась бы до карниза, став на

цыпочки. Я понаблюдал за ее отчаянными акробатическими упражнениями, потом подошел сзади, взял ее за талию и поднял повыше.

Весу в ней было, как в годовалом котенке. Под корсетом прощупывались теплые ребра. Дернувшись от неожиданности, она вскоре затихла, повисела минуту без движения и наконец стряхнула мне на голову щепотку мелкой белой пыли.

Я осторожно поставил ее на подоконник. Не глядя, она соскочила на пол и кинулась к своему ведру, будто ища у него помощи и защиты.

- Вот и справились, - сказал я мягко.

Васильковые глазки были широко распахнуты, худая грудка под передником ходила ходуном.

- Волшебники странный народ, Мирена, - начал я, делая шаг ей навстречу. - Им приходится путешествовать, сражаться с чудовищами, помогать людям... Тебе, например, нужна помощь?

Она отступила, держа перед собой тряпку, как белый флаг. Я улыбнулся мудро и устало:

- Дитя мое, волшебники не такие, какими кажутся... Посмотри на меня. Ты видишь, я молод? Но я уже повидал такое, чего тебе никогда не вообразить... Оставь свою тряпку. Я совершил множество подвигов... А теперь я хочу покоя. Положи тряпку на пол. Просто покоя, и чтобы в печке трещал огонь, и нежного друга рядом... Брось тряпку, в конце концов!

У нее были сухие, горячие губы. Тряпка шлепнулась на пол, подняв фонтан брызг.

- О, господин волшебник... - шептала пичуга, вздрагивая и отстраняясь. - Я всегда робела перед важными господами... А колдунов вообще не видела... Нет, я знаю свое место, господин волшебник! Я просто служанка, я боюсь высокородных!

- Не бойся меня, дитя мое... Я беспощаден к врагам, но ты - ты другое дело...

Я взвалил ее на плечо и поспешно поволок в спальню. Предательски скрипнула входная дверь.

Конечно, это бал Ларт, вездесущий, вовремя появляющийся Ларт, ответивший на мое замешательство скептической улыбкой.

Мирена отдувалась, поправляя чепец.

- Я не помешал, мой господин? - спросил Легиар заботливо.

Я промямлил что-то нечленораздельное, а пичуга вдруг спохватилась:

- Ах, господин слуга! А я же не убрала у вас в комнате!

И, подхватив ведро, тряпку и щетку, она нырнула в комнатушку для прислуги. Ларт проводил ее оценивающим взглядом, хмыкнул и неспешно двинулся следом. Я остался стоять посреди гостиной, в луже воды.

Мирена не возвращалась. Звук тряпки, возимой по полу, вскоре стих. Я подошел к портьеру, закрывавшей вход в комнату для прислуги, и прислушался. Знакомый тонкий голосок повторил возбужденно:

- А я тогда говорю, что боюсь важных господ, особенно волшебников!

- А слуг не боишься? - деловито поинтересовался Ларт.

- Слуг - нет... - смущаясь, ответила пичуга.

Стало тихо. Потом тонкий голос просительно залепетал что-то, явственно произнеся несколько раз "не надо". У меня свело челюсти.

За портьерой упало что-то тяжелое. Просительный голос испуганно вскрикнул, на секунду превратился в умоляющий, потом затих. Что-то успокаивающе проворковал Ларт.

Гулко ударили часы на башне.

Я почувствовал, что у меня промокли ноги, повернулся и пошел прочь, скрываясь от оглушающего страстного шепота.

И тут меня остановил странный, не имеющий отношения к страсти звук - пугающий, негромкий, но внятный, как шипение ядовитой змеи. Вскрикнул Ларт - я не слышал раньше, чтобы он так кричал. Это был крик испуганного человека. Я кинулся назад и одним махом откинул портьеру.

Мирена, маленькая глупенькая Мирена стояла посреди комнаты в одной сорочке, с распущенными по плечам, растрепанными волосами. Лицо ее изменилось до неузнаваемости, глаза закатились под лоб. Рот был полуоткрыт, губы и язык не шевелились, и все же внятно, совершенно явственно из ее горла вдруг донесся чужой, низкий голос:

- Она... Она наблюдает... Ищи, Легиар... Ее дыхание среди нас, среди нас... Ей нужен привратник...

Я набрал в грудь воздуха, чтобы заорать что есть мочи. Ларт предупредил это намерение и быстро зажал мне рот рукой.

А с неподвижных губ Мирены слетало, чередуясь с шипением и странным пузырящимся звуком:

- Она идет... Она на пороге... Ожидает... Ждать - недолго... Ржавчина, ржавчина! Помни, Легиар! Огонь, загляни мне в глаза. Рваная дыра, где было солнце. Посмотри, вот лезвие исходит слезами, она, она...

Мирена вдруг прерывисто вздохнула, дернулась и опустилась на пол. Мы оба кинулись к ней.

Она попросту спала - крепко и безмятежно, как ребенок.

- Знамение, - прошептал бледный Легиар. - Знамение.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ИСПЫТАНИЯ

Лето перевалило через свой полдень и потихоньку, ни шатко ни валко, двинулось навстречу неминуемой осени.

Теперь он хромал меньше и мог преодолевать большее расстояние, прежде чем падал от усталости.

Днем солнце удивленно тарашилось на странного человека, который с достойным удивления

упорством шел бесконечными, пыльными и поросшими травой дорогами - шел вперед без цели и надежды, просто затем, чтоб идти. Ночью звезды равнодушно смотрели, как он искал пристанища и часто, не найдя его, засыпал под открытым небом. Время от времени и солнце, и звезды подергивались клочьями туч, бесновались грозы, проливались дожди - а человек все шел, без цели, без надежды, и не было, по-видимому, причины, которая могла бы заставить его остановиться хоть ненадолго.

Древние леса сменились редкими рощицами, а потом бесконечной степью, похожей на стол под ворсистой скатертью. Затем дорога, кажется, повернула - вдали замаячили подобия гор, но дорога повернула еще раз, решительно, круто, и горы остались где-то сбоку, чтобы вскоре скрыться совсем.

Люди, жившие в окружении лесов, были поджарыми и недоверчивыми; жители степи охотнее пускали путника на ночь, разрешали отработать ужин и часто давали ему в дорогу лишний кусок хлеба. Он пил воду из редких придорожных колодезев. Иногда колодезь оказывался пуст, и тогда он страдал от жажды сильнее, чем от тоски. Степь угнетала его - ему казалось, что на него смотрят. Ощущение это порой было так сильно и явно, что, засыпая, он привык натягивать рваную куртку на голову.

Когда по дороге снова стали попадаться редкие рощицы, он ненадолго вздохнул свободнее, но потом вдруг пришло чувство некоего неясного беспокойства.

Однажды вечером он развел свой костер под одиноким деревом в чистом поле.

Трещали щепки в огне; их, впрочем, должно было хватить ненадолго, а достать огромную сухую ветку, сломанную когда-то бурей и нависавшую теперь над головой, у него не хватало сил. Побои, едва не стоившие ему жизни, напоминали о себе чаще, чем хотелось бы.

Он смотрел в огонь и вспоминал печку в маленьком доме, где сидит за оструганным столом печальная женщина, качает детскую кроватку и смотрит на белый лоскут, запятнанный кровью. Его рука бездумно опустилась за пазуху и извлекла сверток. Упала в темноту грязная тряпица.

Золотая ящерица смотрела изумрудными глазами в его потухшие глаза. Плясали отблески огня на грациозно выгнутой спинке.

Я проиграл, сказал себе Руал Ильмарранен. Я проиграл, теперь уже окончательно и бесповоротно. Мне никогда не вернуться к тебе, мне никогда не отомстить за то, что со мной сделали.

Будто ветер прошелся в древесной кроне у него над головой; вздрогнули простертые к небу высокие ветки. Нечто незнакомое, густое, темное поднялось волной в Руаловой душе, поднялось и перехватило дух. Там, внутри Ильмарранена, шевельнулось чувство, которому не было названия, и - наваждение! - он ясно услышал свое имя, его окликнули. Заметался, оглядываясь - никого. Наваждение исчезло.

Догорал костер. Руалу нечем было поддержать гаснущий огонь. Он просто сидел и бездумно смотрел, как щепки обращаются в пепел. Ящерица смотрела тоже.

На некоторое время стало так темно, что Руал не видел ее глаз. Потом они снова озарились холодным светом - взошла луна.

Ну хватит, подумал Руал. Все было глупо с самого начала. Марран мертв, потому что Марран был магом. Стоит соединиться с ним в его смерти, чтобы в мир вернулась гармония.

Он тяжело поднялся - снова заболел отбитый бок. Ничего, подумал он с облегчением, теперь это ненадолго.

Где-то далеко, за лесами и цепью холмов, среди темноты проснулась женщина. Охваченная внезапным, беспричинным ужасом, вскочила, бросилась к спящему ребенку - но ребенок спокойно посапывал, прижав кулак к маленькой круглой щеке. А ужас не отступал, наоборот - усиливался, перехватывал дыхание, наваливался из темных окон, из дверных провалов, черный, удушливый, необъяснимый. Женщина стояла над кроватью, слушала дыхание малыша и беззвучно шевелила губами, повторяя одно и то же слово.

Пояс Руала был короткий, но крепок. Он снял его, в свете луны посмотрел на дерево - одна

нижняя ветка была надломлена, но до другой, живой, надежной, при некотором усилии можно было дотянуться.

Руал устал, но мысль, что больше не придется ни к чему себя принуждать, подбодрила его. Он поднялся на цыпочки и перебросил конец пояса через нижнюю ветку. Потом подумал, что не следует бросать золотую ящерицу на произвол судьбы, вернулся к догоревшему костру, наощупь нашел тряпицу и накинул ее на укоризненные изумрудные глаза. Оставалось только выдолбить у корней яму и спрятать сокровище от постороннего взгляда.

Руал обошел дерево, выискивая укромное место. От ствола вдруг отделилась темная тень.

От неожиданности Ильмарранен едва не выронил сверток. Перед ним, в трех шагах, стоял крупный волк.

- Нет, - сказал ему Руал, овладев голосом. - Это ты раненко. Уходи. Потом.

Волк переминался с лапы на лапу. Руал оглянулся на костер - головни давно погасли.

- Вот что, - обратился он к волку. - Я занят серьезным делом, и не желаю иметь свидетелей.

Если ты не уберешься, будет плохо нам обоим.

Ответом ему было жалобное поскуливание. Руал смотрел на волка во все глаза. Волк отвечал ему взглядом, означающим, по-видимому, робкую просьбу о покровительстве.

- Слушай, ты... - начал Руал.

Волк сделал несколько неуверенных шагов ему навстречу. Руал замахнулся - волк отскочил и разразился горестным лаем.

- Ах, ты... - выругался Руал.

Он повернулся и пошел к своему поясу, свисавшему с нижней ветки. Собака постояла и направилась за ним.

Руал взялся за веревку, закрепил ее конец на ветке, подергал - надежно. Оглянулся - пес снова стоял в трех шагах. Сжав зубы, Ильмарранен принялся скручивать петлю. Обернулся рывком - пес

стоял.

- Не смотри, - попросил Руал.

Пес переступил с лапы на лапу. Руал снова замахнулся - тот отскочил, но уходить не собирался.

Руал раздраженно отшвырнул петлю - она раскачивалась, как качели над обрывом.

Ильмарранен плюнул и вернулся к погасшему костру.

Пес робко подошел к нему и прижался к ногам теплым, мохнатым боком.

Погожим утром на околице степного поселка развернулся базар.

Связки ярких, лаково лоснящихся овощей цветными ожерельями свешивались под лоскутными навесами, грозя опрокинуть деревянные стойки. Добродушно взреывали продавцы, потрясая товаром и хватая проходящих за полы. Под ногами то и дело шныряли ребяташки, норовя стянуть, что плохо лежит; зеленой горой высились арбузы, золотисто-желтой - дыни. Где-то уже плясали, ритмично взвизгивая под аккомпанемент залиистой дудочки и встряхивая огромным бубном; где-то крикливо переругивались, пересыпая взаимные обвинения длинными красочными проклятьями. Гнусаво тянули нищие, живописно развесив лохмотья.

Руал брел мимо свиных туш, поддетых на крючья, мимо связок копченых колбас, мимо пирамид белого, как сахар, сала и бочонков желтой сметаны. Следом неотвязно тащился серый, большой, похожий на волка пес, тащился, понуро опустив голову, поводя рваным ухом. Оба были мучительно голодны.

Низкорослый крестьянин, сопя, разгружал телегу с мукой, переносил мешки под навес. Руал попросил растрескавшимися губами:

- Возьмите в помощь...

Тот покосился на него, крикнул и кивнул благосклонно.

Мешки прижимали к земле, натирали спину тугими боками, норовили вырваться из

онемевших рук. Руал вспомнил, как работали подмастерья на мельнице Ханта.

Наконец белая от муки телега опустела. Руал, сгорбившись, стоял перед низкорослым. Тот еще раз крикнул, нашел в полотняной сумке кусок хлеба и кусок сыра:

- На...

Ильмарранен взял.

Неподалеку, под другой опустевшей телегой, сидели на соломе и жевали бублики двое пышных, празднично одетых молодых. Руал подошел несмело, постоял, попросил разрешения сесть рядом. Ему милостиво кивнули.

Солома было свежая, душистая, золотая. Сухой хлеб таял во рту, сыр же казался неслыханным лакомством.

Подошел пес, глянул на Руала печальными, все понимающими глазами. Руал вздохнул и отломил ему кусок.

- Нездешний? - спросила одна из молодых, смуглая и румяная добрячка.

Ильмарранен кивнул, тщательно и с наслаждением жуя.

Мимо проходили десятки ног - в смазанных сапогах, в дырявых башмаках, а чаще босых, черных от загара. Дно телеги с крупными щелями нависало над головой, защищая от жаркого августовского солнца. Пес доел до остатка выданный Руалом кусок и пристроился за колесом.

- Твоя собака? - спросила другая молодка, тоже румяная, но с россыпью веснушек по всему лицу. - Ух и здоровая, ужас!

Руал покачал головой:

- Прибилась...

Первая молодница покончила со своим бубликом и извлекла откуда-то горсть жаренных орешков. Щелкая орешки, спросила неспешно:

- Ну, что нового?

- Где? - не понял Руал.
- В мире... Ты ведь странник?
- Странник, - ответил Ильмарранен, подумав.
- Ну, чего видел?

Руал соображал непривычно медленно, туго. Мучительно потеряв переносицу, он выдавил наконец из себя:

- Везде люди... И жизнь тоже... Везде...
Молодицы потеряли к нему интерес.

Руал сидел и с горечью пытался вспомнить хоть одну из своих прежних цветистых речей, способных заворочить слушателей на долгие часы. По деревянному ободу колеса полз зеленый клоп-черепашка.

На телегу, под которой они расположились, кто-то грохнул пустую бочку. Сверху посыпалась пыль и отдельные соломинки, молодницы в один голос разругались, им ответил густой добродушный бас. Ильмарранен понимал, что пора уходить.

- Слышь, ты, странник, - спросила вдруг чернявая, - а что про оборотня слыхать, не знаешь?

Руал удивился:

- Про оборотня?

Чернявая всплеснула руками:

- Глянь, вся округа про оборотня говорит, а этот глаза разинул!

- Ну, оборотень, волчище такой! - снисходительно объяснила рябая. - То человек он, и не отличишь, а то волк здоровый, людей жрет. Десятерых уже загрыз, и не выследить.

В этот момент обладатель густого баса грохнул на телегу вторую бочку, похоже, наполовину полную.

Чернявая, искусно ругаясь, вылезла наружу. Руал кивнул рябой и выбрался тоже.

Подждавший его пес вскочил и завилял хвостом.

- Вот пристал, - сказал ему Ильмарранен.

Базар жил своей горластой, пестрой, неутомимой жизнью. В загонах для скота исступленно блеяли овцы, покорные крестьянские кони погружали морды в висевшие у них на шее мешки с овсом, тускло поблескивала снулая рыба на скользких от чешуи прилавках. Руал искал, где бы подработать еще. Пес не отставал ни на шаг, пока толчея не занесла обоих в глубину мясных рядов.

Здесь случилось маленькое приключение - из гущи кровавого царства мясников явилась вдруг свора огромных, требухой откормленных собак. Руалов пес издал что-то вроде “Ах!” и сел на хвост, будто у него подкосились ноги. В следующую секунду свора, подняв непереносимый для уха гвалт, ринулась на чужака в атаку, сразу перешедшую в погоню.

Руал остался стоять на месте, беспомощно оглядываясь, бессильный что-либо предпринять. Лай и визг стремительно отдалились, потом ненадолго приблизились снова, потом растворились в базарной многоголосице.

Ильмарранен почувствовал себя невозможно, непереносимо одиноким. Глухо стучали топоры мясников о колоды для разделки туш.

- Не стой на проходе, разиня!

Руала сильно оттолкнули в сторону; стараясь удержаться на ногах, он ударился о чью-то спину. Владелец спины покачнулся, но устоял. Ильмарранен ухватился за деревянную стойку, удерживающую лоскутный навес.

- Извините... - пробормотал Руал.

Человек, которого он толкнул, был худощав, невысок и одеждой более похож на горожанина, чем на жителя села. Сейчас на его тонком смуглом лице лежала цветастая тень от навеса, в тени приветливо зеленели узкие ироничные глаза.

- Ничего, - отозвался незнакомец негромко, - бывает.

Ильмарранен, продолжавший его разглядывать, смутился и опустил взгляд.

Откуда-то явился хозяин навеса, прикрикнул на обоих:

- А ну, давай, не загораживай товар!

Незнакомец усмехнулся снисходительно и отошел. Руал, сам не зная зачем, отошел следом.

- Нездешний? - спросил его незнакомец.

- Вроде... странник, - отозвался Ильмарранен.

Тот покивал.

- Вы будто тоже... не отсюда, - после паузы предположил Руал.

- Я коммерсант, - охотно сообщил незнакомец, - путешествую, прицениваюсь...

Они медленно шли между рядами. Солнце стояло в зените, базар безумствовал.

- Изобилие, - сказал коммерсант. - Но не хватает той экзотики, которая так мила сердцу

аристократа. Как вы думаете?

Руал пожал плечами.

- Свен, - представился торговец и протянул Руалу узкую ладонь. Ильмарранен механически ее пожал, потом вспомнил, что надо представиться в ответ:

- Руал.

- Я северный человек, Руал, - продолжал неспешно Свен, - эта степь богата, но монотонна...

Вы не хотели бы присесть?

Они устроились на каких-то мешках в тени крохотного дощатого сарая, служившего складом.

Этой же тенью

воспользовались

двое девчонок-подростков, обе с корзинками и с пестрыми платками на головах.

- Вы, кажется, тоже пришли с севера, - предположил Свен, с удовольствием вытягивая усталые ноги. - Вы должны меня понимать. Я скучаю по лесу, клубкам корней, заросшим оврагам,

непроходимым орешникам, лесным озерам... Здесь сухо и скучно. Степь, как блудница, равнодушно стелется под любой из трех сотен ветров...

- И негде спрятаться, - сказал Руал.

- Вот-вот! - с воодушевлением воскликнул его собеседник. - Именно!

Пристроившиеся рядом на мешках девчонки оживленно болтали; раз или два до ушей Руала долетело громко сказанное слово “оборотень”. Он прислушался.

- Десять человек уже загрыз...

- Да пусть меня медом мажут, а я одна через поле не пойду!

- И я не пойду...

Свен заметил, что Руал слушает беседу девчонок, усмехнулся:

- Это они о чем?

- Об оборотне, - сказал Ильмарранен. - Вроде у них тут все оборотня боятся.

Свен пожал плечами, всем своим видом выражая недоумение по поводу столь незначительных и странных проблем:

- Они, видите ли, боятся оборотня... Им плевать на жару, на пыль, на солнце, у них по одному дереву на поселок и по одному колодцу на деревню, да и тот сухой... Оборотень!

И Свен извлек из-за пазухи флягу. Ильмарранен инстинктивно сглотнул.

- Пейте, Руал, - радушно предложил Свен, протягивая воду собеседнику.

Ильмарранен попытался отказаться, но Свен вложил флягу прямо в протестующе поднятую руку. Руал не устоял и прижался губами к горлышку. Острое наслаждение от прохладной свежей жидкости, струящейся по горлу, на несколько мгновений парализовало его, притупило мысли и подчинило волю. Завороженный счастьем утоления жажды, он чуть не выпил все до дна.

- Светлое небо, - пробормотал он, возвращая флягу. - Я, кажется, оставил слишком мало...

Свен не рассердился и не огорчился:

- Ничего... Мне хватит.

И он приложил флягу к губам.

Пронзительный женский визг, донесшийся от противоположной стороны сарайчика, заставил его поперхнуться. Девчонки, пристроившиеся рядом на мешках, вскочили, будто ужаленные. Шум базара на мгновение притих, чтобы через секунду разразиться тревогой и недоумением.

- Тьфу на тебя... - сказали из-под соседней телеги. - Что за чума так орет?

Визг сменился возбужденными, перепуганными причитаниями:

- В сарае, в сарае! Сзади хотел на меня кинуться!

Люди вытягивали шеи, кое-кто бросал торговлю и трусил к месту происшествия, бормоча заинтригованно:

- А чтоб тебе... Тьфу на тебя...

Свен откашлялся, наконец. Предположил недовольно:

- Кошелек у нее срезали, конечно.

С противоположной стороны сарайчика собиралась толпа:

- Да чего? Кто?

- Обороте-ень! - с новой силой завопила женщина.

Свен подскочил и издал странный сдавленный звук, нечто вроде “Агм”. Фляга дрогнула в его руке, и Руал мимоходом подумал, что коммерсант, похоже, трусоват.

Присоседившихся девчонок будто ветром сдуло. Из-под рядом стоящей телеги выскочил взъерошенный парень, заметался, сбивая любопытных с ног. Вокруг сарая завертелся людской водоворот - кто-то бежал прочь, кто-то лез поближе. Руал и его собеседник неожиданно оказались в центре событий.

- С ума посходили, - убежденно кивнул Свен. - Давайте посмотрим, Руал?

Такое предложение не вязалось с его предполагаемой трусостью.

Сквозь непрекращающиеся причитания женщины теперь пробивались другие голоса:

- Да кто видел, кто?

- В сарае...

- Попался, наконец!

- Отойди! А ну, отойдите все!

Потом в людской галдеж добавились залиvistые голоса многочисленных псов - возможно, тех самых, встреченных Ильмарраненом у мясных рядов.

- Ну же, Руал! - Свен был возбужден и, кажется, весел. - Пойдемте посмотрим, как у местных жителей принято поступать с оборотнями!

Ильмарранен, не отвечая, приник к дощатой стенке сарая, заглядывая в круглое и довольно большое отверстие, оставшееся на месте сучка.

Внутри, в полумраке, к которому не сразу привык глаз, среди беспорядочно набросанных бочонков, кулей и деревянных ящиков бесформенной грудой дрожало забившееся в угол огромное, серое существо - Руал видел в пятне пыльного света только переднюю лапу и прижатое рваное ухо.

- Небо... пробормотал Ильмарранен, отшатываясь. - Мой пес.

А события тем временем развивались своим чередом. С той стороны сарая держали совет:

- Подпалить - и все...

- Дурной - подпалить! Там у меня товару на два дня торговли...

- Вспомнишь свой товар, когда эта тварь на тебя кинется!

- Давайте, люди, собирайте солому.

- Вообще-то осиновый кол полагается...

- А кто в сарай пойдет, а? Солому собирай!

- На соседей перекинется! Все сгорит до пня...

- Отведите телеги! Заберите детей!

Вслед за Свеном Руал обогнул дощатое строенье и протолкнулся к совещающимся. Женщина, поднявшая крик, взхлеб рассказывала любопытным:

- Волчище, ох и волчище! Шерсть дыбом... Как глянет - а взгляд человеческий, чуть не говорит... Я так и обомлела, а он - в сарай...

Кто-то засомневался:

- А ты не путаешь? Может, привиделось чего?

- Как же, привиделось! - взвилась женщина. - Я морду его запомнила, он в человеческом обличе тут шнырял... А волком стал - клычищи до земли, и ухмыляется!

Кто-то подтвердил:

- Если ухмыляется, то точно он...

Недоверчивый не сдавался:

- Заглянуть бы, посмотреть...

- Только попробуй! Дверь, вишь, завалили и правильно сделали. А то обернется снова человеком и сбежит.

Любопытные опасливо ахали, в то время как у приваленной мешками двери распоряжался крепкий, серьезный мужчина в холщовом переднике:

- Соломой обложим вокруг... Стражу поставим, чтоб не вырвался. Дело серьезное, что нам твой товар! - прикрикнул он на хозяина сарайчика, пожилого робкого торговца, который ломал руки и чуть не плакал:

- Так на других же огонь перекинется, подумайте, люди! Это нельзя, это разорение!

Свен дернул Руала за рукав:

- Ох и решительный народ... Как думаете, подожгут-таки?

- Кого? - спросил Руал глухо.

Свен заморгал узкими зелеными глазами:

- Оборотня... Кого же еще?

Кто-то уже мостил солому вокруг сарая. “Волчище, волчище!” - стрекотала женщина, с которой все началось. Причитал хозяин обреченного товара. Шептались любопытные.

Руал повернулся и стал выбираться из толпы. Ему хотелось уйти - прочь, вон, куда глаза глядят, только бы не видеть и не слышать еще одной публичной расправы.

Люди галдели, шушукались, кто-то отважился глянуть в щелку и отскочил с криком: “Волк!”.

Руал ускорил шаг.

Из сарая вдруг донесся отчаянный вой - такой, от которого кровь стынет в жилах. Толпа отпрянула, кто-то сказал злорадно:

- Подпалят тебя, так повоешь!

Руал остановился. Нет, подумал он. Только не вмешиваться. С меня хватит.

Вой возобновился с новой силой, тоскливый, безнадежный, предсмертный. Толпа улюлюкала. Ильмарранен, не осознавая, что делает, двинулся назад, расталкивая и распахивая, спотыкаясь и наступая на ноги. Нет, не вмешиваться ни за что. Пусть делают, что хотят.

Охапки золотой соломы придавали сарайчику опрятный, праздничный вид. Люди бросали еще и еще. Вой стих.

Руал сделал последнее усилие и протиснулся вперед, оказавшись прямо перед человеком в холщовом переднике. Тот удивленно на него воззрися. Ильмарранен обернулся к толпе.

Мужчины, женщины, подростки, настороженные, перепуганные, раздраженные... Ничем не пронять. Ничему не поверят. Побьют, а сарай подожгут-таки. Светлое небо, зачем мне это все? Давно меня били?

- Поджигайте, дураки, - сказал Ильмарранен громко и снисходительно. - Давайте, сожгите свой товар, свои телеги, свои палатки. Думаете, оборотень вам простит? Да он явится к вам ночью, и утром вас найдут в постели остывшими, но с поджаренными пятками!

- Что ты несешь! - раздраженно спросил обладатель передника.

- Я несу?! - обернулся к нему Руал. - Да ты про оборотней что-нибудь знаешь? Ты знаешь, что такое разъяренный, убитый не по правилам оборотень? Ты хоть одно заклинание в жизни слышал?

Ильмарранен говорил убежденно, страстно, значительно. Толпа вокруг сомкнулась плотнее, загалдела громче, возбужденнее:

- Заклинание, говорит.

- На оборотня заклинание.

- А ведь верно...

- Да поджигай, не слушай...

Хозяин сарая подскочил к Руалу, схватил его за рукав:

- И я говорю, не надо жечь... И я то же говорю!

- Цел останется товар твой, - сказал Руал небрежно. - И вас, дураки, я спасу от кошмарной мести этой твари...

- Пошел вон, самозванец, - сказал человек в холщовом переднике, но как-то неубедительно, вяло сказал. Руал вскинул руки, призывая к вниманию:

- Сейчас. Я. На ваших глазах. Изгоню оборотня туда, откуда он пришел, в бездну! Оболочка его есть собака. Вы увидите своими глазами!

- Bravo! - раздалось из толпы. К Руалу выскочил взъерошенный Свен:

- Слушайте его, люди! Он может! Он уже изгонял оборотня, он воскрешал мертвых, он говорил с ветром и травой! Слушайте чародея!

Что-то внутри Руала болезненно сжалось, но он не подал виду, снова воздел руки:

- Молчите! Замолчите на две минуты!

Стало относительно тихо. Руал повернулся лицом к сараю. Ему показалось, что он уже когда-то делал это. "Слушайте чародея"... Руала охватил страх перед неудачей. Он закусил губу, пытаясь не

вспоминать лицо Барта, юноши с хутора. Герцог... Разбойники... Зачем он начинает все сначала, зачем он не может просто тихонько помалкивать, как все? Глупая, смертельно опасная игра.

За его спиной заволновалась толпа. Отступить было некуда.

- Изыди! - воскликнул он зычно.

Мгновенно восстановилась тишина. Руал набрал в грудь воздуха:

- Изгоняю тебя... В болото, в туман, в бездну бездонную, в бездну, слепящую тьмой... Не тронь человеческого тела, ни костей, ни крови, ни мяса, ни сердца, ни жил, ни печени... Заклинаю, изгоняю, в бездне замыкаю!

У него сорвался голос. Зато вдруг завыли окрестные, примолкшие до этого псы. Завыли на одной жуткой ноте и бросились наутек. В толпе случилась паника, кто-то торопился сбежать, расталкивая других. Что это, подумал Руал. Рядом возвысил голос Свен:

- Откройте вход! Оттащите мешки, живо!

И, так как охотников не нашлось, взялся за дело сам.

Ильмарранен безучастно смотрел, как он ворочает мешки, надрываясь, оттаскивает их от входа. Потом Руал оттолкнул ногой последний преграждающий путь мешок, открыл низкую скрипучую дверь и шагнул в темноту.

Из угла загнанно смотрели на него два несчастных, измученных глаза.

- Иди сюда, - прохрипел Руал. Нащупал в полумраке ухо, влажный нос, вздрагивающий загривок.

- Беги, - прошептал Ильмарранен. - Уходи отсюда. Сейчас...

Он потрепал пса по холке, потом решительно сжал в кулак шерсть на загровке и потащил к выходу, где пыльным лучом падал дневной свет в щель приоткрытой двери.

Толпа ахнула.

- Оболочка его есть - собака, - сказал Ильмарранен как мог громко и разжал пальцы.

Зверь присел на секунду, оглушительно гавкнул и рванулся вперед, прямо на отшатнувшихся людей. Завизжали женщины, залились лаем собаки - а огромный серый пес несся, спасая свою жизнь, и мгновенно скрылся из виду, сопровождаемый всеобщим страхом и собачьей сворой. К Ильмарранену подошел Свен, лучезарно улыбнулся, ни слова не говоря, покачал головой и пожал ему руку.

- Спасибо, я сыт, - бормотал Руал, отпихивая блюдо с телячьими отбивными. - Достаточно, хватит...

Он отяжелел и несколько осоловел от обильной, сытной, любовно приготовленной пищи. Угощали хозяин сарайчика и несколько поклонников, появившихся у Руала в результате подвига с оборотнем. Рядом за столом пристроился Свен - тот ел мало, зато без конца говорил:

- Поразительно! Я диву даюсь! За десять минут избавить людей от оборотня, который терроризировал всю округу! Дорогие мои, этот человек спас ваш товар и ваши жизни. И как легко, и вместе с тем как мужественно! Bravo, дорогой Руал. Хозяин, дайте ему еще печенки.

Ильмарранен мотал головой, отказываясь; огромными глотками истреблял молодое вино и благодарно улыбался Свену.

Когда никто не слышал, тот приближал свои губы к Руаловому уху и шептал, давась смехом:

- Bravo, Руал! А когда вы сообразили, что это пес?

Или:

- Значит, рваное ухо? Комедия, настоящая комедия!

Руал неизменно пожимал плечами и изрекал снисходительно:

- Не смешите людей, Свен... Какой оборотень среди бела дня?

Тот хохотал беззвучно, заразительно, до слез.

Опускался душный вечер жаркого дня; утихал, разбрехался базар. Тянулись вереницы телег домой, в поселок, гости же издалека устраивались у костров, готовясь тут, под возами, и ночевать. На

уцелевший после визита оборотня сарайчик был навешен огромный замок, хозяин долго прощался с Руалом, благодарил, жал руку. На остывающем небе зажглись первые звезды.

- Куда вы теперь? - спросил Свен, когда вдвоем они брели пустеющей дорогой. - Где заночуете?

- А я не буду ночевать, - задумчиво отозвался Руал. - Я пойду... Ночью идти не жарко.

- Не сидится, - понимающе кивнул Свен. - Тянет вперед, неизвестно куда, лишь бы в дорогу, лишь бы идти, будто подошвы зудят... Ведь так?

- Да, - отвечал Руал, удивленный.

- Вот и меня, - сказал Свен.

Некоторое время они шли молча, миновали засыпающий поселок и вышли на широкую, вдаль ведущую дорогу. По всей степи гремели хоры цикад.

- Мы чем-то похожи, - нарушил молчание Свен. - Мы в чем-то сородичи, мы оба отличаемся от остальных двуногих... Может, вы и не заметили, Руал, что я не такой, как прочие. Но я-то сразу понял это про вас... Мы оба совершаем необъяснимые, на первый взгляд, поступки. Вы вот спасли собаку, а зачем?

Руал пожал плечами:

- Терпеть не могу казни... И палачей.

Они снова замолчали. Ночной ветер носил запахи сотен целебных трав. Над головами путников матовой дугой изгибался Млечный путь.

- А вы вот мне помогли, - сказал Руал. - А зачем?

Свен рассмеялся:

- Необъяснимо! Впрочем, мне было любопытно. Раньше я никого не спасал.

Из-за горизонта неспешно выползала красная, как горячий уголь, луна. Свен все больше воодушевлялся, посмеивался про себя, то и дело дружески хлопал Руала по плечу, напевал что-то без

слов и мелодии. Задорно светились его зеленые глаза.

А луна поднималась, огромная, круглая, меняла цвет, наливаясь желтым. Неправильной формы пятна придавали ей сходство с равнодушным, застывшим лицом. Свен почти приплясывал:

- Ах, дорогой Руал! Что может быть лучше, чем идти вот так по ночной, пустынной степи, глзеть на луну, дружески болтать? А вы великолепный собеседник, вы умеете слушать... Нечасто встретишь аристократа духа, подобного вам... Однако пришло время расставаться. Навсегда. Прощайте, дорогой Руал.

Он остановился посреди дороги. Ильмарранен недоуменно огляделся - ни строенья, ни огонька. Свен смотрел на него, усмехаясь:

- Приятно было познакомиться, друг мой.

Он сладко зевнул, и в свете белеющей луны Руал увидел стремительно удлинняющиеся, хищные, нечеловеческие клыки.

Ильмарранен вскрикнул и замер, пригвожденный к дороге, не в силах издать больше ни звука. Свен ухмыльнулся - полыхали зеленым узкие глаза, клыки отражали лунный свет, как костяные лезвия. Выверенным сильным движением коммерсант оттолкнулся от земли, опрокидываясь назад; перевернувшись в воздухе, он упал на четыре лапы - огромные, страшные орудия убийства.

Они стояли друг против друга - беспомощный, ослабевший от ужаса человек и чудовище-оборотень, палач по призванию.

Верещали цикады.

Спустя минуту, показавшуюся Руалу вечностью, оборотень медленно растянул узкие черные губы, из-под которых торчали клыки, хлестнул себя по боку мускулистым хвостом и, неспешно повернувшись, нырнул в темноту.

Руал стоял на дороге, не в состоянии пошевелиться.

Зловещее приключение с девушкой Миреной ускорило наш отъезд из города Карата. Мы снова

дышали дорожной пылью, снова ночевали в трактирах и приютах.

Положение мое становилось все более неудобным и несвободным - любые разговоры я должен был вести под наблюдением Ларта, под строгим запретом оказались самостоятельные прогулки и знакомства. Легиар стал нервозен, несдержан и то и дело срывал на мне раздражение. Однажды, налетев в темном гостиничном коридоре на тяжелую ветвистую вешалку, он в приступе бешенства вышвырнул ее в окно - а ведь назад ее пришлось тащить двум дюжим парням, и они, между прочим, едва с ней справились!

В более-менее крупных поселках мы останавливались на день, на два, и тогда хозяин запирал меня в тараканьем номере плохонькой гостиницы - именно запирал, лишая возможности самому выбраться или впустить какую-нибудь Мирену с пузырящимися прорицаниями на устах. Как будто я виноват был в сумасшествии Орвина, во всех этих дурацких шуточках и историях о “Третьей мифической”! Как бы то ни было, путешествие все более и более меня угнетало.

Наконец, мы прибыли в город Фалет, который был вполовину больше и значительнее Карата, но вполовину меньше мне понравился. Снова зеваки заглядывались на нашу карету, а слуги в гостинице толкали друг друга локтями и шептали: “Волшебник, маг!” Вся эта шумиха и суета угнетала меня, а вовсе не радовала.

Первый вечер в гостинице ознаменовался чрезвычайным и неприятным событием. В пламени камина обнаружился Бальгазарр Эст.

Конечно, не он сам, а только лицо его, желчное и злое, отражавшееся будто в невидимом зеркале. Я, с каминными щипцами в руках, охнул и отскочил, а хозяин опрокинул тяжелое кресло, на котором сидел.

- Это как же понимать, Легиар?! - без всяких предисловий прогнусил Эст из камина. - Вы отдаете себе отчет, что освобождение Маррана...

Не издав ни звука, Ларт выхватил у меня тяжелые щипцы и яростно ткнул ими в горящие

поленья. Изображение Эста заколебалось и растаяло с негромким шипением.

Хозяин сделал вид, что ничего значительного не произошло, но всю ночь не давал мне спать, расхаживая по комнате.

Дальше все пошло, как прежде.

Запертый в номере, я, приученный к долгому вынужденному одиночеству, взялся раскладывать пасьянсы. Это занятие давно было моей единственной отрадой, за долгие тоскливые часы старенькие карты поистрепались так, что трудно было отличить даму от короля. Я перекладывал их так и сяк и думал, за что мне такая судьба, и чего хочет мой хозяин, и не сбежать ли вообще, когда повернулся ключ в дверной скважине и на пороге встал Ларт, да какой! Уже очень давно он не был так воодушевлен.

- Ну наконец-то что-то стоящее! - воскликнул он почти весело. - Собирайся-ка, господин волшебник, у нас сегодня важнейший визит! - и одним движением он смел мои карты, а пасьянс между тем подходил к концу, и удачно раскладывался, а это бывает так редко!

Исполненный тоскливого предчувствия очередной авантюры, я почистил черный с серебром костюм - парча уже истерлась, кое-где торчали неопрятные нитки - сапоги и потускневшую шпагу в ножнах. Я одевался через силу, а Ларт расхаживал по комнате, щелкал пальцами и говорил без умолку (это он-то)!

- Она купчиха и владелица нескольких мануфактур, местная знать за ней бегают, испрашивая подачки, мэр задолжал ей на годы вперед, половина товаров на рынке - ее... Но самое интересное - она, эта золотая груда, слывет колдуньей, ни больше, ни меньше! Какой-то у нее черный кот, составляющий снадобья, и какая-то книга...

Он водрузился на стол, опрокинув тощим задом пустой подсвечник. Я мрачно внимал ему, натягивая сапоги.

- Книга! - повторил Ларт вождленно. - По некоторым признакам можно судить, что это - ты

только вдумайся - одна из ранних копий Завещания Первого Прорицателя!

Небо, опять!

- Вы говорили, что его на самом деле не было, - напомнил я.

Он вскочил:

- Это предстоит выяснить... Подлинность книги - раз, - он загибал длинные пальцы, - тексты о явлении Третьей силы - два, и это главное... Твое дело - очаровывать старушку, восхищаться ее волшебным даром и выдурить книгу хоть на полчаса... Она ею дорожит, прячет и не продает ни за какие деньги. Но тебе, как собрату по чародейству, покажет. Я на этот раз буду чем-то вроде твоего ученика, допущенного к сокровенным тайнам, ясно?

Он посмеивался и потирал руки, а я нахлобучивал шляпу перед зеркалом, корча рожи, когда он отворачивался.

Впрочем, купчиха была не так уж стара. Она и недурна была, пожалуй. На ее холемом белом лице без труда читались привычка и вкус к неограниченной власти, а зал, где нас удостоили аудиенции, обставлен был под “пещеру колдуньи” - связки сушеных трав на стенах, чучело гигантской жабы под потолком, змеи в птичьих клетках и клубы дыма из камина - вероятно, там курились какие-то благовония.

Хозяйка восседала в резном кресле с высокой спинкой, облаченная в некое подобие шелкового плаща. Я приложился к крепкой, источавшей запах духов руке и получил в ответ благосклонный кивок головы, покрытой капюшоном. Далее мне был предложен обитый бархатом табурет, и завязалась церемонная беседа.

Мне пришлось выслушать длинные рассуждения о свойствах эфира, метаморфозах трав, возникновении ничего из ничего и перехода в чего-то, наваждениях и снах, о значении числа пятнадцать с половиной и технологии приготовления чучел из ежей. Время от времени она спрашивала моего мнения по особо важным вопросам, и тогда Ларт, стоящий за моей спиной, больно

щипал меня за лопатку, а я ерзал на табурете и восхищенно повторял зазубренную перед этим фразу:

- Ваши знания, миледи, несомненно достойны чести вызывать удивление своей незаурядной глубиной и свойствами, труднодостижимыми даже для убеленных сединами патриархов магического искусства.

Купчиха довольно улыбалась и с еще большим воодушевлением продолжала свои выкладки.

В разгар этого разговора в дверь постучали, вошел щуплый пожилой человек - управляющий, как я понял - и, извинившись, зашептал на ухо купчихе нечто, заставившее ее лицо налиться лиловой краской:

- Болван! - рявкнула она в точности, как это делают базарные торговки, - неужто не ясно, что по пятьдесят? А если эти недоумки требуют скидки, то пусть идут в болото!

Управляющий зашептал быстрее и убедительнее, и тогда магическая дама, раздувшись, как шар, ткнула ему прямо под нос ловко скрученную фигуру:

- А вот им! Так и передай!

Управляющий, кланяясь, удалился, а купчиха-колдунья мило мне улыбнулась, пробормотав в извинение:

- Ах, мой господин, дела, все дела...

И чопорная беседа продолжалась, как ни в чем ни бывало.

Ларт начал проявлять нетерпение - тыкать мне в спину костяшками пальцев и шипеть едва слышно:

- Книга! Книга!

Я дождался момента, когда купчихе понадобилось набрать воздуха для последующей тирады, и быстро вставил в образовавшуюся паузу:

- О миледи, не только ваши знания, но и некоторые принадлежащие вам ценные вещи известны далеко за пределами...

Она самодовольно улыбнулась:

- Очевидно, действительно пришло время показать вам кое-что...

И, вытянув шею, трижды прокричала мелодично:

- Кошмар! Кошмар! Кошмар!

Я не успел сообразить, что же так ее ужаснуло, но в эту минуту дверь отворилась, и мне показалось с первого взгляда, что никто не вошел - но только с первого взгляда, потому что вошедший был невыносимых размеров черный котиче с золотой цепочкой на шее.

- Кошмар, друг мой, подойдите, познакомьтесь с нашим гостем, магом Дамиром! - елеиным голосом сказала купчиха коту.

Кот покосился на меня сытым желтым глазом. Ларт так щипнул мою спину, что я подскочил:

- Э-э-э... мне очень приятно, собственно, я имел в виду...

- Кошмару известны сокровенные тайны бытия, - не слушая меня, продолжала купчиха, - он обладает даром заглядывать в будущее...

Кот потерся о мои колени, потом о ноги Ларта. Я слышал, как Ларт скрипнул зубами, и поспешно перебил:

- Однако, миледи, хоть слава вашего волшебного кота и гремит за пределами...

Ларт приглушенно взвыл. Я оглянулся в испуге и увидел, что Кошмар висит у него на плече, вцепившись всеми восемнадцатью когтями в его камзол. Легиар тряхнул рукой - кот тяжело спрыгнул на пол и посмотрел на Ларта с холодным презрением.

Купчиха окаменела лицом:

- Ваш слуга недостаточно вышколен, - сказала она ледяным тоном. - Его счастье, что Кошмар мудр и кроток...

Подтверждая свою мудрость и кротость, кот задрал заднюю лапу и принялся выкусывать под хвостом.

- Этот лакей недавно у меня на службе, - сказал я, чтобы загладить неловкость. Купчиха тем временем поманила Ларта пальцем:

- Иди-ка сюда, мошенник...

Легиару ничего не оставалось делать - он подошел. Купчиха долго его разглядывала, потом спросила меня с некоторым упреком:

- Неужели вы не могли найти лакея получше? У этого неприятная рожа, к тому же он наверняка таскает у вас мелочь.

Ларт стоял ко мне спиной, и я, к сожалению, не видел выражения его лица.

Тем временем дама закончила изучение Ларта и, явно недовольная им, махнула рукой, указывая куда-то вглубь комнаты:

- Чем стоять столбом, подай-ка плед... Вон он, на кресле...

Легиар покосился на меня и отправился за пледом. Я никогда не видел Ларта, подающего и прислуживающего, и это зрелище неожиданно мне понравилось.

- Безделье развращает слуг, - сказала купчиха наставительно. Кошмар взобрался к ней на колени и оглушительно заурчал.

Ларт негнушейся рукой протянул купчихе плед, но она сдвинула брови и не притронулась к нему:

- Кто так подает, болван? Что ты ходишь вразвалочку, как на бульваре? Отнеси назад и потом подай снова, как положено!

Зависла пауза. Я, замерев, ждал, как поступит Легиар. Тот постоял секунду, потом повернулся и потащился на исходную позицию.

Вот тут-то я и ощутил сладостное чувство мести. Мне вспомнились все мои злоключения, званый ужин в ратуше, девушка Мирена и разлетевшийся по полу пасьянс. Я почувствовал непереносимое желание хоть секундочку побыть господином Ларта-слуги. Хоть одну секунду!

Легиар тем временем прошелся по кругу и раздраженно ткнул плед прямо под нос купчихе. Та сдвинула брови еще недовольнее:

- Кто тебя учил, негодяй? Что ты суешь мне его, вместо того чтобы подать с поклоном? Еще раз!

Ларт взглянул на меня - но я предусмотрительно отвернулся, будто происходящее меня вовсе не касалось. Ларт пустился в свой путь сначала, а я вздохнул и сказал - клянусь, какой-то пес меня дернул за язык! - сказал небрежно:

- Благодарю, миледи, что вы любезно помогаете мне вышколить слугу.

Ларт издал странный скрипящий звук - вероятно, зубами. Купчиха милостиво мне кивнула, а Легиар вдруг изящно присел и с глубоким поклоном протянул ей этот окаянный плед.

- Это другое дело, - удовлетворенно заметила купчиха.

И тут я испугался. Небо, зная Лартову гордость и злопамятность, можно ожидать теперь, что он никогда, никогда, никогда не простит мне этой минутной слабости, этого желания его унижить!

Тем временем Ларт смиренно занял свое место у меня за спиной. Его смирение казалось мне зловещим, я предпочел бы, чтобы он прощипнул меня до кости.

Необходимо было срочно себя реабилитировать. Следующие пять неприятных секунд я соображал, как.

- Книга! - наконец воскликнул я, подпрыгнув. - То есть я хотел сказать, что великой честью для меня было бы созерцание драгоценной книги, жемчужины вашей магической библиотеки, чья слава идет далеко за...

Купчиха таинственно улыбнулась, почесывая Кошмара за ухом:

- О, все хотят ее видеть... Все о ней знают, все благоговоят пред ней, но видеть ее - о, это не всем доступно...

- Продолжая странствия, - сказал я быстро, - я мог бы нести славу о ней так далеко, как

позволили бы крепкие колеса моей кареты.

Купчиха сощурилась, пощелкала языком, испытующе на меня взглянула и позвонила в колокольчик. Вошла горничная.

- Позови Руви, - распорядилась купчиха.

Через минуту явился Руви - смазливый тип в дорогой ливрее.

- Позови Куни, - сказала ему хозяйка.

Еще через минуту пришел и Куни - седой старичок в черном балахоне.

- Принеси ЕЕ, - велела шепотом купчиха.

Старичок поклонился, сложив руки на груди, и вышел, пятясь. Мы ждали, затаив дыхание; наконец, Куни вернулся, с превеликой торжественностью неся перед собой нечто, завернутое в черный бархат. Сверток водружен был на стол, купчиха проводила старика взглядом, а затем приказала Ларту:

- Ты, голубчик, отойди и стань вон там, под стенкой. Нечего тебе смотреть сюда, ни к чему...

Я взвился:

- Видите ли, миледи, я сейчас учу его некоторым простым вещам, и ему было бы полезно глянуть... Так, одним глазом.

Купчиха скептически поджала губы. Ларт шагнул вперед, не сводя глаз со свертка. Исполненная значительности, дама развернула бархатку. Под ее руками тускло блеснула золотая надпись на переплете.

- Обратите внимание! - похвалилась купчиха. - Это настоящее золото!

- Можно взглянуть? - спросил я, волнуясь.

Книга пахла плесенью, некоторые страницы слиплись, некоторые истлели. Я листал ее дрожащими руками, а Ларт тяжело дышал у меня над ухом:

- Дальше... Дальше... Вернись назад...

Текст был написан рунами и мне непонятен, кое-где встречались картинки - ох и жуткие картинки, надо сказать! Странные твари, разрезанные пополам и нарисованные как бы изнутри... Потом чертежи, изломанные линии, и снова знаки, значки, рисунки...

- Дальше... - дышал на ухо Ларт.

Но тут купчиха соскучилась и потянула книгу к себе:

- Обратите внимание, господин Дамир, здесь есть одно забавное место...

Она оттолкнула мои руки, поплюнула пальцы и принялась листать в обратном порядке:

- Здесь... Вот... Смотрите!

Страница, на которую она указывала, была написана не рунами, а обыкновенными крупными буквами, даже немножко школьными. Водя пальцами, купчиха принялась прилежно вычитывать по слогам:

- ...И тог-да она вой-дет, и нас-танет вре-мя... Тут не понятно, чего... В откры-тую дверь вой-дет... Тут непонятно, кто-то войдет... И при-рав... пре... а, Привратник!

Она обрадовалась, разобрал трудное слово.

- И при-вратник откρο-ет... И вода за-густе-ет, как... чер-ная кровь... И что-то там изойдет слезами... Дос-той-ны завис-ти полень-я в оча-ге... С неба содрали... Что-то содрали. И она во-ца-рится, и при-вратник будет ей слу-гой и на-мест-ником...

Ларт слушал, подавшись вперед, я сглатывал и облизывал губы. Купчиха упивалась производимым впечатлением:

- Живу-щие... Пут-ник на зеле-ной рав-нине обре... а, обречен! Но маги - рыдай-те, вопия... вопияйте, кажется. Ваш жре-бий ужас-нее, чем... Не разобрать. Заки-пит над голо-вой... Не разобрать. И втянет во чре-во сво-е...

- Огонь, загляни мне в глаза... - сказал я неожиданно для себя.

Они оба посмотрели на меня - купчиха и Ларт. После паузы купчиха сказала:

- Вот-вот... Что-то похожее... Забавно, правда?

В этот момент Ларт стремительно выхватил у нее книгу и впился в нее глазами. Ему на руку было то, что купчиха обалдела от такой наглости и временно лишилась дара речи. Легиар читал, уткнувшись в покрытые разводами страницы, а купчиха молча выдирала у него свое сокровище, походя уронив на пол Кошмара. Ларт был сильнее - преимущество в этом поединке было явно на его стороне.

Купчиха неузнаваемо преобразилась в этой борьбе - чопорная колдунья исчезла, а на место ее явилась разъяренная базарная баба:

- Отдай, мерзавец! - завопила она, обрета, наконец, утерянный дар речи. - Хамло, тараканья пожива, лакейская морда! Эй! Эй!

Она потянулась за колокольчиком, но Ларт уже оставил книгу и, как ни в чем не бывало, встал у меня за спиной.

Купчиха подбоченилась, похожая на распухшую дождем грозовую тучу, и голосом, не обещавшим ничего хорошего, процедила:

- Или высечь негодяя тут же, при мне, или... - она зашипела, как котел пара, и шипение это сулило неслыханные беды.

- Я высеку! - воскликнул я со слезами в голосе. - Клянусь небом, высеку! Как только прибудем в мой родовой замок...

Дама никак не могла успокоиться, и тут мне пришла в голову неожиданная мысль:

- А хотите, я его вообще... повешу? - спросил я с воодушевлением.

Наверно, Ларт как-то особенно отреагировал на это блестящее предложение, потому что купчиха быстро взглянула на него и вдруг смягчилась:

- Ничего, - сказала она примирительно, - порки, пожалуй, достаточно.

Ларт, очевидно, вздохнул с облегчением.

Купчиха успокоилась и, обретя душевное равновесие, снова взялась за книгу:

- Обратите внимание, здесь особенно красивый шрифт... И красные чернила!

И она принялась старательно, как ученица, складывать буквы в трудно произносимые сочетания.

Ларт вдруг больно впился мне в плечо. Потом кинулся вперед и положил руку на текст.

Купчиха выпучила глаза.

- ЭТО нельзя читать вслух, - сказал Ларт вкрадчиво. - ЭТО вам вообще нельзя читать!

- Высеку! - закричал я, предупреждая купчихину реакцию. - Высеку, высеку, высеку, высеку!

- ЭТО опасно, - продолжал Легиар, повысив голос. - Если дорожите жизнью, откажитесь от этой книги!

Он захлопнул книгу и зажал ее под мышкой, отступая понемногу к двери и повторяя монотонно:

- Откажитесь... Откажитесь...

- Засеку до смерти! - орал я.

Купчиха тем временем впала в некий транс - слова Ларта действовали на нее завораживающе.

Взгляд ее остановился и затуманился.

- Откажитесь... - напевал Ларт, потом чуть повернул голову и бросил мне сквозь зубы:

- Да заткнись же! - и снова: - Откажитесь... Откажитесь...

- Отказываюсь... - пробормотала купчиха, и тут случилось нечто необъяснимое.

Ларт вскрикнул, как от боли, и выронил книгу. Зашипели, извиваясь, змеи в птичьих клетках, закачалось чучело гигантской жабы под потолком. Захлопала соловыми глазами купчиха, а хозяин опрометью кинулся ко мне и цепко схватил за локоть:

- Немедленно уходим!

Книга дымилась!

Язычки пламени вырывались из-под желтых страниц, и страницы по одной сворачивались трубочками, поднимался к потолку дурно пахнущий желтый дым. Завыл и кинулся прочь Кошмар. Хриплым басом взревела купчиха.

- Прочь! - крикнул Ларт и волоком потащил меня к двери.

Он увлекал меня вниз, по парадной лестнице, мимо заметавшихся лакеев, мимо испуганной горничной и мальчика на побегушках, всем телом врзался в парадную дверь и, распахнув ее, вывалился на улицу, таща меня за собой. За нашими спинами бледно полыхнуло, и в доме купчихи занялся пожар.

Затерявшись в толпе зевак, мы видели, как сиганул из форточки Кошмар, как переругивались растеряно Руви и Куни, как бегали с ведрами лакеи и всплескивала руками горничная.

- Знамение... - бормотал Легиар. - Она не далась мне в руки... Какая книга... Знамение!

Похоже, он временно обо мне забыл - и слава небу.

Село было небольшое, зажиточное, опрятное, с невысокими плетнями вместо заборов. На длинных жердях сушились разнообразные глиняные горшки, расписанные цветами и пчелами. Гордостью местных жителей были ульи и еще старинный промысел - особенная роспись по глине в темно-медовых тонах, изображающая непременно цветы и непременно пчел.

Одинокая вдова, приютившая Ильмарранена на ночь, сама походила на пчелу - коричнево-золотая, полная, хлопотливая, она изо всех сил старалась угодить своему случайному гостю. Руал ночевал на сеновале, где ему постелена была чистая постель. Сквозь крышу смотрели звезды - Ильмарранен поглаживал золотую ящерицу, притаившуюся у него на груди.

Утром вдова встала ни свет ни заря, напекла пирожков, усадила Руала за стол. Она щедро угощала его парным молоком и медом из собственных ульев, чтобы потом, усевшись напротив и опершись на локти, искать его взгляда темными матовыми глазами.

- Не спешил бы, - сказала она, когда Руал уже стоял в дверях.

Он улыбнулся виновато:

- Не могу... Должен идти.

Вдова горестно покачала головой и проводила его до ворот. Так он и запомнил ее - печальная, одинокая пчела, глядящая ему вслед, прикрываясь ладонью от солнца.

Далеко-далеко отсюда другая женщина тоже неотрывно смотрела на дорогу. Так же светило солнце, ветер так же поднимал столбы пыли, но дорога была пуста, и ожидание было тщетно. Никак не унимался ребенок; баюкая его, женщина шептала необычные, с трудом различимые слова, а успокоив ненадолго, снова наклонялась к окну и снова смотрела.

Дорога была пуста, а ожидание было тщетно.

Руал брел сельской улицей. Играли, отражая солнце крутыми боками, расписанные цветами и пчелами глиняные горшки на плетнях. Выскочили откуда ни возьмись две голенастых девчонки, поздоровались с прохожим, потом засмутились и брызнули прочь. Там и здесь в огородах маячили согнутые спины; где-то чинили крышу, и полуголые рабочие картинно восседали на ней верхом, мерно взмахивая молотками. Мрачно покосилась встречная старуха, удивленно вытаращился на чужака чумазый малыш, копошащийся на куче песка. Выглянула из подворотни рыжая собака, забрехала без особого рвения, потом чихнула и скрылась. Руал улыбнулся.

Он миновал околицу, двинулся через луга, где высились копны сена, через поля, где горбились жнецы, берегом тихой речки, где ребятишки таскали карасей из ленивой, неподвижной, прозрачной до дна воды. В полдень он пообедал в компании маленьких рыболовов, угощая их пирожками, любовно приготовленными вдовой. В ответ получал свежий сыр, душистый хлеб и цветочный мед. Он жевал травинку и шурился на масляные блики, игравшие на ровной поверхности затонов, смотрел, как неподвижно зависали над водой тяжелые стрекозы, как сновали водомерки, как вертелись и ложились на бок пестрые поплавки. Он просидел бы на берегу до вечера, если б не ждала его, понукая, подстегивая, пыльная лента дороги.

После полудня погода испортилась. Быстро сгустились нехорошие, свинцового оттенка тучи и наступило затишье - зловещее, многообещающее. Руал ускорил шаг - впереди виднелись первые дома незнакомого поселка. В этот момент затишье оборвалось, как обрывается натянутая струна.

Рванул ветер, заметались придорожные деревья, сиюсь убежать и спрятаться, судорога прошла по золотому полю неубранной пшеницы, и поле это вступило в черную, непроглядную тень. Небо предстало вдруг в красивой сетке молнии, и в ту же секунду победно ударил гром. Руал пригнулся и побежал, но крупный ледяной дождь преследовал бегущего, молотил по спине, бесчинствовал и издевался, пока Ильмарранен, задыхаясь, не добежал до накрытого сверху рогожей стога сена и не врылся, как крот, в его душистые недра.

Молнии хлестали одна за другой, дождь свешивался с темного неба неровными, медленно шевелящимися космами. Внутри стога было сухо, через неправильной формы дыру Руалу был виден кусок дороги и край пшеничного поля, из золотого сделавшегося серым.

Небо потемнело еще больше, сумерки сгустились, будто средь бела дня вдруг навалился вечер. Новая туча, явившаяся из-за реки, помедлила и разразилась жесточайшим градом.

Притихший Руал наблюдал со страхом, как пляшут ледяные шарики на размокшей, размытой дороге, как содрогается пшеница, как с треском лопаются придорожные лопухи. Потом туче наскучила игра, она выдохлась, отступила, град сменился дождем и сразу - дождичком, который вскоре утих совсем. Как ни в чем не бывало, явилось солнце, чтобы осветить печальные следствия беззакония, учиненного градом.

Руал выбрался из своего убежища - под ногами у него хрустнули тающие под солнцем льдинки. Все вокруг имело жалкий, растерзанный вид.

Ступая, как по битому стеклу, он пошел в сторону пшеничного поля. Пролетела прямо у него над головой невесть откуда взявшаяся крупная ворона, угнездилась на поникшей ольхе, каркнула хрипло.

Пшеничные колоски были измяты, изломаны, искалечены. Все зерно высыпалось на землю.

- Они наслали на нас град! Они колдуны и чернокнижники! Спросите, почему их поля уцелели, а наши все погублены!

- Спросите... - хором загудела толпа.

- Почему туча обошла их угодыя стороной? Почему мы должны теперь умирать с голоду?

- Колдуны! Колдуны! - кричали обозленные, почерневшие от ненависти люди.

Площадь посреди поселка была окружена линиями, покосившимися заборами, под которыми роскошествовала зеленая, в рост человека, крапива. Оратор стоял на огромной бочке посреди площади, затянутый ремнем поверх круглого живота, сам похожий на бочку с одним обручем. Односельчане его, понесшие в один день колоссальные убытки, толпились вокруг, наступая друг другу на ноги и горланя:

- Колдуны! Пчелятники - колдуны!

Человек на бочке вскинул руку:

- Разве мы не знали этого раньше? Разве пчелятники не катались в масле тогда, когда мы маялись в нищете? Разве не умер сынишка угольщика, искусанный их пчелами насмерть?

- Правильно! - тонко выкрикнул женский голос. - Свекровь купила у них расписной горшок, поела из него и отравилась!

- А не надо было покупать, - откликнулась другая женщина, - все знают, что ихние горшки отравленные!

- Колдуны! - завопили обезумевшие люди.

Руал стоял в толпе, беспомощно оглядывался, не понимая, что происходит. Топотали расхлябанные башмаки, из длинных, обрамленных грязной бахромой рукавов выглядывали выдавшие виды кулачища. Похоже, жители этого большого, бедного, обделенного счастьем поселка давно копили злобу на благополучных соседей. Наделавшая несчастий буря была последним звеном в

длинной череде претензий, свар и хранимых обид.

Возмущение нарастало:

- У меня тетка ослепла от их меда! - доказывал молодой долговязый парень, вертясь как волчок.

Руал не выдержал:

- Да перестань врать! Я сегодня ел их мед и прекрасно вижу твою противную физиономию!

К нему обернулись:

- Ты что, из пчелятников?

Занеслись в воздухе тяжелые кулаки.

- Да я путник, - примирительно буркнул Руал, отступая. Его оставили в покое.

Подпоясанный ремнем слез с бочки, и на нее забралась заплаканная женщина в когда-то нарядном, а теперь изодранном нервными руками передничке:

- Дети у меня... Дети... - и разрыдалась вдруг так горько, что, не в силах продолжать, тут же и спустилась снова. У Руала болезненно сжалось сердце.

Плачущую женщину сменила молодка в многоярусных бусах:

- Слушайте, соседи! У меня в огороде листика целого не осталось! Что же это, а? - А ихнюю земельку и не тронуло, только дождичком подмочило! Так что нам, ждать, пока эти колдовские морды пожар на нас нашлют или чуму? Да бить их надо!

- Бить! Бить! - завопила осененная счастливой мыслью толпа.

- Бить, - продолжала женщина, - и хлеб ихний себе забрать, чтобы по справедливости было! А то гляди ж ты - только дождичком подмочило!

Руал озирался, вглядываясь в лица. Все были вдохновлены, все орали, всем было за что мстить. Руал вспомнил приютившую его вдову, голенастых девчонок и мальчишек-рыболовов.

На бочку тем временем вылез здоровенный хмурый человек, которого приветствовали

криками:

- Скажи, кузнец! А ну, скажи!

Кузнец обвел всех тяжелым взглядом из-под щетками торчащих бровей.

- А что... скажи... - проговорил он неожиданно высоким голосом. - Я там своих парней послал горн раздувать... До ночи накаем пик железных, сколько успеем. На чернокнижника с голыми руками не погрешь... А вы несите в кузню косы поломанные, мечи будут... Мы не ягнятки, вот что! Измываться не дадим!

Толпа загудела:

- Правильно! Хватит терпеть!

- Не достанет пик - с топорами пойдем!

- Бить пчелятников, бить!

Ильмарранена сильно толкнули в спину: кто-то пробирался вперед, кто-то отходил, и образовавшийся водоворот вынес Руала так близко в бочке, что тяжелые кузнецовы ботинки оказались у него прямо перед лицом.

- Бить колдунов, - подытожил кузнец, - завтра, как рассветет, соберемся у кузни, разберем оружие и вдарим! Хватит языками плескать, языком чернокнижника не проймешь... Утром пики будут и мечи!

Толпа закивала, соседи хлопали друг друга по плечам, благословляя на бой. Бочка опустела, Руал видел вблизи ее истоптанное днище, темные доски и ржавые обручи. При желании он мог дотронуться до нее рукой.

- У меня зять оттуда... - тихо сказали у него за спиной. - Никакие они не колдуны. У них тоже дети...

Другой голос перебил:

- А что мне до чужих детей? Лишь бы своих пять душ прокормить...

- Бить! Бить! - кричали отовсюду.

Руал смотрел в землю. Расправа, подумал он, одна большая расправа всех над всеми. Я расправился, надо мной расправились...

Вспомнились крутые бока глиняных горшков, расписанных цветами и пчелами. Ровные ряды ульев...

Он опомнился, уже стоя на бочке. К нему разом повернулось две сотни голов, настороженно нахмурились брови, презрительно оттопырились губы.

- Опомнитесь, - сказал Руал, - какие они колдуны. Я странник, я был там и видел. Они не виноваты, вы же сами знаете!

- Вон! - крикнул кто-то один, и сразу его крик подхватил десяток голосов:

- Вон! Пошел вон, приبلуда!

- Остановитесь! - крикнул Руал. Его схватили за ноги сразу несколько человек. Бочка пошатнулась.

- Оста... - кричал Руал, уже видя, как в дом вдовы врываются громилы с железными пиками и белыми от ненависти глазами. Как разлетаются улыи, падают в пыль расписные черепки...

- Люди! - закричал Ильмарранен, осененный внезапной мыслью. - Бойтесь знамения! Я гадалщик и ясновидец, бойтесь знамения!

Его уже стащили с бочки за ноги, опрокинули на землю.

- Я вижу! - кричал он что есть силы. - Я гадалщик и ясновидец! Бойтесь знамения, ибо оно знаменует смерть!

Его дважды ударили ногами, связали чьим-то поясом и заперли в сарае - "чтобы не донес пчелятникам".

Весь вечер в кузне, стоявшей в стороне от поселка, кипела работа. Весь вечер Руал Ильмарранен пытался освободиться.

Сгустилась темнота, притомившиеся вояки собрались в трактире, и Руалу из его сарая была слышна их пьяная похвальба.

Ночь была темная, безлунная, по небу бешено неслись стаи туч, то обнажая, то прикрывая редкие холодные звезды. Крики в трактире утихли прежде, чем Руал ухитрился-таки стянуть с запястий чужой, цепкий пояс. На его счастье, дверь сарая неплотно прилегала к проему, а петля, на которую снаружи был наброшен железный крючок, шаталась, как гнилой зуб. Изрядно ободрав руки, Ильмарранен выдернул ее и покинул узилище.

Из трактира доносился мощный, многоголосый храп. Ни огонька, ни свечки не мерцало в тусклых окнах осевших в землю домов. Руалу предстояло найти кузню.

Он видел ее, входя в поселок, он знал, что она стоит на отшибе, но несколько раз отчаялся, блуждая впотьмах чужими улицами. В последний момент судьба сжалилась над ним, покосившиеся дома расступились, и взойдя на небольшой пригорок, он увидел впереди, во впадине, темное строение. У подножья пригорка была свалка, на куче хлама белел лошадиный череп и выгибались дугой обнаженные ребра. Руал вздрогнул.

Кузню специально построили в отдалении, чтобы звон и лязг не тревожил соседей. Сейчас это было как нельзя кстати.

У кузни было пусто - воинствующие сельчане, кузнец и подмастерья спали сейчас тяжелым пьяным сном и видели во сне победу. На всякий случай Руал прислушался, постучал тихонько, потом вошел внутрь. Наощупь, пачкая руки пылью и паутиной, нашел лампу и огниво. Затеплившийся огонек осветил гору оружия, сложенного у стены.

В странствиях Ильмарранену не раз приходилось помогать кузнецам. Он знал, как раздуть горн. Ему приходилось спешить.

Неслись тучи по черному небу. В рваные дыры между ними равнодушно смотрели звезды. Пот заливал лицо Ильмарранена.

Спал поселок. Спали некрасивые, издерганные нищетой и придирками мужей женщины. Спали бледные, вечно испуганные дети. Храпели их отцы, встречающие утро битвы в трактире...

Когда первые признаки приближающегося восхода пробились сквозь тучи, Руал уже снова лежал в своем сарае, успокаивая дыхание после отчаянного бега. Оставалось надеяться, что никто его не видел.

Он снова намотал чужой пояс себе на запястья. Железный крюк, запирающий дверь, был на месте, в расхлябанной петле. Руал лежал, кусая губы, прислушивался, напряженно ждал.

Он слышал, как проснулись пьяницы, как, несколько поостывшие за ночь, они подбадривали друг друга ругательствами в адрес “пчелятников”, как ворчали собравшиеся женщины, как все отправились в кузню, за оружием. Некоторое время после этого он ничего не слышал, потом раздались быстрые шаги и дыхание запыхавшихся людей. Отлетел крючок, распахнулась дверь.

- Эй, ты, провидец... А ну иди-ка, люди на тебя посмотреть хотят...

На пороге стояли двое - один, по-видимому, подмастерье кузнеца, другой - долговязый парень, которого Руал видел накануне в толпе. Оба казались растерянными и напуганными.

- А что? - спросил Ильмарранен, потягиваясь, будто со сна.

Его подняли за плечи, развязали руки:

- Что это ты молол вчера про знамение, а?

Руал перевел взгляд с одного на другого, нахмурился:

- Что? Случилось?!

Долговязый мотнул головой в сторону кузни:

- Иди, посмотри...

Люди кольцом стояли вокруг кузни, не решаясь подойти ближе. Говорили шепотом, вздрагивали, оглядывались.

- Расступитесь! - крикнул Руал. От него испуганно шарахнулись.

Он сделал несколько неуверенных шагов и остановился.

Со двора кузни выезжала кузнецова телега, маленькая, поломанная, о трех колесах. Выезжала, да не могла выехать, потому что в нее был впряжен белый лошадиный скелет. Выгибались дугой, вонзались в землю голые ребра, пустыми глазницами пялился тяжелый череп. Жутко торчали оглобли, болтались на ветру вожжи, заброшенные на передок. В разошедшееся дно телеги воткнуты были мечи и пики - покоренные, погнутые, изувеченные, они торчали густой, уродливой порослью.

Руал, как стоял, рухнул наземь и протянул руки к небу:

- Знамение... О, ужасное знамение! - бормотал он в неподдельном отчаянии.

Толпой все больше овладевал страх. Запричитали женщины, нервно закричали на них мужчины. К Руалу подошел бледный кузнец, поднял его за шиворот, грозно нахмурился, но голос выдал его смятение:

- Ну, ты... Накаркал... Что это, а?

Руал обвел взглядом испуганные лица. Ни следа не осталось от прежней отваги и решимости, только ненависть и страх. Ильмарранен горько покачал головой, обошел страшную упряжку, прочертил линию по направлению ее движения, прошептал потрясенно “На запад!” и схватился за голову:

- Люди, это знамение... Вы прогневили небо, отсюда град... Вы не вразумились, и вот новое, грозное предупреждение... Это знак смерти! Это худшее из возможных знамений... Вы должны оставить несправедные, жестокие планы, вы должны помириться с соседями. Смиритесь, подумайте о творимых вами несправедливостях, откажитесь от ненависти, иначе мор, голод и безумие овладеют вашим поселком!

Они переглядывались, пожимали плечами, перешептывались, отгрызались друг на друга, косились на Руала, плевались, бранились, тяжело раздумывали, заламывали руки, разглядывали

пустое небо, и, наконец, бочком, бочком стали расходиться. Разошлись все, потупившись, воротя глаза, бормоча себе под нос. Пригорок опустел, только переминался с ноги на ногу кузнец да тряслись в сторонке подмастерья.

- Что... теперь? - спросил кузнец с суеверным ужасом, показывая на телегу с оружием.

- В огонь, - твердо сказал Руал. - И сохрани тебя, кузнец, хоть раз в жизни выковать еще что-нибудь подобное!

Тот хмурился, сглатывал слюну, ходуном ходила жилистая шея.

Скрипели кости на ветру, будто пытаюсь сдвинуть телегу с места.

Он уходил победителем. Его не венчали венками и не бросали ему цветов. Ему даже не дали корки на дорогу, но он уходил победителем. Никогда не узнает об этом дне вдова из поселка с рядами ульев, забудут путника мальчишки-рыбаки, в неведении вырастут голенастые девчонки. Пускай. Он уходит победителем.

Пылал высокий костер у кузни. Захлопнулись двери и ставни, из каждой щели за ним наблюдали настороженные, недобрые глаза. Он уходил. И только выйдя за околицу, в поле, он закинул голову и рассмеялся победным смехом.

Высыхала под солнцем трава. Он чувствовал себя как никогда легко и уверенно, и почти не удивился, когда его явственно позвали: “Марран!”

Он оглянулся, и конечно, никого не увидел. Тянулись поля, маячили рощицы, колыхались несжатые колосья. И кто-то засмеялся тихо, вкрадливо, где-то там, в нем, внутри, кто-то другой, посторонний, засмеялся и сказал: “Ловко, ловко, Марран!”

Позолоченная карета гроыхала на ухабах, резво бежала шестерка вороных, стойко переносящая все тяготы пути. Как заговоренные, сказал бы я, если б не знал, что кони действительно заговорены Лартом от случайностей и болезней. Да и карета - сколько уже проскакали по колдобинам ее тяжелые колеса, а что ей делается!

Я, однако, ни заговоренным, ни железным не был. Путешествие вытягивало из меня последние силы, а все эти прорицающие девчонки и сами собой вспыхивающие книги, конечно, здоровья не прибавляли.

Ларт был угнетен неудачей и не мог простить мне купчихиных помыканий. Наши отношения вконец испортились, я знать не знал, как загладить свою вину.

Так миновала неделя, и мы прибыли в замок барона Химециуса. Барон принял нас вежливо, но прохладно. Втайне он считал всех магов дармоедами, столь же бесполезными, как пуговицы на шляпе, однако вслух высказывался помягче:

- Господин э-э-э... Дайнир, не соблаговолите ли вы объяснить мне и домочадцам, так сказать, смысл так называемого магического дара? - спросил он за первым же обедом в зале, где за длинным столом восседали сам барон, его бледная жена, огненно-рыжий сын, две маленькие дочки, старушка-приживалка и я, сопровождаемый стоящим за спинкой стула Легиаром.

Не успел барон завершить свою ехидную тираду, как крылышко индюшки вспорхнуло с моей тарелки, сделало круг почета вокруг стола, капнуло соусом на приживалку и впихнулось в мой разинутый рот. Ларт, по-видимому, во что бы то ни стало решил поддержать репутацию магов.

- Ах! - сказали в один голос маленькие дочери барона. Сынишка фыркнул, жена вздохнула, а старушка-приживалка достала платок и принялась чистить испачканное платье.

- Ну-у... - насмешливо протянул барон. - Будучи, с позволения сказать, в балагане, я наблюдал не раз, как фокусник доставал кроликов из пустой шляпы, однако никому бы не пришло в голову оказывать таковому фокуснику особенный, так сказать, почет, в то время как маги...

Шелковый бант у него на шее задергался и превратился в зеленого длиннохвостого попугая, который, слетев с бароновой рубашки, уселся на канделябр в центре стола и запел сладкую серенаду. Девчонки снова ахнули, баронесса вздохнула, мальчишка захохотал, а приживалка поперхнулась.

- Ах, господин Довнир, - удрученно покачал головой барон, - я знавал одного птицелова,

заточавшего в клетки дроздов и синиц с тем, чтобы обучить их песенке и продать на базаре...

Мальчишка запустил в попугая костью. Тот рассыпался стаей бабочек, которые мгновенно вылетели в окно. Барон проводил их сокрушенным взглядом:

- И все же я не могу понять, господин Дранир...

- Меня зовут Дамир, - сказал я мрачно.

Сразу после обеда я устроил Ларту истерику. Я сказал, что не вижу смысла в нашем маскараде, что мне надоело попадать в смешные и нелепые ситуации, что я устал, что я боюсь, что с меня хватит. В порыве чувств я даже принялся отстегивать шпагу и стаскивать с себя камзол чародея. Ларт смотрел на меня меня холодными, сузившимися глазами:

- Это бунт?

Его вопрос несколько меня отрезвил. Я раздевался все менее и менее решительно, пока не застыл, поникший, комкая в руках кружевное жабо. Ларт сидел в углу и смотрел на меня не отрываясь - смотрел отстраненно, изучающе.

- Хозяин, - сказал я жалобно, - хозяин, простите... Разрешите мне по-прежнему служить вам, просто служить, не разыгрывая представлений. Я не могу быть магом. У меня не выходит. Впрягите меня в карету вместо лошадей, но, умоляю, не заставляйте прикидываться вашим господином. Пожалуйста!

Он протянул ко мне узкую жилистую руку и вдруг резко сжал пальцы в кулак. Я, стоящий в другом конце просторной комнаты, был цепко схвачен за ворот. Между нами было десять широких шагов, но он подтащил меня прямо к своему лицу, к ледяным, безжалостным глазам:

- Мне НУЖНО, чтобы ты был магом. Мне НУЖНО, чтобы ни одна крыса в этом не усомнилась. И, клянусь канарейкой, ты будешь играть эту роль до конца. До конца, что бы там ни было! Посмей только струсить...

Он разжал руку, и я отлетел к стене. Запрыгала по полу костяная пуговица от моей батистовой

рубашки.

На следующее утро мы вместе с бароном, ловчими и доезжачими отправились на охоту. День был ясный, но не жаркий, лошади были великолепны, и даже я, всегда с опаской садившийся в седло, чувствовал себя сносно. Возможно, я чувствовал бы себя еще лучше, если бы не цепкий, пристальный взгляд Ларта, не отстававшего от меня ни на шаг. Вчерашняя его угроза висела надо мной темной тенью: “Посмей только струсить!”

Я ехал по левую руку от барона, вооруженного длинной заостренной пикой; по правую его руку ехал старший егерь. Как мне объяснили, барономы угодыя просто кишели пригодным для охоты зверьем.

Сам барон был в прекрасном настроении и громогласно рассуждал о благородном обычае охоты, о лошадях, собаках, кулинарии, погоде и - мимоходом - о непригодности магии в серьезных делах.

- Вот, с позволения сказать, господин волшебник всякие штуки показывает... Бабочки, попугайчики, и прочее. А если, к примеру, господин волшебник берется за мужское дело - охоту, скажем, или там войну? Что ж, высказывает на господина волшебника дикий вепрь, к примеру, или вражеский отряд? Неужто его попугайчиками проймешь? И опять же, пока господин волшебник, с позволения сказать, колдует, этот самый вепрь дожидаться не станет, вмиг господина волшебника - рраз!

Барон ткнул своей пикой в воображаемого господина волшебника и громогласно рассмеялся, довольный своей шуткой.

Я тоскливо ждал, что предпримет Ларт в попытке восстановить уязвленное магическое достоинство, но он бездействовал. Я покосился через плечо - и увидел, что Легиара у меня за спиной нет.

Не могу сказать, чтобы я очень огорчился. Все утро меня тяготило его близкое присутствие,

и теперь я впервые вздохнул свободнее, чувствуя, как темная тень у меня над головой понемногу рассеивается.

Мы ехали опушкой леса, справа тянулись нетоптанные луга, заросшие травой в человеческий рост, слева высились дубы, древние, дуплистые, и в их кронах неистовствовали птицы. Егеря спускали со сворок разгоряченных заветными запахами собак.

Барон был разгорячен не меньше - он привставал в седле, возбужденно мне подмигивал, потирал руки, предвкушая любимейшую, по-видимому, радость.

Где-то впереди собаки подняли отчаянный лай. Барон пришпорил лошадь и с радостным криком ринулся вперед, не разбирая дороги. Я поотстал. Передо мной уже маячили спины егерей, я шлепнул лошадь по крупу, боясь отстать окончательно и заблудиться.

Вдруг собачий лай почему-то сменился воем и визгом, егеря натянули поводья, и я, не в силах сдержать лошадь, пролетел мимо них и снова оказался рядом с бароном. Собаки, с поднятой на загривках шерстью, жались к ногам его лошади. Барон держал свою пику наперевес, будто защищаясь. Я проследил за его взглядом - и обомлел.

Под пышным кустом малины лежал, свернув калачиком чешуйчатый хвост, некий фантастический, огромных размеров зверь, снабженный костяным гребешком вдоль спины и острыми, как иглы, когтями. Зверь поводит красным раздвоенным языком внутри полуоткрытой клыкостой пасти. Глаза его, круглые и желтые, как плошки, бесцеремонно изучали нашу кавалькаду.

Собаки, бравые охотничьи псы, прятали хвосты меж задних ног. Егеря пятились. Барон протянул хрипло:

- На тебе... Не ждали, не видали, и на тебе!

Он обернулся ко мне, и во взгляде его не было былого добродушия:

- Ну вот что, господин Дамир или как вас там... С роду в наших местах ничего подобного не водилось, а вы явились - и вот, пожалуйста! Я не знаю, вы его приманили или он сам прилез, но

только уж будьте добры! - и он ткнул мне в руки свою пику.

- Что? - спросил я с бесхитростным недоумением.

- Что?! - подпрыгнул в седле барон. - А продырявьте его, вот что! Мне неинтересно, чтобы он возле моего дома малинку жрал!

Зверь тем временем действительно жрал малинку - вытягивал слюнявые губы и слизывал ягоды целыми пригоршнями.

- Так он травоядный, - сказал я убежденно. - Уверяю вас, господин барон, что он вовсе не опасен.

Как бы в подтверждение моим словам зверь свирепо ударил хвостом - затрещали ломаемые ветви, в земле образовалась изрядная вмятина. Собаки бросились наутек, за ними последовали наиболее трусливые егеря. Барон стал красен, как спелый томат:

- Нечего ломаться, господин колдун! Или вы продырявите его с помощью ваших чар, или я продырявлю вас, и совершенно самостоятельно!

Его пика уперлась мне в грудь. Зверь снова ударил хвостом, увеличив вмятину втрое.

- Конечно-конечно, - сказал я примирительно, руками отводя острие и одновременно вертя головой в поисках Ларта. Хозяина не было, а я между тем нуждался в нем острее, чем когда-либо.

Барон снова сунул пику мне в руки - на этот раз ее пришлось взять. Зверь, видя это, воодушевился - вытянул шею, поднял стоймя костистый гребень на холке и неприятно зашипел, подергивая красным языком. Меня передернуло.

- Отойдите подальше, - попросил я барона, - подальше, на безопасное расстояние... Я могу ранить его, и тогда, разъяренный...

- Не вздумайте бежать! - отрезал барон. Небо, он читал мои мысли.

Зверь оставил свою малину и нетерпеливо переводил взгляд с меня на барона, а с барона на меня. Я тянул время:

- Однако, господин барон, учитывая неоднозначность ситуации...

Мы могли бы долго так препираться, но зверь решил за нас. Тяжелый и изящный одновременно, он расправил крылья - ибо у него были крылья! - поднялся на когтистые лапы и двинулся на меня. Я отпрянул.

Даже десяток баронов не удержали бы меня от позорного бегства, если бы в этот самый момент в голове моей не прозвучал явственно голос Ларта: “Ты будешь играть эту роль до конца! Только попробуй струсить!” Ладони, судорожно сжимающие баронову пику, взмокли, как хребет каменотеса. Путь к отступлению был закрыт.

Зверь тем временем подходил все ближе, лошадь подо мною дрожала, как осиновый лист, но стояла на удивление смирно. Я поднял руку с пикой и сразу понял, что промахнусь.

Чудовище выбросило раздвоенный язык из клыкастой пасти и замолотило им по воздуху, будто дразня меня. Я решил, что если бить, то только в эту самую пасть.

Зверь был уже прямо передо мной. Я неуклюже размахнулся и ткнул пикой, стараясь попасть в язык.

Вслед за этим неотразимым ударом я ожидал мгновенной смерти, но чудовище, к моему удивлению, отпрянуло и вроде бы смутилось. Ободренный первой удачей, я прищипорил лошадку и ткнул пикой еще раз, норовя задеть круглый желтый глаз.

Чудовище заморгало, застучало по земле чешуйчатым хвостом и снова отступило. За моей спиной слышались ликующие крики.

Теперь чудовище пятилось, а я наступал, размахивая своим оружием и тоже выкрикивая что-то грозное и удалое. Быть героем оказалось проще, чем каждый день колоть дрова.

Ликующие крики отдалились - я, по-видимому, здорово увлекся преследованием своего страшного с виду, но робкого врага. Пора было подумать о победном возвращении.

И в этот момент зверь взлетел. Примолкнув было, свидетели нашего поединка разразились

воплями ужаса.

Крылья зверя были небольшими, перепончатыми, он летал тяжело, но уверенно. Секунда - и красный раздвоенный язык полоснул меня по щеке, как лезвие. Я закрыл лицо рукой и выронил пику, а лошадь взвилась на дыбы и сбросила меня с седла.

Я лежал в высокой траве, дрожа, корчась, а надо мной нависало покрытое чешуей брюхо. Вот брюхо отодвинулось, и на его месте очутилась морда с глазами как плоски и клыкастой пастью. Я застонал от ужаса и закрыл глаза ладонями.

Ужасная когтистая лапа отодрала от моего лица сначала одну руку, потом другую. Плоски вперились в меня пристально, будто ожидая ответа на важный, только что заданный вопрос. Взгляд этот все больше наполнял раздражение, и тут я заметил, что одна надбровная дуга у чудовища выше другой и как бы изогнута. Приподнявшись на локтях, я жадно высматривал другие, не замеченные раньше детали, делавшие ужасную морду зверя неуловимо похожей на знакомое мне до мелочей лицо. И, наконец, со всхлипом облегчения рухнул назад в траву:

- Хозя... ин...

Одновременно с облегчением пришла обида, горькая обида за пережитый страх ожидания смерти. Я лежал в траве и плакал.

Чудовище отпрянуло, поднялось над землей и описало круг. Потом, снова нависнув надо мной, не терпящим возражений взглядом указало на валяющуюся рядом пику.

Всхлипывая, я встал и подобрал оружие. Зверь поднялся повыше и с оглушительным воем ринулся на меня. Обливаясь слезами, я механически выставил пику перед собой. Немного не долетев до нее, чудовище имитировало смертельный удар, отскочило, сотрясаясь от гребня до хвоста, несколько раз метнулось - нарочито театрально - и, сотрясая воздух предсмертным ревом, улетело прочь.

Зрители, наблюдавшие эту сцену издалека, вторили ему победными криками.

После чествования, после публичного баронового признания, что магия, мол, есть величайшее сокровище живущих, после поздравлений, восхвалений моему мужеству и волшебному мастерству я остался, наконец, с Лартом наедине.

Топился камин. Я смотрел в огонь, а Ларт расхаживал по комнате у меня за спиной. Слушая его шаги, я бессознательно водил пальцами по длинной жгучей царапине у себя на щеке - там, где коснулся кожи раздвоенный красный язык.

- Это было необходимо, - сказал Легиар из темноты.

Я не ответил.

- Ты вел себя хорошо, - повысил голос Ларт.

Я смотрел в огонь. Тогда он подошел и уселся рядом - на пол.

- Послушай, - сказал он напряженно. - Это ОЧЕНЬ важно. Над миром нависла угроза... Теперь я почти уверен в этом. Ты помнишь Орвина? “Огонь, загляни мне в глаза”? Он первый понял, в чем дело, когда заржавел золотой амулет... Я слишком долго не верил... Теперь она на пороге. Она, эта проклятая Третья сила. Она ищет своего Привратника. А знаешь, кто годится в Привратники? Маг, который не маг. А кто это?

Он перешел на шепот. Я пока не понимал, к чему он клонит.

- Ну подумай, что значит - маг, который не маг? Я вот думал...

Он вскочил и опять принялся расхаживать, нервно потирая руки и смятенно бормоча. До меня долетали обрывки фраз:

- Если это не... Он подходит, конечно. Но - нет. Там все кончено, он вышел из игры... Вышел, сметен с доски, его мы во внимание брать не будем... Все! - он тряхнул головой, будто выбрасывая из нее ненужную мысль. Потом подошел и снова уселся рядом:

- Маг, который не маг... Возможно, сейчас это - ты.

Я поднял на него расширившиеся глаза.

- Возможно, я сказал... Есть вероятность... Откуда мне знать, как она отбирает этого своего Привратника? Может, она интересуется всеми магами, которые не маги? Я устроил ей это... как мог. Пусть она заинтересуется тобой, пусть она себя проявит... Мы ловим Третью силу на живца, а что остается делать?

Он перевел дух и увидел наконец выражение моего лица. Вздохнул в сердцах, сказал другим тоном:

- Послушай, неужели ты на самом деле думаешь, что какая-то тварь способна навредить человеку, который находится под защитой у Легиара? Будь она Третьей силой или даже Четвертой, ты меня просто оскорбляешь своим страхом! Твое дело - держаться роли... Теперь ты понимаешь, НАСКОЛЬКО это важно?

В этот момент в дверь быстро, смятенно заколотили:

- Господин волшебник! Вас хозяин зовет!

Барон, окруженный домочадцами, стоял посреди обеденного зала в мятом халате. Он поднял нам навстречу смятенные, полные страха глаза:

- Господин волшебник... Что это?

Перед ним лежала на столе груда золотой фамильной посуды, сплошь в бурых пятнах ржавчины.

Замок был парализован ужасом. Заржавело обручальное колечко баронессы, золотой колокольчик у входа, все драгоценности в шкатулках, все золотые монеты в кошельках. Парадные гобелены, вышитые золотом, роняли на пол крупинки ржавчины.

- Знамение, - шептал Легиар бледными губами, - это - знамение.

Он тяготился, если приходилось переночевать дважды под одной крышей. Дорога стала ему родным существом, она грела ему пятки, шутила, петляя и неожиданно сворачивая, развлекала и хранила. Попутчики делились с ним хлебом, он делился с ними всем, что успевал заработать,

останавливаясь ненадолго в деревнях и местечках. Если оставалось в котомке немного еды, он мог и не проситься на ночлег, а просто шел всю ночь, не уставая, ничего не боясь. Дорога помогала ему.

Однако, случилось так, что на закате солнца в котомке не осталось ни крошки, а впереди, чуть в стороне от дороги, показалось людское поселение. Руал подумал, подумал и свернул.

Бродили куры по пустынным улицам, рылись в земле, разлетались с кудахтаньем из-под Руаловых ног. Плотно закрыты были резные ставни больших бревенчатых домов. Пустовали скамейки у заборов, ни души не было у колодца, а между тем цепь на ворота была еще влажной, и примята была трава там, куда ставили ведро. Руал оглянулся - где-то стукнул ставень.

Он поежился, пытаясь понять, почему так странно и тягостно на душе. И понял - тишина. Невероятная для сельской улицы тишь.

Не лаяли на чужака собаки, не мычали во дворах коровы, не орали петухи, не тюкал топор. Ветер, ворота поскрипывают - будто кладбище.

Он побрел дальше, не решаясь постучать в какую-нибудь калитку, чувствуя настороженные взгляды из-под закрытых ставней, напрасно пытаясь поймать хоть один такой взгляд. Поспешный стук закрываемой задвижки - и снова тишина. Руал был голоден - и все же ему захотелось немедленно уйти.

- Эй, парень!

Руал присел, как от пушечного выстрела, хотя к нему обратились почти шепотом. Немолодой уже крестьянин выглядывал в чуть приоткрывшуюся калитку, манил Ильмарранена пальцем:

- Поди сюда... Ты чей? Что надо?

- Я странник, - отозвался Руал, и тоже шепотом.

Крестьянин плюнул:

- Так что ж ты улицами шатаешься?! Иди сюда, быстро!

Он схватил Руала за рукав и попросту втянул во двор, тут же заперев калитку. На пороге дома

стояла встревоженная женщина:

- Скорее в дом... В дом, Гаран, и парня сюда...

Она не успокоилась, пока за Руалом и его проводником не закрылась дверь.

Ильмарранен неуверенно огляделся - кроме приведшего его крестьянина и встревоженной женщины, в прихожей переминались с ноги на ногу двое молодых, похожих друг на друга парней, да застенчиво выглядывала из комнаты смуглая девочка лет десяти.

- Ты кто? - тихо спросила женщина.

- Странник, - сказал Ильмарранен и улыбнулся. Она не ответила на улыбку, внимательно вглядываясь в его лицо.

- Он нездешний, - объяснил шепотом мужчина. - Он ничего не знает.

Женщина подумала и кивнула, приглашая гостя войти в дом.

Вслед за женщиной Руал прошел узким коридором в просторную кухню с бревенчатыми стенами, где мерно, уютно поскрипывал забившийся в щель сверчок. За ним вошли приведший Руала крестьянин, оба парня и девочка.

- Ты голоден? - спросила женщина.

И, не дожидаясь ответа, кивнула дочери. Та ловко достала из печи чугунок с остатками каши и с полки - хлеб, завернутый в тряпицу, доверчиво улыбаясь Руалу, поставила на стол.

- Мы уже поужинали, - сказала женщина. - Ешь.

Благодарный Руал, ни слова не говоря, взялся за кашу. Ему стоило труда сдержаться и не проглотить ее сразу, всю. Парни, сопя, топтались в дверях, женщина присела напротив на скамейку, девочка, широко открыв глаза, смотрела, как Руал ест. Приведший Руала мужчина, видимо, хозяин, хмурился и потирал подбородок, покрытый редкой седеющей бородой. Сверчок, примолкший было на минуту, выдал длинную нежную руладу.

Наевшись наконец, Руал поблагодарил. Потом оглядел обращенные к нему лица - тревожное у

женщины, хмурые у парней, усталое у пожилого и любопытное у девчонки - и спросил осторожно:

- Что за несчастье у вас, люди?

Громче засопели парни, переглянулись женщина и пожилой. Потом женщина поднялась и бросила девочке:

- Давай-ка, собирайся спать.

Та, хоть ей было любопытно, послушалась и тихонько выскользнула, бросив на прощанье взгляд в сторону сверчкова убежища.

- Расскажи, Гаран, - сказала женщина пожилому.

Тот помялся, теребя подбородок, и сказал наконец:

- Несчастье, да. Сколько живу, такого не помню. Нам-то еще ничего, повезло вроде...

- Покарай, - одернула его женщина.

- Да, - со вздохом продолжал Гаран, - кто знает, что еще ему в голову взбредет... Сейчас он сватается - то каждый вечер ходит, а то по неделям не бывает... И все к новым.

Женщина вздохнула:

- Ему лет сто, наверное, он при прадеде моем был уже... А туда же - свататься...

- Свататься? - переспросил Руал.

Гаран покивал:

- И все к новым... А в подарок невесте приносит... Букет из дохлых гадюк. Подарочек...

- Кто он такой? - вздрогнув, спросил Ильмарранен.

Мужчина и женщина опять переглянулись.

- Колдун он, - сказали от двери.

Руал обернулся - говорил младший из парней, лет шестнадцати, невысокий, тонкогубый:

- Колдун он. Страшный колдун. Ты про таких и не слышал, какой страшный!

Брат толкнул его в бок.

- Он в пещере живет, - сказала после паузы женщина. - Лет сто живет, а может, и двести. Отец, бывало, рассказывал, что он смирный был, спокойный, помогал даже, если нужда была... Потом его лет двадцать никто не видел. Он в своей пещере затворился.

- Мы еще пацанами к этой пещере бегали, - нервно сказал старший парень, на вид крепче и здоровее брата. - Там внутри тихо, тихо, а потом как зашипит - будто водой на горячую сковородку...

- И вот он вышел, - продолжала женщина, - да какой... Будто что-то в него вселилось. Половину леса сжег просто так, походя... Потом хуже. Обернется плугом старым и водит борозды по улице... Без лошади плуг идет, виляет, камни из земли выворачивает и хихикает тонко... Люди седили, когда этот плуг на улице встречали.

- А потом он неделю из земли вырастал, - вступил в разговор Гаран, вздрагивая и оглядываясь. - Будто бы дерево... На площади посреди села сначала земля зашевелилась, потом руки показались, потом голова... Люди, что по соседству жили, дома свои бросили и попрятались, кто куда!

- А потом, - снова вступила женщина, - запустил в озеро чудовище, пиявку такую величиной с бревно, а на пиявке - вымя коровье и рога... С тех пор рыбу никто не ловит и не купается...

- Ближе подойти страшно! - выдохнул старший парень.

- Потом он в пещере колдовал, - шептала женщина, - а теперь вот...

- Теперь свататься надумал, - перебил Гаран. - У кого девки на выданье - вот кому беда, вот кто дрожит сейчас. Приходит, стучит в ворота - и попробуй не открыть. Гадюк приносит целый клубок. Не приведи небо его на улице встретить, оттого прячутся все... Тебе повезло. Ему ведь наплевать, свой или пришлый.

- Спасибо, - медленно сказал Руал. - Вы меня спасли, оказывается...

Помолчали. Тихонько, как бы вполсилы, поскрипывал сверчок.

- А что бывает с девушками? - хрипло спросил Ильмарранен.

- С девушками?

- К которым он сватается.

- Да ничего пока... Выбирает он, вроде. Посватается да и уходит, девки только страху набираются. Невесту, говорит, в дом свой введу... Да пока не увел никого.

- У нас, слава небу, невесты-то нет, - сказал Гаран со скрытым торжеством. - Сыновья у меня во какие, видишь? А Гарра пока что мала, к счастью. Потому нам везет еще...

- Покаркай, - оборвала его жена и решительно поднялась: - Ну, поболтали - хватит. Будем укладываться. Завтра у соседей спрошу, выходил он сегодня или нет.

- Да нет, наверное, - с деланной уверенностью заметил младший парень. - Его уже дня три как нет... Может, и помер вовсе.

- Помолчи, - испуганно прикрикнул на него отец. И добавил шепотом: - Он бессмертный, говорят. А бессмертный потому, что когда ему приходит время умирать, за него другие... Ну, понимаешь. Другие за него мрут, вроде бы взамен.

Женщина вся передернулась:

- И охота языками чесать, да еще на ночь... Пойдем, - обратилась она к Руалу, - пойдем, я тебе с мальчишками постелю.

Все вместе вышли из кухни, парни сразу поднялись по лестнице наверх, Гаран отправился запирать входную дверь, а женщина скрипнула дверцей низкого шкафчика и извлекла оттуда пару чистых простыней.

Ее вдруг напряженно, сдавленно окликнул муж:

- Лита, Лита... Подойди...

Она вздрогнула и чуть не выронила белье:

- Что?!

- Подойди...

Женщина быстро вышла в прихожую, за нею следом вышел и Руал.

Гаран стоял, прикинув к небольшому квадратному окошку, вырезанному в дверях. Пальцы его на дверной ручке сжимались и разжимались:

- На нашу улицу свернул, - он старался говорить как можно тише и спокойнее.

Женщина оттолкнула его и взглянула сама. Охнула:

- Светлое небо... К кому это?

- К Мартам, наверное... - шептал Гаран. - У них целых две взрослых дочери...

- Что ж он, двоих посватает?

- Можно мне посмотреть? - спросил Руал из-за их спин.

Они обернулись разом. Потом женщина посторонилась и дала Ильмарранену подступить к окошку.

Серединой улицы медленно, то приплясывая, то замирая, двигалась до смешного нелепая фигура - длинный, когда-то роскошный камзол, красные башмаки с бантами, пышный кружевной воротник, в пене которого то ныряла, то выглядывала на поверхность маленькая, обтянутая морщинистой кожей старческая голова в черном кудрявом парике, из-под которого свисали длинные седые патлы. Злой колдун то насвистывал беззубым ртом, то напевал что-то тонким, сладким голосом, то принимался подсакивать на месте с задорным мальчишеским азартом. В правой руке его болтался темный клубок, в гуще которого Руал, покрывшись холодным потом, разглядел змеиные головы.

- Не смотрите, - сказал Гаран. - Он посватается к Мартам и уйдет. Это наши соседи.

- Справа или слева? - шепотом спросил Руал.

- Справа, - отозвалась женщина.

Руал молчал. Он видел, что колдун уже миновал соседний справа двор, но не стал говорить об этом.

- Что он делает? - напряженно спросил Гаран.

Колдун тем временем поравнялся с воротами его дома.

- Что он делает? - спросила женщина и отодвинула Руала от окошка. Руал кусал губы.

- Нет, - сказала женщина громко.

В ворота постучали.

- Долго ходили, долго бродили, а след к вам привел! - донесся от калитки дребезжащий голосок. - У вас товар, у нас купец, дородный молодец!

Женщина пошатнулась. Руал подхватил ее - боялся, что она упадет.

- Не открывайте, - сказала женщина. - Это ошибка.

В ворота снова постучали - громко, трижды.

- У вас золотая курочка, у нас красный петушок! Открывай, хозяин, снаряжай дочкину судьбину!

С топотом скатились с лестницы парни - полуодетые, перепуганные. Младший кинулся к матери и, как ребенок, зарылся лицом у нее на груди.

- Не открывайте, - повторила женщина.

Из дальней комнаты выглянула маленькая Гарра - в длинной ночной сорочке, с голыми детскими руками, босиком.

- Что там? - спросила она тонко.

- Назад, - крикнул ей отец. - В постель, быстро!

В ворота постучали в третий раз:

- У вас монетка - у нас кошелек! У вас пуговка - у нас петелька! Открывай, хозяин, готовь дочкино приданое!

- Он покричит - и уйдет, - дрожащим голосом сказал Гаран. - Сколько уже раз так было... Небо, она же ребенок!

- Надо открыть, - прошептал старший из парней. - Надо открыть, иначе он не отстанет... Дом

сожжет, как Ложкарям!

- Сейчас, - бормотал Гаран, - вы будьте здесь, я с ним поговорю...

Трясущимися руками отодвинув засов, он приоткрыл дверь и крикнул:

- У нас нет невесты! Не выросла еще невеста для вашей светлости!

- Ай-яй-яй! - укоризненно пропел тонкий старческий голос у калитки. - Из зернышка да росточек, из яичка да пташечка! Уж мы ходили, уж мы следили, да нареченную и высмотрели!

И крепко запертая калитка распахнулась вдруг, будто порывом ветра.

Руал ощущал все свое тело, каждую сведенную судорогой, мучительно бесполезную мышцу. В поединке с магом могла иметь значение только сила другого мага. Руал здесь не имел шансов.

- У вас пальчик - у нас колечко! - старик был уже во дворе. Приоткрытая входная дверь медленно раскрывалась настежь вопреки воле держащего ее Гарана.

- Мама... - растерянно шептал младший сын. Старший метался, не зная, что делать. Их мать неподвижно стояла, тяжело опершись о стену.

Старик шагнул на порог - он был густо нарумянен и напوماжен, парик сбился на ухо, неровное дыхание распространяло вокруг густой сладкий запах:

- У вас камушек - у нас оправа...

Отступая, пятился Гаран. Старик, приплясывая, переступил порог. Протянул унизанную кольцами тощую узловатую руку, поманил крючковатым пальцем... Гарра, как была, в ночной сорочке, пошла к нему, будто на привязи. Как деревянные, стояли у стен Гаран и сыновья. Старик довольно засмеялся - смех его был подобен глухому бульканью. С кряхтением он нагнулся к Гарре и потрепал ее по щеке:

- У вас товар, у нас... - и вдруг подхватил девочку на руки и закинул к себе на плечо, не выпуская при этом связки дохлых змей.

- Мама! - сдавленно крикнула Гарра.

Старик повернулся, и, рассеянно поглаживая девочку по спине, пошел прочь. Молчар ванулась мать - муж и сыновья одновременно в нее вцепились.

Руал стоял у стены - бесполезный, бессильный, чужой.

Младший сын плакал в углу. Он рыдал всю ночь, безутешно, горько, то затихая, то снова без остатка отдаваясь слезам. Руал уже не мог слышать этих безнадежных, горестных всхлипов.

Старший сын поднялся наверх, и из его комнатухи не доносилось ни звука.

Гаран ходил по дому, заламывал руки, иногда пытался обратиться к Руалу с бессвязной, бессмысленной речью. Руал опускал глаза.

Женщина Лита, жена Гарана, сидела за пустым столом, глядя прямо перед собой и не слыша длинных, ласковых трелей ни о чем не подозревающего сверчка.

Догорели свечи, побелели щели в наглухо закрытых ставнях и, наконец, узкими лучиками в дом пробилось восходящее солнце.

- Бабы, - сказала женщина. Это было первое ее слово за всю ночь.

Встрепенулся Гаран, осторожно коснулся ладонями ее плеч:

- Поспи, Лита... Поспать надо...

Она отшвырнула его руки. Тяжело поднялась, обвела красными сухими глазами рыдающего сына в углу, мужа с трясущимися руками и прислонившегося к стене Ильмарранена.

- Вы отдали ее, - сказала она без всякого выражения, голос ее был подобен деревянному стуку.
- Вы отдали ее.

У Руала волосы зашевелились на голове от звука этого голоса.

С новой силой зарыдал мальчишка. Гаран болезненно кривил рот в еще более поседевшей за ночь щетине:

- Это... Это будто бы смерть, ну как не отдать... Как смерти можно не отдать? Это... Ты потерпи, Лита... Потерпи.

Жена перевела на него тяжелый, остановившийся взгляд.

- Отдали, - сказала она снова. - Вы все отдали ее.

Гаран грохнулся перед ней на колени:

- Так ведь нельзя было, нельзя было... Не отдать... Никто в мире не отнимет у него... Никто...

Подумай, что он сделал бы... С нами сделал...

- Гарра, - медленно сказала женщина.

И Гаран разрыдался тоже, и Руал вышел, чтобы не слышать этого и не видеть.

Во дворе светило солнце, у калитки переминались с ноги на ногу, горестно кивали, перешептывались любопытные. Завидев на крыльце Руала, жадно кинулись к нему, обступили, чуть не отдавив ноги:

- Забрал? Унес, да? А змеи были?

- Гарра, вот ужас-то...

- Сколько ей? Десять? Одиннадцать?

- Лита убивается, верно...

- Парень, ты сам видел?

- Парень, пойдем, закусим, поговорим... Расскажешь, как было.

- Людочки, значит, он мою-то девку не тронет уже?! О-ой!

Его тянули за рукав, заглядывали в глаза, переспрашивали что-то друг у друга, возбужденно галдели вполголоса, то и дело оглядываясь на онемевший от горя дом с наглухо закрытыми ставнями. Руал оторвал от своей одежды чьи-то умоляющие руки и, отшатнувшись от толпы, вернулся в темноту прихожей. На секунду ему привиделась девочка - так, как он увидел ее впервые, застенчиво выглядывающая из-за дверного косяка.

Лита сидела по-прежнему прямо, смотрела иссушенными глазами в стену напротив и мерно повторяла:

- Отдали. Вы отдали. Вы отдали ее.

Гаран, увидев Руала, кинулся к нему, как к спасителю:

- Она помешалась, - твердил он в ужасе, сам сейчас похожий на помешанного.

Невпопад вскрикнул сверчок.

Женщина вздрогнула, медленно, как кукла, повернула голову и взглянула в глаза Руалу.

Ильмарранена будто ударили в лицо.

- Вы отдали ее! - сказала женщина. - Ее не вернуть.

- Да, ее не вернуть, Лита! - захлебнулся Гаран за Руаловой спиной. - Я не маг и никто здесь не маг, и ее не вернуть, ты потерпи, ты свыкнешься...

Женщина так же медленно отвернулась, а Гаран все причитал:

- Я же не маг... Никто ее не вернет, это не под силу... Не маг я, небо... Ну за что... Я не могу, я не маг...

- Я - маг, - сказал Ильмарранен.

Стало до невозможности тихо. Лицо женщины, застывшее, как маска, дрогнуло. Быстро задышал Гаран:

- Парень, ты что... Спятил? Кто - маг?

- Я, - сказал Руал.

Он ненавидел себя. Он проклял себя страшным проклятием. Он просил у неба одной милости - скорой смерти от руки колдуна. Только бы не новые мучения в обличье полочки для обуви.

Он проклинал себя, шагая улицами поселка в сопровождении притихшей толпы. То и дело кто-то говорил громко: "Не пускайте его! Всем будет хуже!" Но впереди шли Гаран и Лита, и никто не решался заступить им дорогу.

Потом толпа отстала, и отстал Гаран, и Лита указала Руалу путь к пещере колдуна. Дальше он пошел один - пошел узкой, неровной дорогой, поросшей крапивой с обочины до обочины.

Эта нехоженая и неезженная тропа обрывалась у входа в пещеру - вернее сказать, пещера поглощала ее своим разинутым беззубым ртом. Руал постоял, обозвал себя безмозглым выродком и шагнул вперед.

Ни одной мысли не приходило ему, ни одной спасительной мысли. Внутри пещеры, в двух шагах от входа, он наткнулся на добротную тяжелую дверь с железной ручкой.

Приложив к двери ухо, он расслышал тихое металлическое позвякивание, будто хозяйка помешивала деревянной ложкой в медном котле. От этого позвякивания по спине продирали мороз.

Руал мучительно задумался - что он сделал бы, будь он магом? Что он сделал бы сейчас?

На секунду ему увиделось, как огромная, покрытая броней рептилия сносит с петель колдунову дверь, врывается вовнутрь, прижимает старикашку к полу, освобождает Гарри... Нет, девочка бы испугалась. Если, конечно, она еще жива.

Ильмарранен перевел дух и попробовал толкнуть дверь. Та вдруг поддалась - неожиданно легко. Руал облизнул запекшиеся губы, стиснул, как талисман, фигурку ящерицы за пазухой и вошел.

Колдуново жилище было освещено изнутри - освещено слабым, неестественным мутным светом. На стенах темнели подернутые паутиной четырехугольники в рамах, обрывки ветхой ткани клочьями свисали с потолка, под ногами хрустело, будто пол был усеян ореховой скорлупой. Станный металлический звук то отдалялся, то приближался вновь. Руал стоял, ожидая в отчаянии, что вот-вот его присутствие будет замечено и наглая безрассудность понесет наконец заслуженное наказание. Однако ничего не происходило - мерно повторялось глухое звяканье, тяжело колыхались свисающие с потолка лоскутья и где-то в глубине пещеры мерцал мутный свет.

Тогда Руал решил с надеждой, что, может быть, ему удалось войти сюда незамеченным, и тогда само спасение девочки становится хоть чуть-чуть менее безнадежным. Задержав дыхание, он двинулся вперед - туда, откуда пробивался свет.

Он шел анфиладой комнат - больших, полутемных, подернутых паутиной. Он никогда

не думал, что внутри человеческого жилья возможны эти горы замшелых камней, древние пни, вцепившиеся в пол крючьями корней, и втершиеся между ними нагромождения из витых стульев, бархатных кресел, комодов и туалетных столиков с пустыми баночками из-под румян, с черными мраморными плитами на месте зеркал.

Он шел и не мог представить себе размеров этого жилища, угнездившегося в толще земли. Где-то в путанице переходов и комнат колдун держал маленькую Гарри, босую, в ночной сорочке, с голыми детскими руками. Ребенок и чудовище.

Эта мысль подстегнула Руала, он пошел быстрее, почти побежал, лавируя между горами мебели и грудями камней. Он даже осмелился позвать вполголоса: “Гарра! Гарра!”

Ему показалось, что там, куда удалилось позвякивание, пропел что-то тонкий старческий голос. Потом снова - “Та-тах... Та-тах...” - заколотился тупой металлический звук, который доносился все отчетливее. Руал, похоже, приближался к его источнику.

- Пти-ичка! - снова пропел дребезжащий голос старика. - Пта-ашечка!

Та-тах, та-тах...

Руал присел.

- Пти-ичка... Чик-чирик! Чик-чирик!

Руал бесшумно перебежал и притаился за поросшим лиловыми побегами дверным косяком.

Колдун был здесь - Руал увидел сначала тонкие ноги в башмаках с бантами, потом неопрятные полы длинного камзола с поблекшим галуном, потом огромный кружевной воротник, из которого едва высывалась покрытая завитым париком голова.

Старик вышагивал по кругу, в левой его руке был небольшой медный колокол, и Руал поразился, потому что колдун держал его за язычок. Он звонил, потряхивая рукой, и массивная чаша колокола билась о его кулак, производя тот самый глухой металлический звук: “Та-тах... Та-тах...”

Руал гадал несколько секунд, какое магическое действие производит старик, потом решил

заглянуть дальше и увидел Гарри.

С потолка на четырех цепях свисал железный обруч, на обруче укреплен был большой стеклянный шар со срезанным верхом, на треть заполненный зеленой водой с бурыми, слабо шевелящимися водорослями. Над самой поверхностью воды качалась перекладина, подобная птичьей жердочке, а на жердочке сидела, вцепившись в нее пальцами, заплаканная Гарри.

- Пти-ичка... - бормотал старик нежно, потрясая своим колоколом. - Ку-ушай... - И свободной рукой рассыпал по полу не то зерно, не то шелуху, которая ложилась неприятно хрустящим под ногами слоем. - Ку-ушай...

Руал сидел, напряженный, сбитый с толку, не решаясь пошевелиться.

Старик тем временем приостановился, тряхнул рукой с колоколом и вытянул другую руку вперед, будто указывая кому-то на девочку.

- Мама! - вскрикнула Гарри.

Руал заскрипел зубами.

- Чик-чирик! - пропел колдун и принялся вдруг сыпать сбивчивыми, неразборчивыми заклинаниями. Ильмарранен тщетно вслушивался, пытаясь понять, к чему клонит старик, но в этот момент протянутая к девочке узловатая рука стала покрываться черно-рыжими перьями. В перьях разинулся красный крючковатый клюв, испуганно закричала Гарри, старик удивленно поднял пегие клочковатые брови и посмотрел на свою руку укоризненно. Клюв пропал, и перья как бы нехотя опали на пол, превращаясь на лету в блеклые засушенные маргаритки.

- Пти-ичка... - протянул колдун огорченно и обиженно. Рука его с колоколом неуверенно опустилась, и Руал, вжавшийся в дверной косяк, увидел, что рука эта окровавлена от ударов чаши колокола о старческий кулак.

Старик тоже только сейчас обратил на это внимание - покачав сокрушенно головой, он с некоторым усилием вывернул медный колокол наизнанку. Язычок теперь болтался снаружи и слабо

дребезжал, катаясь по крутым колокольным стенкам.

- Пташка нежно поет, - сказал колдун удовлетворенно, - друга в гости зовет... Чик-чирик! Чик-чирик!

Он выпустил колокол из рук - грохнув на пол, тот растекся маслянистой лужей.

- А уж весна, - пробормотал старик рассеянно, вытряхнул из рукава деревянную лодочку и, кряхтя, пустил ее в эту лужу. Лодочка качнулась, повернулась на месте и утонула, скрывшись из глаз, хотя лужица была цыпленку по колена.

Старик снова покачал головой и погрозил Гарре пальцем. Девочка затряслась на своей жердочке, всхлипывая и кусая губы. Колдун опять вытянул по направлению к ней руку - Руал, весь напрягшись, подался вперед.

- Горлица в домике, - пропел старик, - сидит на соломинке... - и снова зачастил заклинаниями, в которых Руал мог разобрать только отдельные слова.

Старик то возвышал надтреснутый голос, то почти шептал, и чем дольше Ильмарранен слушал это неровное бормотание, пересыпанное бессмысленными обрывками заклинаний, тем явственнее становилось чувство, что он находится на пороге непостижимой и одновременно очевидной тайны.

Между тем слова старика возымели, наконец, действие - из лужицы, где утонула деревянная лодочка, выбралась красная птичья лапа - одна, без туловища. Неуклюже подпрыгивая, лапа принялась разгребать насыпанную стариком на пол шелуху, напоминая своими движениями о курице в поисках корма. Старик увидел ее и разочарованно замолчал. Потом слабо хлопнул в ладоши - лапа испуганно присела, дернулась и рассыпалась горстью деревянных пуговиц.

Руал не мог пока определить, что хочет сделать старик с девочкой. Одно было ясно, хоть на первый взгляд и потрясало невероятностью - старик был не в состоянии добиться того, чего хотел.

Ильмарранен бездействовал за дверным косяком, а старик тем временем возобновил свои

попытки. На этот раз околесица заклинаний привела к тому, что пол во всей комнате покрылся крупной, твердой чешуей.

- Рыбка... - пробормотал старик. - Рыбка в пруду, пташка в саду... А мне скоро восемнадцать, свататься пойду, - он вдруг улыбнулся и приосанился.

Руал схватился за голову. Неясное чувство, давно уже им владевшее, в один миг обернулось твердой уверенностью. Ильмарранен тер лоб, еще и еще проверял себя, всматривался в старика, будто впервые его видел.

Превратившись в плуг, распахивал улицы... Рос из земли, подобно дереву... Запустил в пруд гигантскую пиявку с коровьим выменем... Сватовство с дохлыми гадюками, потом аквариум с птичьей жердочкой... Перья, чешуя, эта постоянная бессвязная болтовня, которая казалась издевательством, а на самом деле...

Колдун был явно, полностью и давно безумен.

То, что казалось угрозой, было на самом деле проявлением старческой немощи. Бедняга пережил свой разум, и его магический дар был теперь бесполезен, как книга в руках у слепца.

Пораженный своим открытием, Ильмарранен должен был теперь решать, как поступить. Выйти из укрытия? Пожалуй. Говорить с безумцем? Как и о чем? Внутри стеклянного аквариума дрожит девочка - она не знает, что ее мучитель скорее жалок, чем страшен. Каждая секунда промедления приносит ей новые слезы... И кто знает, чем обернется для нее очередная старикова бессмыслица? Похоже, придется подкрасться и просто-напросто огреть колдуна камнем из тех, что в избытке валяются под ногами. Оглушить или убить. Разом избавить деревню от страха.

Ильмарранен глубоко вздохнул, сосчитал до десяти и тихо, тонко засвистел, подражая птичьему пению. Колдун вздрогнул и обернулся.

Руал только сейчас увидел, как слезятся эти подслеповатые глаза, как беспомощно шлепают губы, как трясутся узловатые руки. Старик смотрел на него недоуменно, растерянно, но никак не

злобно.

Руал шагнул ему навстречу, присел, раскинув руки, потом подпрыгнул и пропел:

- Вью я гнездышко на ветке, червячка ношу я деткам...

Колдун неуверенно топтался на месте, утопив голову в кружевном воротнике. Маленькая Гарра - Руал взглянул на нее мельком - так и обомлела на своей жердочке.

Руал подпрыгнул еще, взмахивая руками, как крыльями, и продолжил громче, решительнее:

- Птичка в клетке затоскует, ее гнездышко пустует... Чик-чирик! Чик-чирик! - и таинственно поманил старика пальцем.

Тот не мог решить пока, что такое Руал. Однако, заинтригованный, он забыл о девочке и занялся незнакомцем - осторожно приблизился, вытянул дрожащую руку, намереваясь коснуться Руалового лица.

Ильмарранен увернулся, присел, подобрал несколько деревянных пуговиц, вызванных неудачным стариковым колдовством, подбросил одну вверх:

- Чик-чирик!

Пуговица со стуком упала на чешуйчатый пол. Старик поднял кустистые брови. Руал бросил вторую - под взглядом старика она обернулась черным птичьим пером и падала долго.

Затаив дыхание, смотрела на странное действие маленькая Гарра.

Ильмарранен бросил третью пуговицу.

Она описала в воздухе дугу и зависла вдруг без движения. Колдун буркнул заклинание - пуговица пискнула, взмахнула короткими крыльями и вылетела прочь. Старик, удивленный своей удачей, покосился на Руала, пожал плечами, потом стянул кудрявый парик, отчего голова его в объятиях воротника стала похожа на темную горошину в центре столового блюда.

- Чик-чирик, - сказал старик хрипло и подбросил парик.

Парик обернулся огромной, старой, линиялой вороной. Ворона тяжело опустилась на пол и

бросила на старика томный, таинственный взгляд. Потом хлопнула крыльями, поднялась невысоко над полом и зигзагами вылетела из комнаты, скрывшись где-то в лабиринте коридоров. Старик усмехнулся довольно и заковылял следом, забыв, по-видимому, о Руале и о Гарре.

Девочка всхлипнула на своей жердочке. Ильмарранен смотрел вслед старику. Его охватило острое, пронзительное, никогда раньше не испытываемое чувство.

Все видели, как невеста откуда явившийся незнакомец вынес из пещеры колдуна похищенную накануне девочку. Все слышали сбивчивый, полубессвязный девочкин рассказ и ни одна собака в деревне не смела теперь усомниться, что на огонек к Гарану и Лите забрел великий, могущественный маг.

Когда накрывали столы, когда просили разрешения дотронуться, когда шептались, галдели, заглядывали в глаза и заискивающе улыбались, когда произносили здравицы и целовали руки, ему казалось, что немислимым образом судьба забросила его в прошлое. Но, засыпая на лучшей перине в поселке, он вспомнил вдруг слезящиеся растерянные глаза, угловатые стариковские плечи и трясущуюся маленькую голову на широком кружевном воротнике. И снова пронзительная, незнакомая раньше, почти физическая боль сдавила ему горло. Что это, жалость?

Он глубоко вздохнул, повернулся на другой бок - и услышал тихий, издевательский смешок, будто бы внутри головы. Небо, опять. Это похоже на сумасшествие.

Мы покинули замок барона, и через пару дней перед нами распахнулась степь.

Я никогда раньше не был в степи, и на меня сложное впечатление произвели эти огромные лысые пространства, покрытые жесткой, выжженной солнцем травой. Здесь редки были поселки, и мы теперь часто ночевали у костра под открытым небом.

Я целую неделю болезненно привыкал к своей роли наживки на крючке, а потом внезапно успокоился и даже испытал некоторое облегчение. Во всяком случае, быть в неведении еще хуже, а за страхи, иногда все же меня посещавшие, с лихвой вознаграждали наши изменившиеся, потеплевшие

отношения с Лартом.

Днем мы по очереди правили каретой, а вечерами, разложив костер и поужинав, вели беседы. О Третьей силе, по негласному договору, не было сказано ни слова. Я, расчувствовавшись, вспоминал детство, а Легиар рассказывал смешные и страшные магические байки, главным героем которых был всегда один и тот же человек - я скоро догадался об этом, хотя Ларт называл его все время по-разному. Вероятно, они были друзья с этим человеком - у Ларта странно светились глаза, когда он говорил о нем:

- У всех бывают дурацкие желания. Я как-то летом заскучал по зиме, взял да и засыпал свой двор снегом... Ну и что? А один дружок мой нашел вулкан на побережье и взялся разогревать извержение. Не сходи с ума, говорю... Знаешь, что он мне ответил? Я хочу быть лавой. Лавой быть хочу, чтобы почувствовать, как это.

Ларт смотрел в огонь, огонь играл в его глазах, и мне показалось - только на секунду показалось! - что глаза эти отражают свет костра неровно, будто увлажнившись.

- Знаешь, всякий маг рискует, превращаясь во что-то... Чем могущественнее и сильнее твое новое обличье, тем больше риск, что ты не сможешь вернуться в прежнее. Быть магом не значит быть всемогущим, каждое серьезное магическое деяние требует усилий, а усилия эти сокращают жизнь даже самых великих... Итак, я сказал ему - не сходи с ума. Зачем тебе эта игра с вулканом? И знаешь, что он мне ответил? Я должен почувствовать, как это.

Он замолчал. В пламени костра я увидел вдруг лес, потом дом, потом фигурку человека в чем-то, напоминающем лодку.

- И он стал лавой? - спросил я шепотом.

Ларт кивнул:

- Он всегда делал, что хотел. Он влез в вулкан и растекся по склону, сжигая траву и кусты. Я стоял и смотрел, как дурак... А потом он вернулся в свое обличье. И знаешь, что сказал?

Он снова замолчал, и я вынужден был спросить:

- Что же он сказал?

Ларт оторвал глаза от огня и посмотрел на меня:

- Он сказал: НИЧЕГО ОСОБЕННОГО. И пошел в какой-то портовый кабачок пить плохое вино и купаться нагишом при свете факелов, и портовые девки визжали, а он превращал их волосы в струйки воды... У каждой девки на голове бил фонтан. Я сказал: пойдём домой. А он сказал - отстань... Если бы кто-нибудь в мире смел мне сказать - отстань!

Огонь затухал, я подбросил веток. Ларт не видел уже ни меня, ни костра - он весь пребывал там, где куражился этот его дружок...

- Ну, теперь ты расскажи, - сказал Легиар после паузы.

Я пожал плечами:

- Да про что же?

- Про что хочешь...

- Ну, у меня брат есть двоюродный... Когда мы были маленькими, и вся семья сидела за столом, и на ужин была рыба-щепка... Знаете, есть такая мелкая, вкусная рыба... Он выбирал на блюде тех рыбешек, что случайно лишились головы, и делал это незаметно.

Я замолчал.

- А зачем он это делал? - спросил Ларт.

- Чтоб головы не оставались на тарелке... Мать смотрела, кто сколько съел, по рыбьим головам. А у него на тарелке не было голов, и ему давали добавки.

Снова повисла пауза.

- А почему вы не съедали эту рыбу с головами? - спросил Ларт.

- А-а! - протянул я радостно. - Так у щепки-рыбы головы горькие!

Фыркали в темноте наши кони. Догорал костер.

Через пару дней перед нами замаячили горы, а еще три дня спустя мы подобралась к ним вплотную. Здесь, в предгорьях, приютился древний и довольно большой поселок, в котором, как утверждал Ларт, жил старый и могущественный маг. Легиар очень надеялся, что старик знает о Третьей силе больше, чем мы.

Гостиницы в поселке не было - и не мудрено, мы были здесь первыми гостями за полгода. Встречали нас радушно, и поселковый староста, богатея, любезно предоставил в наше распоряжение один из трех своих домов.

Уготованное нам жилище помещалось на околице, у самого горного подножья, в достаточно живописном, на мой взгляд, месте. Пока Ларт, по-прежнему в обличье слуги, командовал нашим размещением, чисткой кареты и кормежкой лошадей, я стоял у калитки и глазел на горы. Мощные, массивные изломы вызывали у меня в памяти то образы сказочных зверей, то воспоминания о слоеном торте, а прицепившиеся к ним кое-где чахлые деревца восхищали своей отвагой.

Потом я перевел взгляд на горку поменьше, упиравшуюся основанием в дорогу, увидел, как откуда-то сверху по почти отвесному склону струйкой стекают песок и камушки, и вообразил было, что идет лавина. Но, подняв голову повыше, я убедился, что камни летят из-под ног человека, спокойно спускающегося по тропе, в существование которой мне трудно было поверить - таким неприступным казался склон. Я задрал голову еще выше и увидел дом - настоящий дом, прилепившийся к горе, как ласточкино гнездо. Когда я перестал наконец удивляться и разглядывать его, спускающийся человек уже спрыгнул со своей тропки на ровную дорогу.

Это был мальчишка, щуплый мальчишка лет тринадцати, в когда-то черной, а теперь сильно выгоревшей одежде, с пустой корзинкой по мышкой. Он шел легко, хоть и неторопливо, лицо его казалось осунувшимся, мрачным и усталым. Мне стало любопытно; когда он, не глядя, проходил мимо меня, я сделал шаг вперед и хлопнул его по плечу:

- Ты отчего же не здороваешься?

Он тяжело поднял на меня глаза. Помолчал, потом спросил медленно:

- А кто ты такой, чтобы здороваться?

- Я? - Я расправил плечи. - Я великий маг по имени Дамир!

Он смотрел на меня непонимающе. По-видимому, этот забитый сельский мальчик вообще не знал, кто такие маги.

- Ну, волшебник! - объяснил я снисходительно. - Чудеса делаю!

- Ты? - спросил он со странным выражением.

- Магам следует говорить “вы”, - сказал я со вздохом.

Он вдруг сощурился:

- Дурак... Мартышка ты, а не... - он сделал странное движение бровью, и я вдруг увидел под самым своим носом буро-зеленый кустик какой-то колючей травы.

Я не сразу сообразил, что лежу, уткнувшись носом в землю. Главное, я никак не мог понять, как очутился в этом неудобном положении. С трудом поднялся - голова кружилась - и увидел, как мальчишка спокойно уходит по дороге, ведущей в поселок.

Я все еще смотрел ему вслед, когда из дома вышел озабоченный Ларт, а с ним румяный мужичок из людей старосты. Мужичок неторопливо, значительно указал на дом, прилепившийся к скале:

- Там он жил... Хороший был человек, помогал, если что. Жалко...

- Плохо дело, - сказал мне Ларт. - Старик-то умер, оказывается.

- Умер, умер, - охотно подтвердил мужичок. - А знатный был волшебник, вроде, - он неуверенно на меня глянул, - вроде вас...

Я поднял голову и посмотрел на дом.

Что ж, никто там не живет? - спросил Ларт.

- Отчего же... Живет. Мальчишка, ученик евойный.

Меня передернуло.

Взбираться на гору было страшно и очень неудобно - сыпался песок из-под подошв поднимающегося впереди Легиара, круто задиралась тропа, щекотала в носу мелкая белая пыль, пальцы метались по гладкому камню и не находили опоры. Странно, как этот мальчишка ходил тут чуть не каждый день.

- Ну, давай же! - подгонял меня Ларт.

Глянув по глупости вниз, я охнул и оцепенел, прижавшись к скале в нелепой скрюченной позе. Ларт, как тисками, ухватил меня за запястье и вытащил на ровную площадку, изрядно исцарапав по дороге о каменный гребешок.

Почувяв твердую почву, я осмелился подняться.

Мы стояли на круглом каменном пяточке, откуда открывался впечатляющий вид на предгорья и разбросанный в них поселок. Крыши, улочки, дворы - все было как на ладони, и если б у старого мага была подзорная труба, то он вполне мог бы собирать местные тайны, и, как бабочек, накалывать их на булавку.

А с другой стороны плоской площадки помещался дом - небольшой, добротный, окруженный крохотным двориком и палисадничком, в котором что-то зеленело. Над входной дверью приколочено было выкованное из железа птичье крыло.

Калитки не было, мы вошли во двор без спроса. Впрочем, и спрашивать-то не у кого было - мальчишка ушел в поселок с пустой корзинкой.

Двор был чисто выметен, в углу лежало на земле несколько поленьев, рядом мучилось в твердой глинистой почве недавно политое деревцо - и все. В палисаднике доцветали три чахлых ромашки.

- Интересно, - сказал Ларт за моей спиной. - Посмотри.

Я подошел к нему и посмотрел туда, куда он указывал. В отвесной стене, примыкавшей к

пяточку, была выдолблена, похоже, могила. Ее отверстие было намертво закрыто четырехугольным тяжелым камнем, и на камне угадывались очертания все того же крыла.

- Мир тебе, - сказал Ларт, обращаясь к могиле, - Ты меня должен был помнить... Орлан. Я Легиар. Я шел к тебе, но опоздал.

Сухо шуршал ветер по камню. Ларт отвернулся.

- Посмотрим в доме, - сказал он со вздохом.

Я преодолел свою робость, шагнув вслед за ним в темный проем двери. Проходя под железным крылом, я непроизвольно нагнулся.

Дом старого мага погружен был в полутьму - окна прикрывались тяжелыми тканями. В комнатах стояла гнетущая тишина, и в тишине этой наши шаги казались оглушительно громкими. Гостиная служила одновременно и библиотекой, тяжелые тома невозмутимо поблескивали позолотой, будто бы ожидая возвращения хозяина. Такой же, как у Ларта, стоял на столе стеклянный глобус с огарком свечки внутри, и пыльный бок его искажил до неузнаваемости мое отражение. Мебель, простая, как в обыкновенном сельском доме, покрыта была сверкающей черной парчой - во всех комнатах, кроме одной, маленькой, с деревянной кроватью и грубо сколоченным столом. Дом был в трауре, и носил этот траур со сдержанным достоинством.

В комнате, служившей, по-видимому, кабинетом старому волшебнику, Ларт поднял край тяжелой ткани, закрывающей окно, и в свете пробившегося сквозь щель вечернего солнца принялся изучать содержимое массивного письменного стола. Я, подавленный темнотой и тишиной, задыхающийся в густом воздухе этого дома, двинулся к выходу - и на пороге лицом к лицу столкнулся с мальчишкой.

Он прожимал к груди корзинку, в которой лежала буханка хлеба и завернутый во влажную тряпочку кусок сыра. Увидев меня, он переменялся в лице, отпрянул и прошипел сквозь зубы:

- Опять ты... Ладно...

Наверное, я вскрикнул, потому что за моей спиной моментально вырос Ларт. Я прочел его присутствие в глазах мальчишки - готовый уже поквитаться со мной, он вдруг подался назад, сжался в комок и поднял руку, как бы защищаясь.

- Отойди, Дамир, - сказал Ларт из-за моей спины, отодвинул меня рукой и пошел прямо на мальчишку. Тот, пятясь, отступил во двор, споткнувшись на пороге. Ларт встал в дверях - под птичьим крылом.

- Это мой дом, - хрипло сказал мальчишка. - Все, что в доме, принадлежит мне, и здесь могила моего Учителя. Что вам надо?

- Опустит руку, - сказал Ларт холодно.

- Что вам надо? - выкрикнул мальчишка и поднял дрогнувшую руку еще выше.

- Опустит руку в знак того, что ты сдаешься на милость сильнейшего. Разве твой учитель не учил тебя законам и приличиям?

- Вы ворвались в мой дом и говорите о законах?! - мальчишка весь подобрался, как зверек, готовый к прыжку.

- Я считаю до трех, - Ларт говорил, не повышая голоса. - В поединке у тебя нет шансов. Раз.

Я наблюдал за происходившим из-за Лартова плеча, и, несмотря на мальчишкино ко мне отношение, сочувствовал ему.

Мальчишка тем временем отступил еще, выронил корзинку и изо всех сил сдерживал дрожь в занесенной руке.

- Два, - сказал Ларт. - Подумай. Твой учитель должен был тебе кое-что рассказать о подобных ситуациях. Два с половиной.

Занесенная грязная рука в последний раз дрогнула, потом ослабела и медленно опустилась.

- Хорошо, - кивнул Ларт и сразу, без перехода, наклонился и поднял корзинку, хлеб и сверток с сыром. - Давай войдем в дом.

Мальчишка не двинулся с места, подавленный, понурившийся. Легиар взял его за плечо и втолкнул в двери.

Сгущались сумерки. Я развел огонь в холодном пыльном камине, и кабинет старого волшебника стал хоть немножко напоминать людское жилье. Ларт сидел, закинув ногу на ногу, в деревянном кресле с подлокотниками. Мальчишку он усадил в такое же кресло напротив. Мне досталась табуретка перед камином.

- Ну, смотри, что ты делаешь, - говорил Ларт вполголоса. - Незнакомый маг, соперник не по твоим зубам, прямого нападения нет - что ты делаешь? Поднимаешь руку для заклинания, что означает - “я готов к поединку и сумею с тобой справиться”. Так или нет?

- Так, - чуть слышно отозвался мальчишка.

- Что делаю я, или что делает кто угодно на моем месте? Нападает. Выворачивает тебя наизнанку, пожимает в недоумении плечами и уходит. Правильно?

Мальчишка молчал.

- Я тебя не укоряю, - сказал Ларт со вздохом. - Я знал когда-то твоего учителя. Орлан был тонким и умным магом, он не мог не объяснить тебе таких вещей... Это могло бы стоить тебе жизни.

- Он объяснил, - прошептал мальчишка.

- А ты? Забыл?

- Нет... Я увидел, что он, - тут мальчишка кивнул на меня, - что он в моем доме... И разозлился. А потом увидел вас... И испугался.

- И не подумал, потому что испугался?

- Не то чтобы... Просто не смог овладеть собой, хотел быть сильнее.

Ларт присвистнул:

- Ну, знаешь... Я знал только одного парня, который в твоём возрасте хотел быть сильнее. Но он-таки был сильнее многих - раз, и никогда не терял самообладания - два... И потом, он все равно

плохо кончил.

Легиар замолчал, и молчал долго. Мальчишка сидел, сгорбившись, и водил пальцем по шву на своем рукаве. Тени обоих, оживленный горящим камином, плясали на темных стенах.

- К делу, - сказал Ларт, как бы очнувшись. - Меня зовут Ларт Легиар.

Мальчишка вздрогнул и удивленно на него уставился. Потом, вспомнив что-то, пробормотал:

- Меня зовут Луаян... Или просто Лан, если вам трудно произносить.

- Мне не трудно произносить, - одернул его Ларт. Тот опустил голову:

- Извините...

- Вот что, Луаян, - продолжал Ларт серьезно, - я сейчас занят делом, которое считаю важным.

Поэтому мы явились в твой дом без спроса, что, конечно, само по себе плохо и недостойно. Я приношу тебе свои извинения. Ты их принимаешь?

Мальчишка проверил, не издеваются ли над ним, кивнул и снова потупился.

Ларт продолжал:

- Я надеялся на встречу с твоим учителем, но встреча не состоится... Или состоится позже.

Теперь я вынужден надеяться на тебя... Понимаешь?

Мальчик кивнул, не поднимая головы.

- Как давно ты у него? - спросил Ларт.

- Три года. Три года исполнилось за день до того, как... - Луаян опустил голову еще ниже.

- Понимаю, - пробормотал Ларт. - Как это случилось, Луаян?

Мальчишка всхлипнул. При первом взгляде на него я не сказал бы, что он вообще способен плакать. А Ларт, пожалуй, мог бы и пощадить парня - ясно же, что он обожал старика и теперь очень переживает.

- Орлан был маг из магов, - задумчиво сказал Легиар. - Власть никогда не интересовала его, он искал истину... А это благородное, но неблагодарное занятие. Ему всегда претили отношения

“сеньор-вассал”, он сторонился меня из-за моего тщеславия... У тебя был достойный учитель, Луаян. Теперь расскажи мне, как он умер.

Мальчик прерывисто вздохнул и поднял голову:

- Он смотрел в Зеркало Вод... Он умер, когда колдовал.

Стукнуло деревянное кресло - Ларт поднялся. Мальчик хотел встать тоже, но Легиар уронил руку ему на плечо и усадил снова:

- А что он ХОТЕЛ увидеть в Зеркале Вод, Луаян?

Мальчишка сжался под его рукой:

- Он не говорил мне...

Легиар вдруг присел так, что его лицо оказалось на уровне лица сидящего Луаяна:

- Вспомни. Что он делал за пару дней или недель до смерти, о чем он говорил? Может, его что-то беспокоило?

Мальчишка смотрел, не мигая, Ларту в глаза:

- Да. Он был сам не свой. Он говорил... Что-то про Завещание.

- Первого Прорицателя?

- Да.

- У него была эта книга?

- Да. Но с ней случилось несчастье. Она упала в камин и сгорела.

Я заерзал на своем табурете.

- Что он о ней говорил? - продолжал допрашивать Ларт.

- Что она не лжет.

- А точнее?

- Он так и сказал - Завещание не лжет. Огонь...

- Что огонь?

- Не помню. Он иногда поминал огонь, когда ворчал.
- Хорошо. А в тот день, когда он смотрел в Зеркало Вод?
- Он был веселый. Смеялся и шутил.
- Ты смотрел с ним?
- Сначала - да. Потом он меня отправил.
- Расскажи, как все было. Не пропускай ничего.
- Был вечер. Он сказал - самое время развести чары. Он всегда так говорил, когда был в хорошем настроении. Взял чашу - она разбилась потом, а ведь была серебряная! - взял чашу, наполнил водой из пяти источников, тут как раз пять источников в поселке, и заговорил ее... Я ему помогал. Зеркало вышло - как хрустальное.

Сидящий перед мальчишкой Легиар взял его за запястья:

- Дальше?

- Дальше мы зажгли три свечи и стали смотреть... Но видно было не очень хорошо. Какой-то человек шел... Лица не видно, вроде молодой. Потом... Стало страшно. Знаете, как бывает, когда видишь в зеркале обыкновенную жизнь, только... по-настоящему. Видишь то, чего люди не замечают, а оно есть. Понимаете? - он вопросительно заглянул Ларту в глаза. Тот кивнул, и мальчик продолжал:
- Этот человек шел, смеялся, говорил с другими... А ОНО шло по пятам. Смотрело на него, говорило с ним, но он не понимал, кто с ним говорит... И тогда Учитель меня отправил.

- А потом? Ты лег спать?

- Нет... Мне было интересно. Я виноват... Я подкрался и смотрел через дырку в портьере. И видел, как Учитель наклонился над Зеркалом, как схватился за горло, захрипел... Чаша упала и разбилась. Серебряная чаша! Учитель лежал на полу... Я пытался помочь ему. Но у него, наверное, разорвалось сердце.

Стало тихо. Невыносимо тихо, я боялся шелохнуться на своем табурете.

- Он умер... От страха? - шепотом спросил Ларт.

Мальчишка покачал головой:

- Он ничего не боялся... Я же говорю, у него сердце разорвалось.

Ларт помолчал, потом спросил осторожно:

- Ты помнишь, как он выглядел? Тот человек, в Зеркале? Ты бы его узнал?

- Нет, - вздохнул мальчишка.

- Он был один?

- То один, а то с кем-то... С разными людьми.

- А ОНО? На что это было похоже?

- Глаза... ОНО смотрело.

Я не выдержал и громко, со свистом, вздохнул. Оба быстро на меня взглянули. Потом Ларт тяжело поднялся и спросил Луаяна:

- Кстати, почему ты невлюбил моего слугу?

- Он врун... - протянул мальчишка. - Зачем он болтал, что он маг?

- А ты сразу понял, что это не так?

Мальчишка пожал плечами:

- За версту.

Всю ночь они вполголоса разговаривали, сблизив головы над письменным столом. Поднимая иногда тяжелые веки, я видел, как Ларт водит пальцем по желтым от времени свиткам, разглаживает их ладонями, что-то объясняет серьезно, как мальчишка доверчиво касается его плеча, задавая непонятные мне вопросы. Они беседовали, как равные, и я с горечью сознавал, что мне никогда не вызвать у Ларта такого неподдельного интереса, какой освещает сейчас изнутри его обычно холодные глаза. Два мага говорили на общем языке, а один охламон слушал и не понимал ни слова.

Потом ненадолго стало тихо, и мальчишка спросил шепотом:

- А правда, что вы когда-то остановили чуму?

Я тут же вынырнул из дремоты.

- Мне учитель рассказывал, - пробормотал мальчик, будто смутившись.

Ларт не ответил - во всяком случае, вслух не ответил.

Я снова закрыл глаза. Чума. Я был еще совсем малышом, окна занавешивались рогожей, нас, детей, не выпускали на улицу, и дни слились в один долгий бред... А потом чума исчезла внезапно и необъяснимо, и в нашей семье умерли только дядька с женой, разом осиротив моего двоюродного брата, любителя рыбы...

- Слушай, Марран, - начал было Ларт, и все мои воспоминания мгновенно оборвались.

- А? - удивился мальчик.

Зависла пауза. У меня не осталось сна ни в одном глазу.

- То есть Луаян, - проговорил Ларт глухо. - Я хотел сказать - Луаян.

Стало тихо - и очень надолго. Далеко, в поселке, переругивались собаки.

Потом я, наконец, в очередной раз провалился в тяжелый сон, и, очнувшись, застал уже совсем другой разговор:

- ...У нее часто зубы болят, я ей зубную боль заговариваю, а она меня подкармливает... - неторопливо рассказывал мальчишка. - Они все хорошо ко мне относятся, только вот не принимают всерьез... Это и понятно. Я совсем сопливый был, когда сюда попал... - Он добавил что-то совсем тихо, я не разобрал.

- А дальше? - сумрачно спросил Ларт. - Что ты будешь делать дальше?

- Подожду, пока они привыкнут, что я теперь тут хозяин... Подучусь, соберусь с силами, выйду на площадь и вызову гром.

- Хочешь, чтобы тебя боялись?

- Нет... Просто пусть они знают, что я уже не ребенок, - в голосе мальчишки скользнуло

упрямство.

- А, - усмехнулся Ларт, - хочешь быть сильнее?

Мальчишка помолчал. Потом спросил шепотом:

- А разве это плохо?

Снова стало тихо; они сидели у стола, теперь уже без света. Ларт медленно сказал наконец:

- Поедем со мной. Здесь тебе будет слишком трудно.

Мальчишка вздохнул, скрипнул креслом и ответил не сразу:

- Не могу... Не могу оставить Учителя одного.

Близилась осень, и вода в озере лежала пластами - в нежное парное молоко вдруг врывается пронзительная осенняя струя, от которой Ильмарранен вздрагивал, фыркал и плыл быстрее.

Круглое как тарелка озеро сплошь окружено было лесом - сейчас стволы корабельных сосен подсвечивались закатным солнцем и горели красным, как восковые свечи. Руал заплыл на самую середину и слушал, как блаженствует в воде его натруженное за день тело.

Сегодня он переколол полсарая дров и накопал три мешка крупной желтоватой картошки, и помогал носить корзины с яблоками, и много еще трудных и почетных дел взял на свои плечи. Его никто не заставлял - сам напросился. Не зря же, постучавшись на одну ночь, он жил в избушке над озером уже вторую неделю.

Избушка стояла, окруженная стволами, как колоннадой. Вся она, до последней щепки, сложена была руками своего хозяина по имени Обри. Он же расчистил место для огорода, повыкорчевал пни и переехал сюда из деревни вместе с молодой женой. Сейчас у кромки озера носился по колено в воде их пятилетний первенец.

- Эй! - время от времени звал мальчишка и махал Ильмарранену рукой. - Остоложно! Не плыви далеко, водяной утащит!

Руал повернулся, наконец, и поплыл к берегу. Меркли закатные краски, синие сосны

отражались в озерном зеркале, Ильмарранен разбивал их отражения ударами рук по воде. У того, противоположного берега, робко вякнула первая лягушка.

Малыш был на берегу уже не один - его мать, жена Обри по имени Итка, извлекла мальчишку из воды и теперь обувала, вытирая маленькие озябшие ноги полотняным полотенцем. Она отвернулась, чтобы не смотреть, как Руал будет вылезать из воды.

Ильмарранен отошел в сторону и оделся. Лягушки у того берега по очереди выдавали рулады, будто настраиваясь перед ответственным концертом.

- Устал? - спросила Итка, улыбнувшись Руалу. - Дров теперь на полгода хватит...

Малыш танцевал вокруг матери на остывающем влажном песке.

Руал улыбнулся в ответ.

- Сейчас Обри вернется, - сказала Итка. - Я уже управилась, ужин готов, хлеб еще остался, а завтра новый испеку...

Обри был удачливым охотником и незаурядным рыболовом. Огород, ухоженный маленькими Иткиными руками, три яблони, корова, куры - а муку приходилось покупать в поселке.

- Мы с Руалом сегодня молодцы, - сказала Итка сыну. А ты, Гай?

Тот воодушевленно закивал и, не в силах сдержать беспричинной радости, умчался по берегу, высоко подпрыгивая и повизгивая от полноты чувств.

Итка присела на ствол поваленного дерева, старого, лишенного коры. Устало вытянула ноги, посмотрела на тот берег - лягушки гремели слаженным хором - и тихо засмеялась вдруг:

- Знаешь, у Обри шесть братьев... И все женились по воле отца. Плакали, локти кусали, а ни один не воспротивился... - тут она улыбнулась так гордо и значительно, что Руал догадался - с Обри было по-другому.

- Его отец, знаешь, какой? - продолжала с той же улыбкой Итка. - Вот так, - и она сжала крепкий кулачок, показывая, какой у Обри отец. - У него ферма, три дома в поселке, стадо,

прядильня, красильня и персиковый сад. Семь сыновей, Обри младший. Одних работников сотня... И ни одна душа, представляешь, ни одна собака никогда не смела ему перечить. Ну слова молвить поперек не смели, просто слова сказать!

Она раздухарилась, даже в сумерках Руал видел, как пылают ее щеки и горят глаза.

Помолчала, улыбаясь каким-то своим мыслям, и продолжала с едва сдерживаемой похвальбой:

- А Обри сказал, что на мне женится. Ужас, что было! Только Обри и не подумал сдаваться. Он младший... Старик на стенку лез. И первый раз в жизни вышло не по его воле... Выгнал он Обри из дому, выгнал и проклял нас. Бабы старые каркали - не будет вам счастья. А только вот!

Из сгущающейся темноты с какой-то песенкой вылетел Гай, бесцеремонно взгромоздился на Руала верхом:

- Но-о, поехали домой!

Обри, что спускался уже от избушки, засмеялся и крикнул с притворной суровостью:

- Хозяин пришел, где же ужин?

Гай свалился с Руала и кинулся на шею отцу:

- Папа, ты зайца пйинес?

Уводя мальчика в дом, Обри завел длинную историю о зайце, хитростью избежавшем участи попасть в жаркое. Идя следом, Итка смотрела на их спины с нежностью, переходящей в поклонение.

Далеко отсюда темноволосая, усталая женщина сидела перед лоскутком с каплями крови, и удивлялась тому, как ярко, как ровно они светятся, и нет-нет, а в душе ее царапалось что-то, похожее на обиду - неужели сейчас ему может быть так хорошо? С кем же? Не может быть...

Утром Обри не пошел на охоту. Все вместе позавтракали за летним, вынесенным на крылечко столом. Гай обожал сироп, приготовленный отцом из меда диких пчел, и то и дело протягивал опустевшую чашку к кувшину. Обри мазал хлеб сметаной, посыпал сверху солью и отправлял в рот, закусывая луковицей. Итка накидала хлеба в кружку с молоком и время от времени ухитрялась

скормить ложечку сыну, отгоняя подбирающихся к медовому сиропу ос. Молоко делало подбородок Гая похожим на кремовый пирог, Итка ловко подхватывала на лету падающие капли, малыш корчил рожицы, Обри укоризненно качал головой.

Руал смотрел на них, жевал поджаристую корочку и рассеянно улыбался в осеннее, плотно-синее небо. Ему еще ни разу в жизни не доводилось бывать героем пасторали.

- Еще! - потребовал Гай, подставляя чашку.

Обри плеснул ему медового сиропа, малыш схватил чашку двумя руками. В эту минуту Итка сбила осу, кружащуюся над лицом мальчика, оса шарахнулась и, падая, угодила прямо в чашку.

- Гай! - крикнула Итка испуганно, но малыш уже пил, жадно, большими глотками, и прежде, чем мать успела выхватить у него чашку, случилось страшное.

Гай вдруг широко раскрыл глаза, глубоко вдохнул и закричал, разинув рот. Оса ужалила его в горло, там, изнутри.

Упала на стол и покатилась чашка с медовым сиропом. Отлетела в сторону табуретка, на которой сидел Обри, схватила ребенка Итка, принялась дуть ему в рот, чтобы хоть как-то уменьшить боль. Руал, пытаясь помочь, ринулся наливать воду в кружку:

- Может, воды... Может, вода поможет...

Но Гай не мог глотать, не мог уже кричать - он только широко раскрывал глаза, из которых катились крупные слезы.

А тем временем в горле ребенка, там, куда укусила оса, стремительно росла опухоль. Мальчик стал задыхаться.

- Обри! - крикнула Итка. - Коня, в поселок, врача, скорей!

Ни один врач не успел бы спасти Гая. Лицо его уже заливалось синевой, глаза закатывались - ребенок умирал, умирал здесь, сейчас, в муках удушья, на руках у матери.

- Сынок! - рыдала Итка, пытаясь вдохнуть ему воздух в рот. Обри побежал-таки за лошадью

- безумие, до поселка полчаса бешеной скачки. Мальчик умрет через несколько минут.

Гай хрипел, Итка билась над ним, не в силах помочь, а Руалу вдруг явилось видение.

Он увидел сводчатую комнату, где поблескивают на полках корешки фолиантов, стол, заваленный кипами книг, самоуверенного подростка за столом и еще кого-то - Ларта Легиара! - бросающего на стол перед подростком массивный том.

- Ну зачем мне это надо? - оттопыривал губу мальчишка. - Ты из меня лекаря хочешь сделать? Да я пару заклинаний ляпну, и какой лекарь со мной сравнится?

- Ты что, читать не умеешь, Марран? Кому будет хуже, если ты хоть чуточку поумнеешь? - допытывался Легиар.

На первой странице был нарисован голый розовый человек, испещренный кружками и надписями, дальше тот же человек как бы изнутри, потом сердце, коричневая печень... Не то. Было же что-то, иначе зачем это вспомнилось? Надорванная страница... Роды... Небо, при чем тут роды? Они молоды, у них еще будут дети... "Бабы старые каркали - не будет вам счастья"... Что там было еще, в этой книге, которую я не хотел читать?!

- Сыно-ок, сыно-ок... - голосила Итка. Блуждающий взгляд Руала уперся в нож на столе. Столовый нож.

Вот что там было - ребенок, больной дифтерией. Он не мог дышать, и тогда скальпелем... Руал протянул руку и взял нож со стола. Рукоятка удобно легла в ладонь.

Небо, я не сумею. Я никогда не делал ничего подобного.

Я боюсь крови.

Я буду просто убийцей.

- Дай мне его, Итка, - сказал Руал чужим голосом.

Она не услышала, или не поняла. Тогда он сказал громче:

- Я знаю, что делать. Дай мне ребенка.

Он отобрал у нее мальчика и положил на траву. Гай был без сознания. Нет, не здесь. В доме. Только в доме.

Он поднял безжизненное тельце и бегом направился в дом. Итка преградила ему путь:

- Куда ты его несешь?!

- Я спасу его, ясно? - заорал он в ответ, отбросил Иткины руки и вошел.

На кровать? Нет, на стол...

Нож прыгал в его мокрой руке. Кажется, здесь, на шее...

- Не-ет! - закричала Итка и схватила его за руку, вцепилась в лицо. - Не режь, не трожь негодяй, мясник!

Руал стиснул зубы и отшвырнул ее к стене.

- Обри! - изо всех сил закричала она.

Руал подхватил мальчика и кинулся по лестнице вверх, на чердак. Его схватили за ногу, он отбился, ворвался в чердачную комнатку и задвинул за собой засов. Небо, ребенок-то жив еще?

- Обри, Обри! - надрывалась Итка.

Здесь, на шее. И рисунок был в книге. Но он может захлебнуться кровью.

А если не попробовать, он умрет наверняка! Может быть, он уже умер!

И Руал провел ножом по горлу мальчика.

Еще. Еще. Небо, сколько крови. Еще. Убийца. Давай. Не хлопнуться бы в обморок. Еще...

Тяжелые удары обрушились на дверь. Обри крушил ее молча, отрешенно, отчаянно.

- Кровопийца! - кричала Итка. - Убей его, Обри!

Трясущимися пальцами Руал раздвинул разрез на шейке ребенка. Огляделся, поискал глазами... Полки на стенах, банки, лопаты и грабли в углу, метла, масляная лампа... Жестяная воронка. Скорее.

Он еще раздвинул разрез и узким концом ввел в него воронку. Так. Так.

- Людоед! - рычал за дверью Обри.

Дверь трещала, поддаваясь.

Неужели Лартова книга врала?!

И тут мальчик захрипел.

Вздохнул.

Он дышал через дыру в горле, дыру, исходящую кровью, и через воронку, открывшую доступ воздуху. Вдох. Хрип. Он может захлебнуться. Выдох. Дышит.

Упала дверь. Влетел Обри с безумными, белыми глазами. Увидел окровавленного ребенка с воронкой в горле и зашатался.

- Он дышит!! - закричал Руал. - Посмотри, он же дышит! Он дышит!

Обри тяжело шагнул вперед, отбросил Руала, наклонился над мальчиком.

Ребенок оживал, страшная синева сползала с его лица.

- Итка! - хрипло позвал Обри.

Вдвоем они стояли над своим первенцем, глядя, как поднимается и опускается его залитая кровью грудь.

Ильмарранен сидел в углу, глотал слезы и повторял, не помня себя:

- Дышит... Он дышит. Он живой.

Лицо его исполосовано было Иткиными ногтями.

- Я не забуду, - сказал Обри. - Я клятвой клянусь, что ты отныне мой брат и все, что имею я, принадлежит тебе. До старости, до смерти ты можешь жить в моем доме. Все, что ни попросишь, я исполню, хотя бы и ценой жизни.

По лужайке перед домом ходила Итка, покачивая на руках сына с перевязанной шейкой.

- Спасибо, - сказал Руал, следя за ней глазами. - Я тоже не забуду. Но мне надо идти. Мне все равно надо идти.

Они помолчали.

- Где бы ты ни был, - сказал Обри, - помни, что здесь тебя ждут.

Руал подошел к Итке с мальчиком. Гай широко ему улыбнулся, а Итка вдруг передала ребенка мужу и упала перед Ильмарраненом на колени. Ему еле удалось ее поднять.

Он вышел на дорогу, и когда дом скрылся за колоннадой сосен, кто-то вдруг явственно сказал ему, не то на ухо, не то изнутри головы: “Ай-яй-яй! Ты мне нравишься, удачливый Марран!”

Он вздрогнул. Он боялся этого. Ему снова показалось, что за ним наблюдают.

Мы покинули поселок, когда солнце стояло уже высоко. Луаян не пошел нас провожать, а у меня мороз продирает по коже, когда я думал об одиноком мальчишке в темном доме с могилой во дворе.

Мои глаза слипались, однако Ларт, не спавший ни секунды, был собран и сосредоточен. Он сразу же взялся правит упряжкой, мою вялую попытку разговора пресек и отправил меня в карету.

Под стук колес я заснул, скрючившись, на обитых вытертых бархатом подушках. Сон мой был беспокойным и душным, я долго хотел проснуться и не мог. Наконец, мне удалось разлепить веки, и я увидел над собой мерно покачивающуюся парчовую занавеску на окне кареты.

Я разогнулся с трудом и сел, забросив ноги на противоположное сиденье. Болела голова, все путешествие казалось бессмысленным и не было желания жить.

Я открыл окно и сунул голову в поток свежего ветра. Это немного меня взбодрило, и я решил перебраться к хозяину на козлы. Крикнул - ответа не было, тогда я поставил ногу на подножку, свесился из двери и посмотрел вперед, на возницу.

На козлах, полуобернувшись ко мне, сидело ОНО. Я видел только желтые, сосущие глаза. Пальцы мои, вцепившиеся в поручень, свело судорогой, а ОНО ухмыльнулось и сказала сухим, царапающим голосом:

- Ну вот.

Тогда я сумел, наконец, заорать.

Я орал и орал, и ничего уже не видел перед собой, и отбивался руками и ногами, и сорвал нависшую над головой парчовую занавеску. В окно хлынуло солнце, и я, наконец, проснулся.

Карета замедлила ход и остановилась. Дверца резко распахнулась, на пороге стоял Ларт:

- Что?

Я смотрел на него бессмысленными глазами. Он взял меня за шиворот и встряхнул:

- Чего орешь?

- Ключула... - прошептал я в ужасе. - Она на меня ключула!

Он насупился:

- Кто?

- Т... т... ретья сила, - выдавил я с трудом.

Он вздрогнул, нахмурившись еще больше:

- Что ты болтаешь?

Заикаясь и путаясь в словах, я пересказал ему свой сон. По мере моего рассказа напряжение и озабоченность уходили с его лица, и, когда я закончил, он вздохнул с облегчением:

- Нет... Это не так. Ты просто перетрусил.

Я все еще смотрел на него затравленно. Он усмехнулся, вытащил меня из кареты на солнце и посадил рядом с собой, на козлах.

Мы ехали степью, дрожал над землей разогретый воздух, резво бежала шестерка вороных.

- Третья сила тобой не интересуется, - сказал Ларт.

- Правда? - спросил я с надеждой. - Правда-правда?

- Правда-правда, - устало отозвался Легиар. - Она следит за другим человеком, тем, кого видели в зеркале вод Луаян и его учитель.

Я уже не слышал - меня захлестнули до краев степные запахи, лавина солнца и ослепительная

небесная синева. Чувство облегчения, подобного которому я ничего раньше не испытывал, на несколько минут вытеснило из моей головы Луаяна, и его учителя, и самого Ларта. Мне казалось, что я ничего уже в жизни не испугаюсь, что я заново родился и вышел сухим из воды. Кажется, я даже пел.

Однако, сладкое чувство освобождения от опасности длилось не так долго, как мне хотелось бы.

- Что-что? - переспросил я, опомнившись. - А кого они видели в зеркале?

Ларт ударил по лошадям:

- Я думаю, это был Привратник.

Счастье мое улетучилось так же мгновенно, как и накатило.

- А кто он, Привратник? - спросил я, замирая.

Ларт мрачно на меня взглянул и на ответил.

Спустя несколько дней мы остановились ненадолго на постоялом дворе. Первой же ночью я проснулся от пронизывающего, леденящего ужаса.

Я лежал на пуховой перине в лучшей комнате гостиницы, пустой и темной.

И что-то бесформенное, тяжелое и холодное сидело у меня на груди.

Я попытался проснуться - и не смог. Я стал убеждать себя, что это снова сон - и не верил себе, слишком ясным было ощущение склизкого прикосновения и отвратительного, гнилостного запаха.

То, что на мне сидело, взглянуло мне в глаза своими мутными плоскими и неспешно, глухо чавкая, двинулось вперевалку к моему горлу. Я бился, как пойманный кролик, и хватал воздух, из последних сил пытаюсь позвать Ларта. Но крик не желал вылетать из моего горла, я не мог выдавить даже писка.

В эту минуту дверь, закрытая на засов изнутри, отлетела к стене. На пороге стоял некто с узким блестящим лезвием в опущенной руке. Сидящее у меня на груди вдруг раздулось, как пузырь,

и лопнуло с негромким сухим хлопком. Внутри это оказалось неожиданно пустым - только оболочка отлетела на пол. Все это я видел, как в тумане.

Ларт подцепил то, что лежало на ковре, на кончик шпаги. Оболочка, похожая на жабью шкуру, неуверенно шевелилась. Ларт прошептал слово - и шкура эта вспыхнула и загорелась зеленоватым пламенем. Легиар швырнул ее в пустой и холодный камин.

Двумя широкими шагами хозяин подошел ко мне. Я скулил, как щенок. Он плеснул в кружку воды из кувшина и дал мне напиться.

- Хозяин, - сказал я, трясясь, - это не сон. Это уже не сон.

Глаза его светились в темноте, и свечение это понемногу угасало.

- Это не то, что ты думаешь, - сказал он терпеливо. - Это - не то, что видели в зеркале Орлан и Луаян. Это - мерзкое, страшное, но в общем-то не очень опасное существо из тех, что всегда были и будут на земле. Их полно. Обычно они прячутся от людей. Это порождения ночи... Но Третья сила-то причем? - он говорил, кажется, сам с собой.

Он хотел подняться, но я с неожиданной силой и смелостью ухватился за его руку:

- Хозяин, не уходите...

Он сел рядом со мной. Помолчал. Сказал, раздумывая:

- Вероятно, они чувствуют ее приближение. Они тревожатся, они шевелятся и наглюют. Они лезут из своих щелей... Или нет? - он вопросительно на меня посмотрел.

Я сказал как мог убедительно:

- Хозяин. Я плохая приманка. На меня клюет не то, что надо. Только всякая дрянь.

Пожалуйста, снимите меня с крючка. Я больше не могу.

Он вздохнул и вдруг положил мне руку на плечо. Я замер - это было второй раз в жизни.

- Дамир, - сказал он, - неужели ты думаешь, что я могу тебя отдать?

Я всхлипнул и ткнулся в его руку.

- Успокойся, - бормотал Ларт в темноту, - считай, что я снимаю тебя с крючка.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ЗОВ

Лето кончилось. Ночевать под открытым небом было уже неуютно, зато дни стояли ровные, теплые, как нельзя более подходящие для Праздника сбора урожая.

Села, хутора и местечки праздновали, праздновали самозабвенно. Урожай выдался небывалый, рекой лилось молодое вино за накрытыми вдоль улиц столами, повсеместно устраивались сложные, красочные обряды, призванные отблагодарить землю за благополучное разрешение от бремени. Хорошей приметой считалось, если в этих обрядах примет участие посторонний человек, странник. Руал благоденствовал - хозяева щедро благодарили его за ту особую значительность, с которой он произносил предписанные обычаем слова.

Кружили хороводы на площадях, кто-то карабкался на гладкий столб за сахарной подковой, кто-то под хохот толпы гарцевал верхом на дородной свинье; кто-то, обряженный пшеничным снопом, бродил с величальной песней от двора ко двору и получал за каждое доброе пожелание по стаканчику, пока не падал где-нибудь под забором на радость курам, которые тут же окружали его кольцом, выклеывая из колосьев зерно. Дети тонко и трогательно пели хором, молодежь краснела и перемигивалась - на подходе было время свадеб.

Руал шел от поселка к поселку, и везде его приветливо встречали столы вдоль улиц, сытный дымок от коптилен, музыканты-умельцы со своими звенящими гребешками, дудочками и бубнами, румяные лоснящиеся лица, похожие на спелые плоды, и плоды, похожие на довольные лоснящиеся лица. И там, и тут Руала звали остаться - но он вежливо отказывался и шел дальше.

Потом и время свадеб подоспело - тут уж Ильмарранен повидал всякое. Плакали невесты, выдаваемые замуж против их желания, грозно диктовали свою волю властные отцы, рядом ворковали

парочки, которым посчастливилось-таки соединиться по любви. И снова - рекой молодое вино, делавшее слезы отчаяния неотличимыми от слез глубокого счастья.

Отыграли свадьбы, убрали столы с улиц, все позже вставало солнце, все холоднее становились ночи. Руал неделю работал подмастерьем кожевенника и заслужил старые, но еще крепкие сапоги вместо развалившихся башмаков. Следующей большой радостью стала плотная пастушеская куртка, купленная по случаю за несколько грошей. Зима не страшила совсем - он был силен, уверен в себе и вполне доволен жизнью.

Он принял-таки ее, эту жизнь - принял целиком, вместе с бесконечной дорогой и ноющими ногами, вместе с тяжелой работой, за которую всегда полагался ломоть хлеба, вместе с ветром, пробиравшимся под куртку, и курткой, защищавшей от этого ветра. Та горечь утраты, что отравляла воспоминаниями и застилала солнце, та изводящая боль, толкнувшая его когда-то в петлю, та зияющая пустота в душе, которая, казалось, никогда не заполнится - покидала его. Покидала по капле, покидала не сразу, но покидала безвозвратно. Он ни от кого не бежал и никуда не стремился - просто шел, насвистывал и поглядывал в небо.

Спокойствие и уверенность сопутствовали Руалу до тех пор, пока дорога однажды не изменила ему.

Это было подло и неблагодарно с ее стороны. Ильмарранен не сразу понял, что происходит. А происходило странное - дорога вырывалась из-под его ног, проявляя скверный и упрямый нрав.

На развилке он хотел повернуть влево - но дорога тянула, толкала, морочила голову, и он поворачивал вправо; случалось, шел целый день, с рассвета до заката - и непостижимым образом возвращался на место предыдущей ночевки. Кружил, как заяц по лесу, хотя стремился вперед, прямо, и ни разу не поворачивал. Дорога, предавшая его, над ним же издевалась.

Разозлившись, он стал сопротивляться, намечал себе ориентиры впереди и шел, не сводя с них глаз. Уловка эта помогала лишь отчасти - скоро он почувствовал, что ему подсовываются те метки,

что выгодно коварной дороге.

И он горько обижался на дорогу, пока не понял вдруг, что не она виновата, а куражится нечто, связанное с ним, Ильмарраненом, с наваждениями-голосами, со всей давно преследующей его галиматьей. Осознав это, он был подавлен и на время перестал сопротивляться чужой воле - чтобы, собравшись с силами, снова восстать против невидимого и неведомого поводыря. Неизвестно, чем закончилось бы это единоборство, если б среди бела дня на пустой дороге Руала не догнал однажды крик.

Кричала женщина - отчаянно и умоляюще. Что-то деловито пробубнил мужской голос, и крик повторился - со слезами в голосе:

- Помогите! Не надо! Люди! Оставь, ты!

Руал осторожно обогнул густой, живописно покрытый красными и желтыми листьями куст. С той стороны куста листья осыпались, сбитые на землю ожесточенной борьбой: в густой блеклой траве мелькали, как спицы в колесе, босые тонкие ноги, принадлежавшие кричащей; над ней, повернувшись к Руалу мощными спинами, склонились двое, оба сосредоточенно возились над чем-то в траве. Один что-то примирительно бурчал, другой норовил прижать к земле отчаянно отбивающиеся ноги.

- А-а-а! - с новой силой завопила женщина, и кто-то из обладателей мощных спин зажал ей рот рукой.

Руал отошел потихоньку, потоптался, пощупал свой отбитый когда-то бок, выругался, укусил себя за руку и вернулся к месту свалки.

Мощные спины явно одолевали - босые ноги были надежно подмяты под массивное колено, кричащий рот плотно зажат, так что только мычание доносилось из смятой травы - "М-м-м... усти-и, м-м-м..."

- Это что еще? - спросил Ильмарранен голосом хозяина, заставшего работника на горячем.

По-видимому, обладатели спин слышали такие голоса раньше - они сразу бросили свое занятие и обернулись. Вид Руала их удивил, но нисколько не испугал. Их жертва, чумахая девчонка, воспользовавшись минутным замешательством, рванулась и выскользнула бы, если б один из парней не успел схватить ее за длинные, растрепанные в борьбе смоляные волосы.

- Это что-о еще? - возвысил голос Руал. И, обернувшись в сторону дороги, позвал воображаемых попутчиков:

- Лобош, Вобла! Идите сюда!

Он рассчитывал, что мощные спины растеряются хоть на минуту и выпустят жертву. Не тут-то было - один из парней накрутил девчонкины волосы на мосластый кулак, а другой неторопливо поднялся, подтянул штаны и выглянул из-за кустарника на дорогу. Дорога, конечно, была пуста.

- Ой-ты, - с издевкой протянул парень, плюнул и бросил сквозь зубы: - Вали, пока цел. Тебе не достанется... Вобла!

И вернулся к своему делу. Забилась, заплакала девчонка.

Руал поднял с обочины увесистый острогранный камень, подскочил к насильникам и, наспех размахнувшись, врезал камнем по ближайшей бычьей шее. Владелец шеи взревел, его товарищ не сразу определил, в чем дело, а определив, получил уже коленом в челюсть.

И тогда Руалу пришлось туго.

Камень он выронил, на него наседали с двух сторон, он отступал, увертывался, колотил твердыми носами недавно приобретенных сапог по неуклюжим голням нападавших, отчего те охали и приседали, хватаясь за ноги. Несколько раз беспорядочно мелькавшие в воздухе тяжелые кулаки попали Ильмарранену в лицо, и каждый раз он отлетал так далеко, что, на счастье, успевал подняться прежде, чем башмаки нападавших добирались до его ребер.

Но главным бойцом оказалась девчонка - она то и дело бесстрашно отвлекала парней на себя, колотила их где-то раздобытой палкой, кидалась сзади, воинственно верещала и время от времени

звала на помощь. Парни тяжело дышали, вращали налитыми кровью глазами и сыпали ударами, любой из которых мог бы убить девчонку, попади он в цель.

Потом Руалу не повезло - очередной удар оглушил его, и он не смог подняться вовремя. Двое навалились на него сверху, пыхтя и мешая друг другу; Ильмарранен подумал было, что вот ему и конец, но в этот момент один из парней ослабел вдруг и упал на Руала безвольной грудой - над ним стояла девчонка с тем же увесистым камнем в руках. Второй нападавший изумленно вскинул голову, и Руал из последних сил двинул его снизу - в подбородок. Тот охнул, прикусив язык.

Дальше было просто - тот, что получил камнем по затылку, только возился и стонал, а другой, прижав ладони к окровавленному рту, удивленно пятился, пятился, потом бочком-бочком засеменял прочь, то и дело оглядываясь.

Девчонка, разгоряченная, растрепанная, широко улыбнулась вытирающему кровь Руалу:
- Так сразу надо было по голове метить... А то такие и убить могут...

Ее круглые вишневые глаза посверкивали восторженно и немного насмешливо.

Имя ей было Тилли, лет ей было шестнадцать, у нее где-то там имелись отец, мачеха и младший брат, но семейство, по ее словам, сильно надоедало ей за зиму, так что все лето она привыкла проводить в странствиях. Странствовала она с тех пор, как научилась ходить. Летом хорошо, есть где переночевать и что слопать, но вот уже холода не за горами, а возвращаться к своим ох как не хочется, потому что отец, конечно, выпорот свою беспутную дочь за неподобающее поведение.

Они сидели у костра, Тилли куталась в Руалову куртку и доверчиво рассказывала, как без шума поймать курицу, как наколоть рыбу на самодельную острогу, а потом испечь в золе, и что она обожает нянчить детей и часто этим зарабатывает, и как ее брат поймал в лесу хорька и научил его прыгать через кольцо, и как мачеха родила мертвую двойню, и как в животе у пойманной рыбины оказалась медная монетка.

Она размахивала руками, показывая, какой веселый ее отец, когда пьяный, и какой свирепый на трезвую голову. Ее острых локтей и угловатых движений не могла скрыть даже пастушья куртка, в которой Тилли утопала по самый кончик носа. Вишневые глаза озарены были пламенем костра, и в них отражался Руал - непобедимый, непревзойденный, мужчина и герой. Девчонка хлопала черными пушистыми ресницами, залиvisto хохотала без видимой причины и бросала на Ильмарранена терпкие, тугие и опять-таки чуть насмешливые взгляды.

Они испекли картошки и поужинали, закусывая кукурузными лепешками дымящиеся, испачканные золой ломтики. Тилли, до того трещавшая без умолку, понемногу притихла и пододвинулась почти вплотную к Ильмарранену.

- Ру... - она сразу же после знакомства наградила его этой кличкой, - а тебя вроде милая бросила, оттого ты странный такой, оттого по дорогам тыряешься? Да?

Руал улыбнулся - таким серьезным и сочувствующим было это потешное, в общем-то, лицо. Она увидела его улыбку и смутилась, истолковав ее по-своему:

- Да нет, я понимаю, такого парня, как ты, даже змея подколотная не бросит... Тогда что ж?

Руал потрепал ее по волосам. Она смутилась еще больше:

- Ну ладно, дура я и дура...

Ему стало жаль ее, он обнял худые плечи и притянул девчонку к себе. Она замерла, боясь пошевелиться. Вдалеке заухала сова; в темноте за теплым, освещенным кругом от костра возилась, разворачивалась, кишела ночная жизнь.

- Ру... - тихо, опасливо спросила Тилли, ткнувшись носом прямо ему в ухо. - А ты... колдуна когда-нибудь видел?

Он вздрогнул, и она, прижавшаяся к его боку, не могла этого не почувствовать. Пробормотала успокаивающе:

- Да нет, не бойся, в округе их не водится... Я сама их ужас как боюсь, только вот любопытно...

Я, знаешь, видела одного этим летом. Молодой мальчишка, а важный - страх! Весь в бархате да в серебре, в кружевах и в перьях, карета - шестерная упряжка! Слуга при нем, здоровая такая жердь... Я бы ни за что не пошла б колдуну служить, ни за какие монеты! Приехали они в поселок да на постоянный двор, хозяин выскочил, кланяется... Народ сбежался смотреть, забор завалили... А маг этот в комнате заперся и не выходил, слуга сказал - колдует...

- Знаешь что, - зевнув, сказал Ильмарранен, - давай-ка спать, Тилли.

Его сон был беспорядочным и неглубоким. Выплывала из мути заколотая острогой рыбина, превращалась в золотую ящерицу, укоризненно смотрела изумрудными глазами... Моргала разочарованно, но это уже не ящерица, а Тилли, черные пушистые ресницы, терпкий влажный взгляд... Учит Руала прыгать через кольцо, а кольцо узкое, и все сжимается, и трудно дышать...

Потом он повернулся на другой бок и увидел море. И не просто море, а длинное, плоское побережье. И человек бродит по колено в прибое, но волны, облизывая песок, не решаются прикоснуться к его высоким сапогам - огибают, извиваются вокруг, и даже брызги не падают на мягкие голенища... Вдоль берега, навстречу ему, идут высокий поджарый мужчина и мальчишка-подросток.

Кажется, дул ветер, кажется, было весело и страшновато, и Легиар говорил юному Маррану:

- Сейчас я тебя представляю. От того, как он к тебе отнесется, многое сейчас зависит. Я ему враг, но ты - ты не вздумай с ним поссориться. Или ты по-прежнему считаешь себя непобедимым?

Марран пританцовывал, вздымал фонтаны песка, подпрыгивал и хохотал:

- Что ты, Ларт! Ты же видишь, я и рубашку белую надел, и башмаки почистил по такому случаю... Господин Бальтазарр Эст будет мной, примерным мальчиком, весьма доволен!

Легиар хмурился:

- Ты сопляк еще, ты щенок, недоросль, чего ты смеешься?! Я тебя предупреждаю один раз: никаких заклинаний, превращений, цирка и балагана! Ни одного магического действия, сделай мне

такой подарок! Эст и так знает о тебе слишком много...

Мальчишка состроил страшные глаза:

- Ларт, я буду скромн, как невеста. Я даже покраснеть могу. Ну, хочешь, я покраснею?!

Легиар поднимал глаза к небу, будто призывая его в свидетели. А человек в прибое все бродил, наклонялся, подбирал круглые камушки, некоторые отбрасывал в сторону, некоторые прятал в карман, другие запускал в море. И только когда идущие приблизились вплотную, оставил свое занятие и обратил на них тяжелый, как ледяная глыба, взгляд.

Легиар вытянул левую руку в сторону - знак перемирия. Эст помедлил и сделал то же самое. Марран безмятежно улыбнулся.

- Здравствуй, Аль, - сказал Легиар небрежно. - Ты, конечно, знаешь, что это за мальчик. Теперь я хочу тебе его официально представить - Руал Ильмарранен.

Руал хотел кокетливо присесть, но сдержался - под взглядом Эста действительно было неуютно. Он ограничился скромным кивком.

- Здравствуй, Ларт, - сказал наконец Эст. Голос его был сорван и звучал, как скрежет. - Значит, это и есть Марран.

Опрокинулась на берег очередная волна, обогнула сапоги Эста и ботфорты Легиара, а на башмаках Маррана отыгралась, промочив их доверху. Эст хмыкнул, Ларт, переглянувшись с ним, щелкнул пальцами - прибой разом улегся, море стало спокойным и гладким, как остывший суп в глубокой тарелке.

- Я вижу, ты вежливый мальчик, - сказал Эст презрительно. Марран снова кивнул. Эст отвернулся, сгреб с песка горсть камушков, по очереди пустил их прыгать по зеркально гладкой воде. Последний подпрыгнул двенадцать раз, Эст кивнул Ларту и повернулся, чтобы уйти.

Марран тем временем нагнулся, подобрал один камень, черный, плоский, и, несильно размахнувшись, пустил в море.

Эст оглянулся - камушек утонул после шестнадцати прыжков, длинных, красивых.

Что-то неразборчиво пробормотал Легиар. Эст помедлил, достал из кармана еще пригоршню камней и плавным, уверенным движением бросил первый, подпрыгнувший на воде двадцать один раз. Считали вслух, считали все, даже Ларт, потемневший лицом. Эст позволил себе что-то вроде улыбки, снисходительной улыбки в сторону Маррана. Тот оглядел песок вокруг, поднял один камень, рассмотрел, уронил, поднял другой и уронил тоже. Наконец, выбрал небольшой, пестрый, укатанный морем в тонкую лепешку. Прищурил глаз, примерялся... Эст улыбался, теперь уже явно улыбался, и поглядывал на Легиара насмешливо. Марран бросил камень.

Тридцать девять.

Зависла пауза, Эст посмотрел на Маррана в упор, и тот удивился, как широко могут раскрываться эти узкие прищуренные глаза. Потом Эст щелкнул пальцами - море оживило, прибой с новой силой принялся вылизывать песчаный пляж. Тяжелая Эстова рука опустилась Руалу на плечо:

- Щенок, - проскрежетал он с неким подобием нежности. - Нахальный щенок.

Он проснулся от осторожного прикосновения.

Костер догорал, мерцали последние красноватые вспышки, и под боком у Руала возилось что-то мягкое, теплое, даже горячее, возилось и дышало, прижимаясь все крепче. Руал осторожно дотронулся рукой - соседствующее существо оказалось круглым, гладким и голым, местами покрытым неуверенным пушком.

- Простудишься, - пробормотал Ильмарранен растерянно. - Холодно же...

Тилли не ответила, только чаще задышала и прижалась изо всех сил к Руаловому боку.

Ильмарранен лежал неподвижно, ощущая, как содрогаются два теплых упругих клубка, уютно пристроившихся у него на груди, как щекочут лицо спутанные с осенней травой волосы, как нежно касается лба маленькая влажная ладошка:

- Ру, я о таком парне с люльки мечтала...

- Холодно... Оденься... - повторял Руал, пытаясь справиться с поднимающейся внутри сладостной волной.

- Не прогоняй меня... - ее рука расстегнула Руалов ворот и погладила шею. - Ты добрый... Все они скоты, а ты человек... Ру, ну что же ты!

Его ладони легли на ее обнаженную кожу. Будто короткая молния ударила - р-раз!

- Я люблю тебя, Ру... - бормотала Тилли все скорее и скорее. - Я о таком парне... - ее губы, неловкие, как у теленка, ткнулись в губы Руала.

Горько пахло дымом догорающего костра. От порыва холодного ветра кожа девушки покрылась пупырышками; желая согреть, Ильмарранен обнял ее крепко, по-настоящему. Его самого уже сотрясало изнутри; нахлынули тугие, горячие, пульсирующие видения.

Тилли все бормотала и бормотала, и ластилась, и пальцы ее сражались с застежкой на его рубашке, а он глупо улыбался в темноте и жадно гладил ее бока с выступающими ребрами, неожиданно крутые бедра и плоский мускулистый живот. Не было сил сопротивляться тому горячему и душному, что распирало его изнутри.

Торжествовала ночь, темная, осенняя, истошно кричали совы, шелестел ветер в пожухлой траве. Перемигивались угли прогоревшего костра.

Тилли справилась с пуговицами, маленькая влажная ладошка залезла под Руалову рубашку... и встретила там со свертком, скрывавшим золотую спинку и изумрудные глаза.

- Ой, - пробормотала она удивленно, - это чего?

Ильмарранен вздрогнул, как от удара. Рванулся и сел, прижимая сверток к груди. Оттолкнул девчонкины руки:

- Не лезь. Не надо. Спать.

Сердце гулко колотилось у него в горле, а Тилли сидела перед ним голая, дрожащая, будто громом пораженная. Из круглых вишневых глаз двумя ручейками лились слезы горькой обиды.

За все утро она ни разу не посмотрела в его сторону.

Они шли дорогой, Руал глядел на оскорбленно вскинутой лохматый затылок и досадовал на себя, на Тилли, на судьбу, вздыхал и удивлялся глупости мироустройства.

Дорога тем временем оживала, путников то и дело обгоняли скрипучие телеги - впряженные в них лошади бросали на пешеходов исполненные достоинства взгляды. В том же направлении тянулись медлительные воловьи упряжки, ковыляли какие-то нищие в лохмотьях, цепочкой топали слепцы с поводырем, размашисто шагали мастеровые с инструментом на плечах. Ильмарранен с девчонкой оказались затертыми если не в толпе, то в весьма пестрой компании. И перед всей этой разношерстной братией вставал на дороге город.

Сначала показались верхушки башен, потом сами башни и стена из красноватого кирпича, а над этой зубчатой стеной - самые высокие флюгера. Флюгера вертелись, ловя жестяными боками солнечные лучи, и от этого казалось, что над городом средь бела дня горит фейерверк.

Тилли, пораженная зрелищем, забыла о своей обиде и, смягчившись, заговорила с Руалом:

- Ты смотри, а!

Толпа вокруг воодушевленно загудела.

Руал приложил ладонь к глазам: подъемный мост был опущен, вокруг него расхаживали офицеры стражи в пестрых костюмах, в то время как рядовые стражники, вооруженные пиками, досматривали входящих в ворота и брали пошлину за въезд.

Ильмарранен заплатил два гроша - за себя и за безденежную Тилли.

Деревенщина истово вращала головами, проходя через арку ворот, массивных, разукрашенных, поражающих мощью и великолепием. Вылившись на площадь перед воротами, крестьяне терялись, нерешительно топтались в замешательстве и сразу же становились жертвой уличных мальчишек, которые, улюлюкая и бросаясь комьями земли, одновременно пытались утянуть с телег все, что плохо лежало.

Руал взял Тилли за локоть и втащил в одну из боковых улочек - изломанную улицу-щель.

Здесь было относительно тихо; между вплотную подступавших друг к другу стен бились эхом шаги Руала и шлепанье Тилли. Девчонка, задрав голову, бормотала удивленно:

- Ну как в колодце сидишь...

Небо над улочкой было такое же узкое и изломанное, и каменные стены, казалось, углом сходились над головой.

Из окошка под самой крышей выглянула голова в чепце, скрылась, водопадом плеснули помои, звонко разбились о мостовую, обдали брызгами Ильмарранена и девчонку. Тилли подняла голову и разразилась сочной, колоритной бранью. Наверху хлопнуло окно.

Улочка вскоре свернула, пошла вдруг круто вверх и вывела путников на маленькую круглую площадь, посреди которой стояло каменное изваяние на невысоком постаменте. На голове изваяния, покрытой каменным же капюшоном, топтался угрюмый голубь. Руал провел пальцем по вытесанным на постаменте буквам:

- “Священное привидение Лаш”.

- Ты умеешь читать? - удивилась Тилли.

Площадь неспешно пересекли два степенных старца с такими же, как у священного привидения, капюшонами на головах. Девчонка проводила их глазами и задумчиво почесала нос.

Путники поблуждали немного по темным кривым переулкам, поглазели на красивую медную бороду - вывеску цирюльни, на жестяную стрекозу у входа в булочную и деревянный костыль, приколоченный к дверям костоправа. Потом им пришлось прижаться к стене, пропуская роскошный паланкин, несомый четырьмя ливрейными лакеями, важными, громко сопящими от натуги. Тилли снова раскрыла изумленный рот.

Миновав украшенную медными завитушками арку, Ильмарранен и его спутница оказались на улице пошире и побогаче прочих. Прохожие презрительно сторонились, надменно косясь на

высокого худого бродягу и босую девчонку в лохмотьях. Руал и Тилли приближались, по-видимому, к центру города.

Прошли тесной группкой полдюжины юношей в строгих черных одеяниях и треугольных шапочках, снабженных короткой серебряной бахромой. Им вдогонку поспешил еще один, со связкой книг под мышкой. Компания отчего-то развеселилась, опоздавшего хлопала по плечу, причем так радужно, что в конце концов сбили его шапочку на булыжную мостовую.

Компания удалялась, и Руал, ведомый неким неясным любопытством, двинулся следом. Заинтригованная Тилли тянулась за ним, как хвост.

Ребята, которые, конечно, были студентами, завели тем временем оживленный спор, и отпускаемые ими ученые словечки вызвали в прохожих невольное уважение. Опоздавший, тот, что был со связкой книг, говорил громче и возбужденнее всех, и его шапочка то и дело соскальзывала с макушки. Руал ускорил шаг, Тилли топала следом.

Улица вылилась на площадь, на широкую мощеную площадь, окруженную добротными домами из красного кирпича. Над черепичными крышами высилась башня - островерхая, с изъеденными временем толстыми стенами, с частыми решетками в узких окнах. У входа в башню постукивали алебардами внушительного вида стражники.

Напротив башни помещалось еще более примечательное строение - университет. С двух сторон от широкой мраморной лестницы замерли в величественных позах железная змея и деревянная обезьяна, символизирующие мудрость и стремление к познанию. Окна четырех высоких этажей были расписаны замысловатыми символами и географическими контурами, а на круглом, огражденном стальными прутьями балконе старый служитель орудовал тряпкой, смахивая пыль с человеческого скелета.

- Ах, ты! - сказала Тилли.

Здание городского суда тоже выходило фасадом на площадь, но смотреть на него было

неприятно - мрачное и приземистое, оно имело перед входом круглую черную тумбу с маленькой символической виселицей, на которой болтался тряпичный казненный. “Бойся закона!” - большими буквами было вычеканено на железных дверях суда. Руал и Тилли, не сговариваясь, обогнули эти двери по большой дуге.

Площадь оживала все более и более, бойко шла торговля с лотков, галдела толпа, то и дело проезжали роскошные экипажи. Тилли уставилась на черного трубочиста, который с нарочитой грацией перебирался с одного черепичного склона на другой, и чуть было не налетела на неспешно прогуливающийся патруль. Офицер в красном с белыми полосками мундире нахмурил было коротко подстриженные брови, но, на счастье, его внимание было отвлечено внезапным шумом на площади.

Студенты - их стало вдвое больше - стайкой стояли у широких ступеней университета и вдохновенно дразнили парочку вертлявых девиц в ярких, крикливых нарядах. Из того, как незлобливо и даже благосклонно огрызались девицы, можно было заключить, что ученые юноши знакомы с ними довольно давно и достаточно близко. Офицер стражи, а с ним и его солдаты, с интересом наблюдали за перебранкой.

Между тем к университетскому крыльцу вышел старик в пышном парике, в черном балахоне и с массивной цепью на шее. Студенты притихли, как мыши, девицы с разгону хихикнули несколько раз и смешались с толпой. Старик, исполненный негодования, что-то сурово выговаривал почтительно застывшим юношам, голос его напоминал звуки, издаваемые ученым скворцом. Закончив нравоучение, старик с минуту постоял молча - для внушительности - и удалился в храм науки. За ним, хихикая в рукава, цепочкой потянулись студенты. Последний, со связкой книг, проходя между змеей и обезьяной, дружески хлопнул мартышку по деревянному заду.

- Смотри! - девчонка дернула Ильмарранена за рукав.

По площади все так же степенно и неспешно шли четверо в капюшонах, неотличимые от тех, встреченных Руалом и Тилли возле памятника священному привидению. Девчонка набралась

решимости и спросила у добродушной цветочницы:

- А кто это, тетенька?

Тетенька оказалась весьма разговорчивой особой, она всплеснула руками так, что ее хризантемы согласно закивали головками:

- Как ты можешь не знать, девочка? Это воины священного привидения Лаш! Они следят за тем, чтобы живущие выказывали привидению свой трепет и почитали его. Они совершают некие тайные обряды в башне, а потом передают всем священную волю Лаш, и с этой волей считаются и мэр, и судья, и начальник стражи!

Тут цветочницу отвлек розовощекий франт, заинтересовавшийся ее товаром.

Руал и Тилли переглянулись и двинулись дальше.

Приостановившись у входа в университет, Ильмарранен не выдержал и подошел к деревянной обезьяне. Ее зад был отполирован до блеска поколениями шкодливых студентов, и Руалу вдруг мучительно захотелось носить треугольную шапочку с бахромой и замирать под взглядом строгого профессора. Он шагнул к дверям, но войти не решился, только вспомнил на мгновение пряный запах книжной пыли, и узоры прожилок на деревянной столешнице, и как немеет щека, когда засыпаешь над фолиантом... Тилли нетерпеливо тянула его за полу, он сдержал вздох и пошел прочь.

Вертелся людской водоворот, зазывали торговцы; Тилли, возбужденная сверх меры, крутилась у всех под ногами и как-то особенно преданно заглядывала Руалу в глаза. Он усмехнулся, видя, как удивляет ее большой город и как он ей нравится. Его толкнули, толкнувший - весьма приличного вида господин в длиннополом кафтане - мимоходом извинился, Руал извинился тоже. Между ними шмыгнула Тилли, подмигнула Ильмарранену круглым веселым глазом. Мимо протопал патруль.

- Караул! - отчаянно закричали у Руала за спиной. Он обернулся.

Господин в длиннополом кафтане держался рукой за грудь, и Ильмарранен подумал было, что у него сердечный приступ.

- Караул! - снова закричал господин. - Кошелек! Только что был, украли! Держи вора! Патруль! Мелькнула в толчее до смерти перепуганная рожица Тилли, а офицер в красном с полосами мундире и его солдаты уже стояли рядом, сурово оглядываясь и с подозрением всматриваясь в лица. В толпе возникло замешательство.

- Держи вора! - снова закричал длиннополый господин, а офицер рывкнул:

- Всем стоять на месте!

Солдаты обшаривали толпу глазами. Честные обыватели тоже всю вертели головами, высматривая вора, который, конечно, не успел уйти далеко.

Тилли оказалась рядом с Ильмарраненом, бледная, с лихорадочно блестящими глазами. Вцепилась судорожно в его куртку. Руал удивился:

- Ты чего?

Тилли молча мотнула головой, а офицер и солдаты тем временем приближались. Какого-то подозрительного парня из толпы тщательно обыскивали под причитания пострадавшего.

- Вор! Вор! Держи вора! - прозвенел вдруг напряженный, почти что детский голосок. Руал огляделся - девчонки рядом уже не было.

Тилли, подумал Руал с неудовольствием. Вот еще не хватало, ну куда она лезет, дуреха?! Он поискал девчонку глазами.

Тем временем офицера стражи дернули за мундир, он наклонился, подставив кому-то ухо, потом выпрямился и двинулся сквозь толпу:

- Посторонись! Посторонись!

Руал поднялся на цыпочки и увидел Тилли. Тилли тоже увидела Ильмарранена, и глаза ее радостно загорелись:

- Вот, господин офицер! Вот он!

- Посторонись! - рывкнул офицер на зазевавшихся, протолкнулся к Руалу и крепко взял его за

локоть. Солдаты подоспели следом и стали вокруг них кольцом.

- В чем дело? - спросил Руал, похолодев, но стараясь говорить спокойно.

Вместо ответа офицер вопросительно взглянул на Тилли. Та радостно закивала:

- Он, он! Вы обыщите его, господин офицер, кошелек-то при нем!

Руала будто ударили в лицо. Он пошатнулся, и, не веря еще, одними губами спросил у девчонки:

- Ты что, ополоумела?!

В этот момент его локти завели назад, сноровистые руки прошли по его бокам, выудили из широкого кармана пастушьей куртки толстый кожаный кошелек:

- Это что же, а?

Руал смотрел на кошелек, и перед глазами у него сгущалась пелена. Дрогнули колени... Тилли? Зачем? Безумие...

- Я спрашиваю, чей это кошелек? - повысил голос офицер. Руал поднял голову - как же они потешно вырывают брови, эти стражники.

Его уже вязали. Подоспевший длиннополый господин опознал кошелек и был счастлив сверх меры. Где-то там, на краю Руалового сознания, стрекотала Тилли: "А я увидела, как он кошелек вытащил - и в карман... Я с люльки глазастая, ясно?" Сын спрашивал отца: "Папа, это вор? А что ему будет?" Отец отвечал степенно: "Руку отрубят и уши... Чтоб не повадно".

- погоди-ка, - сказал офицер и полез Ильмарранену за пазуху. Руал дернулся, ему заломили локти, офицер тем временем вытащил на свет небольшой грязный сверток.

- Это мое! - крикнул Руал.

Офицер оскалился:

- Ишь, ты...

Упала на мостовую тряпочка. Золотая спинка, изумрудные глаза.

Ахнули зеваки:

- Золото... Да ты глянь!

Тилли издала громкий стон досады.

Начальник патруля усмехнулся недобро:

- Да ты, никак, уже поработал, и на славу...

И приказал солдатам:

- Ведите!

Его волокли через толпу, и над головами носилось: вор, вор...

Люди расступались, тыкали пальцами, кто-то кинул камнем, а небо с черепичными крышами вертелось над его головой, вертелось все скорее и скорее, и с каждым шагом он забывал вкус травы, и цвет вина, и пряный книжный запах.

Карета осталась на постоялом дворе - мы тронулись в обратный путь налегке, верхом. Ларт торопился, и скакали мы от рассвета до заката; в одну пеструю ленту слепились города и поселки, проносившиеся мимо, исчезающие за спиной.

Где-то на полпути нам пришлось заночевать под открытым небом, разложив костер на берегу озера-болотца. Водоем этот питался хилым родничком, с трудом пробивавшимся из-под кочки у самого берега.

Небо удивленно пялилось на нас тысячами блестящих глаз; в камышах возилась жутковатая ночная живность. Я дремал, завернувшись в плащ, а Ларт сидел, уставившись в огонь, и время от времени выписывал по воздуху огненные узоры палочкой с угольком на конце. Узоры зависали в воздухе, дрожали, распадались, гасли.

- Нет мне удачи, - говорил Ларт костру. - Бесплодные поиски, напрасные усилия... - тут огненная картинка задержалась в воздухе дольше обычного, вспыхнула и рассыпалась цветными искрами. Я вздохнул тяжело и закрыл глаза, но сон не шел, вспоминались ржавое золото, пламя

костра оборачивалось пламенем пожара. “Огонь, загляни мне в глаза”...

Поворочавшись, я поднялся. Под утро становилось холодно, наползал от болота гнилой туман, а мне вдруг захотелось пить так сильно, что, оставив задремавшего Ларта, я отправился на поиски немого родничка.

Я нашел его по звуку - неуверенному, но различимому в предутренней тишине журчанию. Осторожно, бочком спустившись к самому озерному берегу, я наощупь подставил родничку ладони, а потом и пересохшие губы.

Возня в зарослях приутихла; передо мной лежало зеркало чистой, не завоеванной камышами воды, и в зеркале этом отражались неохотно бледнеющие звезды. Я уперся ладонями в мокрую траву у берега и увидел свое отражение - темный, подрагивающий на воде силуэт. Едва светало.

С носа моего упала в озеро капля, разошлись круги по зеркальной поверхности, и, обомлев, я увидел в воде другое отражение - силуэт стоящего за моей спиной человека.

- Хозяин? - спросил я шепотом.

Силуэт качнулся, и я почему-то понял, что это НЕ хозяин. Страшно, сухо зашелестели камыши.

Я медленно выпрямился, оглянулся назад - и не увидел никого!

Плеснула в озере рыбешка - наверное, большая. Снова смотреть в воду я не стал.

Отпрыгнув в сторону, как заяц, я опрометью поскакал туда, где остывал прогоревший костер, где спал в неудобной позе ни о чем не подозревающий Легиар:

- Хозяин, хозяин!

Нет, он уже не спал. Он сидел, нахохлившись, и смотрел исподлобья на того, другого, что стоял, протянув руки над розовыми угольями.

Серело небо.

- Долго же пришлось тебя дожидаться, Орвин, - сказал Легиар прохладно.

- Есть вещи, которые не повинуются даже магу, - хрипло отозвался пришелец.

Да, это был добрый знакомец Орвин, исхудавший, с еще более ввалившимися и еще более воспаленными глазами, понурый, опустошенный. И куда девался тот сумасшедший напор, с которым он явился в наш дом три месяца назад!

- Дамир, - бросил Ларт через плечо. - Костер, быстро!

Отсыревшие в росе поленья занимались плохо, а хозяин и не думал мне помогать.

Прилежно дуя в едкий, противный дым, я увидел, как качнулся в протянутой руке Орвина медальон на цепочке:

- Вот, Легиар. Почти полностью. Ржавчина.

Ларт поднялся, потянулся было к медальону, но касаться его не стал, а принялся выхаживать вокруг, подминая ботфортами мокрую осеннюю траву. Остановился резко:

- Ты нашел его? Того, о ком я просил?

Орвин качнул головой. Ларт пустился вышагивать снова, решительнее, и все скорее.

- Я не могу найти его, - медленно сказал Орвин. - И ты не можешь. Он не маг, у нас нет связи... Вот если бы у тебя сохранился принадлежащий ему предмет... Пуговица, пряжка...

- Я не дама, чтобы складывать безделушки в шкатулку, - отрезал Ларт, - а он мне не возлюбленный, чтобы хранить его вещи.

- Хорошо бы кровь, - сказал тихо Орвин. - Хорошо бы хоть каплю его крови. Можно было бы проследить.

Ларт поддал носком сапога подвернувшуюся под ноги палочку, та описала дугу и ударилась о трухлявый пенек:

- Хватит об этом... Ильмарранена ты не нашел. Я же не нашел ничего, что продвинуло бы поиски твоей Третьей силы хотя бы на волосок. Твой медальон ржав, как гвоздь в кладбищенской ограде... Что еще?

Я призадумался, услышав имя Ильмарранена. Очевидно, та мысль, что все последнее время занозой сидела в Лартовой голове, напрямую была связана с этой ходячей легендой. А теперь оказывается, что хозяин давно уже пытался разыскать Маррана. А зачем?

- Я с самого начала все сделал неправильно, - пробормотал Легиар. - Я разыскивал ее, приманивал ее, собирал слухи, в то время как... - он запнулся.

- В то время... - эхом отозвался Орвин. Ларта передернуло:

- В то время как по миру бродил Марран. Марран, которого мы вывели из игры... Да, потом я освободил его, освободил вопреки договору с Эстом, но я даже не знаю, в порядке ли у него рассудок! Небо, да кто же оправится от такого удара!

Он зашагал еще быстрее, под ногами у него была уже протоптана дорожка - черная дорожка в росистой траве.

- Ты думаешь... - пробормотал Орвин.

Ларт встал - разлетелись из-под ботфорт комья земли:

- Я не думаю. Я даже не хочу думать об этом. Он лишился магического дара... Пожалуй, он и мог бы оказаться магом, который не маг, тем самым, о котором говорится в прорицании... Но он раздавлен, он уничтожен, я ни на секунду не принимал его во внимание!

Он со свистом втянул воздух, потом его плечи вдруг опустились, и он выдохнул с тоской:

- Эх...

От этого горького "эх" что-то во мне болезненно сжалось. Нечасто, ох как нечасто мой мрачный хозяин позволял себе подобные интонации.

- Ты не принимал его во внимание, потому что тебе не хотелось, - тихо сказал Орвин. - Ты просто не желал видеть его Привратником. Маррана...

Ларт свирепо на него взглянул:

- Не говори ерунды... - крутнулся на каблуках и снова принялся расхаживать, рассуждая, как

ни в чем не бывало:

- На многие наши вопросы мог бы ответить старый Орлан из предгорий. Мог бы, если б не умер в одночасье, увидев нечто в Зеркале Вод... А до этого в Зеркале был кто-то, преследуемый невидимым и неосязаемым, страшным спутником... Кто это был? И кто его преследовал?

Орвин сидел, неудобно задрав голову, следил воспаленными глазами за Лартом, который бросил наконец расхаживать и остановился прямо перед своим молчаливым собеседником:

- Что ж ты, Прорицатель? Кто Привратник? Откуда явится Третья сила и куда она нанесет удар? Есть ли вообще ответы на эти вопросы?

- Ответы уже здесь, - тихо отозвался Орвин. - Во мне прорицание. Я вынашивал его много дней и ночей. Теперь оно здесь, и мы все узнаем.

Он говорил, будто оправдываясь, а я весь покрылся мурашками, и Ларт, мой невозмутимый хозяин, переспросил внезапно севшим голосом:

- Что?

- Сегодня, - кивнул Орвин. - Через несколько минут... А пока сядь, пожалуйста, Ларт. Ты такой высокий, у меня шея болит...

Неподалеку от озера три сосны росли треугольником. Это их и погубило, потому что для прорицания понадобились три огня.

И Ларт зажег три огня, и сосны пылали сверху донизу.

Было очень страшно, но я стоял и смотрел, как между трех огней встал Орвин, и в глазах его плясало пламя, и он достал из-за пазухи ржавый амулет и посмотрел в прорезь.

И голос его без усилия покрыл рев огня:

- Извне, она идет извне! Она пришла. Один день, один час, один человек. О горе! Чудовища пожирают живущих... И вода загустеет, как черная кровь. И ветви поймут в липкую паутину всех, имеющих крылья. И земля присосется к подошвам имеющих ноги. Но стократ хуже имеющим

магический дар! Горе, горе... Один день, один час откроют ей двери. Один человек. Привратник. Горе, она здесь!

- Кто Привратник?! - закричал что есть силы Ларт, и прорицатель услышал его, хотя огонь выл, пожирая сосновые кроны, мечась по стволам:

- Привратник. Он маг и не маг. Он предал и предан. Только Привратник откроет дверь, только Привратник, только один день, один час!

- Кто Привратник?! - надрывался Ларт.

- Он... лишен дара. Он был всемогущ и стал беспомощен. Он изменил и ему изменили... Он измененный и изменившийся. Только он! Он откроет, и ЭТО войдет, но не раньше! Земля закричит разверстыми могилами... Воздух станет тяжел и погребет под собой... Погребет... Как пусты лица, лишенные глаз! Но не раньше, чем Привратник откроет!

Сосны закачались вдруг, как огромные факелы в неверных руках. Ларт кинулся на Орвина и увлек его из треугольника, и вовремя - деревья рухнули одно за другим, подняв целый смерч пляшущих искр. Маги едва успели увернуться, а я - я давно уже отбежал подальше и оттуда смотрел, дрожа, как полыхает исполинский костер.

...Оттерев с лица жирную копоть, Легиар сказал бесстрастно:

- Теперь я знаю точно. Я знаю, кто Привратник. Я сам его создал. А теперь я убью его, найду и убью прежде, чем он откроет ЕЙ дверь.

Он стиснул зубы до хруста, потом резко вскинулся:

- Вперед. Пока не поздно. Я знаю, я понял, как его найти.

Зал суда был устроен проходным - в одну дверь палач выволакивал молящего о пощаде осужденного, в другую стража вводила следующего злодея для нового разбирательства. Судья едва успевал подписывать бумаги, которые подсовывал ему примостившийся на низкой скамейке секретарь-писец. Шлепала круглая печать в лужицу сургуча, росла стопка приговоров рядом с

помещавшимся тут же, на столе, устрашающим символом правосудия - игрушечной виселицей с казненной куклой.

Ильмарранена ввели в зал сразу после мошенника-торговца, приговоренного к публичной порке. Угрюмый стражник поставил Руала перед судьей, вернее, перед его тусклой лысиной, ибо вершитель правосудия как раз склонился над какими-то бумагами.

- Имя? - безучастно спросил маленький серый писец.

Руал разлепил запекшиеся губы:

- Мое имя не для твоих ушей, холоп.

Сидящий за столом хмыкнул и поднял голову. Руал вздрогнул - у судьи было благообразное, ухоженное лицо с двумя холодными дырами вместо глаз.

- Руал Ильмарранен, - сказал судья тихим, бесцветным голосом. И уронил сухой смешок: хе...

Руал судорожно вдохнул. Он не называл Тилли своего полного имени.

- Руал Ильмарранен, - продолжал судья, - пойман с поличным на мелкой краже. К тому же...
- он сунул руку куда-то под стол и извлек оттуда золотую ящерицу. Руал бессознательно шагнул вперед. Стражник придержал его за локти.

- Это ваша вещь, Ильмарранен? - спросил судья небрежно, в то время как его глаза-дыры прошивали Руала до костей.

- Моя, - хрипло сказал Руал.

- Хе, - снова смешок, от которого мороз продирает по коже. - Эта вещь принадлежит некоему герцогу, некоему неудачнику-герцогу, которого однажды пользовал

своими

знахарскими

снадобьями

самозванный гадалыщик-предсказатель... Как его звали, Ильмарранен, вы не помните?

Руал покачнулся.

- Хе, - судья внимательно за ним наблюдал, - я давно жду, Ильмарранен, жду, когда вы попадетесь... Дружок, - обратился он к писцу, - оставь эту пачкотню, тут совсем особый случай... Скажи на входе, пусть не беспокоят пока... И позови господ обвинителей.

Писец скрипнул скамейкой и засеменил к двери. Руал, который успел овладеть собой, угрюмо смотрел прямо в буравящие его глаза, пока судья не вытянул палец и не качнул им тряпичного висельника в петле:

- Так на чем мы остановились... Ага, - он порылся в бумагах, - выдал себя за знахаря... К этому вернемся позже. Украл золотую статуэтку... - судья прихлопнул ящерицу пухлой рукой. Руала передернуло.

- Дальше, - ровно продолжал судья, разбирая бумаги. Мягкие и розовые его пальцы поглаживали шпионские донесения, поглаживали нежно, будто трогательные любовные письма:

- Интересная закономерность... Господину Ильмарранену нравится присваивать себе власть над людьми и явлениями... Вот он выдает себя за ясновидящего, но - увы! - ему везет меньше, нежели в случае с герцогом. А вот, погодите-ка... Да, снова ворожба, знамения, господин Ильмарранен с удовольствием пророчит перед толпой... Превращает оборотня в собаку... До чего же все-таки глупа эта деревенщина! Вот еще, оружие погнулось вроде бы само собой, и какой-то скелет, впряженный в телегу... Вам не откажешь в изобретательности! Однако все это, вместе взятое, как-то жалко выглядит, не так ли?

Судья, казалось, расцветал с каждым словом. Он загонял слова Руалу под ногти, сдирал словами кожу и словами же втоптывал в грязный каменный пол.

Руал вздрагивал под ударами, пытался вспомнить лицо вдовы из поселка с пчелами и расписными кувшинами, и как пес тыкался ему в колено, ища защиты и покровительства... Вместо этого напоздали одна на другую рожи и хари, и бился на траве невинно истязаемый юноша, на

которого он, Руал, возвел напраслину. Стаканы... У него в руках треснул стакан.

- Хе... - снова сказал судья. Игрушечный висельник качался все медленнее.

- Вы... подослали мне девчонку? - спросил Руал с трудом.

Судья удовлетворенно откинулся на спинку кресла:

- А, маленькая бродяжка, что выдала вас правосудию? Вам было бы легче услышать, что все подстроено заранее, что эта соплячка оказалась шпионкой?

Судья, казалось, был в восторге, он качал головой и потирал руки. Потом, помучив Руала наизнанку выворачивающим взглядом, сказал мягко:

- Нет, Ильмарранен. Это не наша девчонка. Вы **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** спасли ее там, на дороге. Она **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** к вам привязалась. Это на помешало ей гнусно предать вас при первом удобном случае. Согласитесь, что гнусно, Ильмарранен?

Распахнулась входная дверь за Руаловой спиной, судья нахмурился было, но, очевидно, вошли те, кого он ожидал увидеть.

- Приветствую, господа обвинители! - он даже привстал вошедшим навстречу.

Совсем близко от Руала прошелестела грубая ткань плащей, и двое из воинства Священного Привидения Лаш, оба покрытые капюшонами, оба хмурые и исполненные значительности, подступили с двух сторон к судейскому столу.

- Вот Руал Ильмарранен, - сказал судья, указывая им на Руала. - Вы познакомились с документами по его делу. Хотите ли вы сказать что-либо относительно его установленных и занесенных в протокол деяний? Или Священное Привидение равнодушно к проступкам такого рода?

Тот из служителей Привидения, что был пониже и помоложе, вскинул голову так, что капюшон полностью открыл его лицо. Он был, очевидно, тяжело болен - кожа его казалась серой и дряблой, под глазами набрякли тяжелые мешки.

- Священное Привидение слышит меня, - сказал он неожиданно низким голосом. -

Свидетельствую и обвиняю. Человек по имени Ильмарранен неоднократно выдавал себя за мага, либо провидца, либо знахаря, таковым на самом деле не являясь. Неправедное присвоение магического звания признается Священным Привидением проступком тяжелым и оскорбительным для Лаш. Священное Привидение требует публичного отречения вышеозначенного Ильмарранена от права называться когда-либо и до смерти включительно магом, а также провидцем, а также знахарем, отречения с последующим заключением в темницу. В случае неотречения Привидение настаивает на казни через усечение головы. Слава Священному Привидению!

Он поднял глаза к потолку, а потом уронил голову на грудь, и капюшон снова закрыл его лицо. В зале суда на несколько минут стало тихо, как на уроке строгого учителя.

- Хе, - не то усмехнулся, не то кашлянул судья. - Отречься будем завтра, в День Премноголикования, сразу после парада и перед народными гуляниями. Это будет внушительное и поучительное зрелище.

Прилетела откуда-то толстая муха, уселась на игрушечную виселицу. Ловким жестом прирожденного охотника судья поймал муху и казнил ее через задушение в кулаке.

- Нет, - сказал Руал устало. - Поучительного зрелища не будет. Перед вами, - он оттолкнул стражника и с трудом выпрямился, - парад вами стоит великий маг, может быть, величайший из всех живущих. Если вы не можете этого понять - ваша беда. Отречься? - и он засмеялся. Сначала было трудно, смех выходил жалкий, но потом будто пробку выдернули у него из горла, и он расхохотался по-настоящему, звонко, заливисто, как никто никогда не смеялся в этом пыльном и страшном зале.

Судья смотрел на него без улыбки, настороженно поводя холодными дырами-глазами. Двое из воинства Привидения стояли безучастно - капюшоны скрывали их лица.

Руал отсмеялся, и ему стало легче. Ему стало совсем легко, и даже жалко этого старика с его игрушечной виселицей.

- Я огорчил вас? Извините, - сказал он с улыбкой.

- Хе, - ответил судья. Двое в капюшонах, как по команде, повернули к нему головы.

- Зрелище будет, - сказал судья. - Исключительное зрелище... Вкусное зрелище... Ах! - Он сладко зажмурился и поцеловал от удовольствия кончики пальцев. - Сразу же после парада и перед народными гуляньями назначим вместо отречения казнь. Вельмож казнят через укушение ядовитой змеей, бродяг вешают. С тобой поступят сообразно воле Привидения: усекновение головы. Итак, у господина великого мага будет повод продемонстрировать свое могущество, не так ли?

- Хе! - ответил ему Руал.

Ночь накануне вкусного зрелища он провел в яме, в затхлом каменном мешке.

Струилась вода по липким целым стенам, собиралась в лужу на полу. Руал сидел, скорчившись, и потихоньку бредил.

Виделась ему высыхающая под солнцем трава, и круглые камушки в прибое, и муравей во впадинке, маленькой впадинке на девичьей шее.

- Ты... Ты... - бормотал он невнятно, и прыгало эхо, чуткое эхо тюремного колодца.

Вспоминался тугой горячий ветер в лицо, и как непривычно ощущать перья на своей человеческой коже, и земля внизу, подернутая туманом, и небо, как гигантский опрокинутый бокал... И просто треск камина зимой, и просто горячее вино у камина.

Не убивайте меня. Ну что за беда - маг ли, не маг?

Богач транжирит деньги из бездонного мешка, пичуга на ветке думает, что лето бесконечно. А потом рука наталкивается вдруг на последнюю монетку, падает снег на зеленые листья - это несправедливо и неотвратимо. Вот моя жизнь - лаковая игрушка, яркая дорогая игрушка, и вот ее сломали, я сам ее разломал, так хотелось посмотреть - что внутри? Из чего сделана любовь? Хрусь - и нет любви... И я так и не понял, как она устроена... Новая игра, снова - хрусь... Да кто он мне такой, Ларт? Кем он был мне? Кто был я сам? Кому я нужен? Небо, зачем?

Потом он, кажется, даже задремал, и в полусне увидел обоих.

Они тогда взяли его в клещи - разъяренный, скрученный ненавистью Эст и оскаленный, взбешенный Легиар:

- Ты что же, щенок? Ты о чем с Хантом поспорил?

Тогда он понял, что влип, что это серьезно, что ему не справиться сразу с двумя. Попытался шутить - улыбка сползала с его лица, не держалась, не клеилась.

- На две стороны смотришь? - со страшным прищуром спрашивал Эст. - В два гнезда червячков носишь? Двумя куклами вертишь, кукловод, и с мельником об заклад бьешься?

- Марран... - сказал тогда Легиар, и тоска в его голосе была страшнее, чем Эстова ненависть, - что ж ты так поторопился? предавать, так сразу обоих?

- Я не предавал! - заходился Ильмарранен, но веры ему, конечно, не было, ибо лгал он и раньше, лгал обоим, и радовался своей изобретательности, и выдумке, и хитрости...

- Будь проклят, - сказал устало Легиар.

- Будь проклят! - повторил Эст.

И тогда вдвоем они парализовали его волю, лишив возможности оправдываться и сопротивляться. Хлестали искры из их простертых пальцев, опутывали его сетью, он метался в этой сети, становившейся все чаще и прочней. И скрючились его руки, и судорогой свело ноги, и он слышал сквозь вой крови в ушах, слышал, переставая быть человеком:

- Проклят, предатель! Мебель, вещь!

Тот же, кто долго пробудет вещью, навсегда лишается магического дара!

И три года, три года ты, Ларт, ходил мимо, и вешал плащ на мои онемевшие пальцы, и знал, отлично знал, что с каждой секундой, с каждым мгновением я теряю по капле, как кровь, счастье быть магом, теряю безвозвратно, потому что никто в этом мире не в состоянии вернуть мне мою суть, мой смысл, мой магический дар... Не ты давал мне его, тебе ли отбирать?!

А ты, Эст? Я помню твою шубу... И глаза твои помню, испытующие, тянущие такие глаза... Ты

сказал тогда: “Здесь он уместен, как нигде более”... И стер ладонью пыль с моего деревянного плеча!

От одного этого воспоминания Ильмарранена бросило в жар. Он забился на скользких каменных плитах, кусал до крови губы, и пальцы, и руки...

Небо, единственное, для чего бы стоило выжить - это вернуть вам долг, маги. Вернуть долг той же звонкой монетой.

Парад наконец закончился, поговаривали, что это был лучший парад за последние пять лет. На каждом углу продавали леденцы на палочках и пирожные в виде кремовых грозовых туч со свешивающимися мармеладными молниями. Дети восседали на плечах отцов, подружки несмело стискивали влажными пальчиками онемевшие от смущения ладони дружков.

Гуляние никак не начиналось - все ждали назначенного на это время исключительного зрелища.

И вот наконец по толпе прокатилось оживление, а затем волна восторженных воплей и хохота.

На улицы выехала большая открытая повозка с установленной на ней узкой обезьяньей клеткой. В клетке, прикрученный за руки к прутьям, стоял человек в нелепом цветастом балахоне; на голову его был напялен шутовской колпак, напоминавший в то же время остроконечную шапочку чародея. Вокруг клетки водили хоровод ярмарочные актеры; вот повозка выехала на площадь и встала.

С высокого балкона наблюдал за представлением судья.

- Почтеннейшая публика! - обратился к людям зазывала. - Перед вами великий маг Ильмарранен. Кто хочет убедиться в его могуществе?

Откуда ни возмись, в толпе замелькали чепцы торговков зеленью. В корзинках у них лежали специально для этого случая приготовленные овощи - гнилые яблоки и тухлые помидоры. Люди недоуменно переглядывались.

- Ну же! - подзадоривал зазывала. - Кто решится первым вызвать ужасную магическую месть?

Может, он поразит вас молнией? Или ударит громом? Проверьте, что будет с великим магом, если в него чем-нибудь запустить?

В толпе посмеивались, но первым швырнуть яблоко никто не решался.

- О, как страшно! - зазывала закатил глаза. - Неужели никто не осмелится попробовать?

Руал оглядывал толпу - радостные, любопытствующие, возбужденные зеваки. И стайкой выбирались прочь несколько хмурых, нахохлившихся студентов. Один обернулся - Руал узнал парня, похлопавшего по заду деревянную обезьяну - и горько, сочувственно взглянул в сторону человека в клетке.

К повозке тем временем протолкнулся мальчишка лет десяти, потрясая тухлым помидором, широко улыбнулся.

- Молодой человек решился! - обрадовался зазывала. - Подойди ближе, дружок, и бросай посильней!

Кто-то из актеров поставил мальчишку на повозку, тот подошел к клетке почти вплотную - толпа замерла - примерился, целя Ильмарранену в глаз.

Руал смотрел на него сквозь прутья - мальчик как мальчик. Плотный, светловолосый, на носу царапина. Встретился с Руалом взглядом, гикнул возбужденно, прицелился и бросил. Р-раз!

Ахнула толпа. Ильмарранен поднял лицо, залитое зловонной кашцей. Руки его были привязаны, он даже не мог обтереться.

- Где же испепеляющая магическая молния?! - комично ужаснулся зазывала.

Громко захохотал мальчишка и соскочил с повозки, потому что со всех сторон в нее тут же полетели гнилые овощи.

Руал сжался, вздрагивая от ударов; прутья не защищали его, а уклониться он не мог. Зазывалы не было слышно - так свистела и улюлюкала площадь.

Светлое небо. Смерть - понятно. Пусть казнь, пусть самая страшная. Только не... не...

Залитый нечистотами, он пытался отвернуть лицо, но зрители целились метко. Шлеп! Шлеп! Ну до чего он смешно дергается, поглядите!

Наконец, корзинки зеленщиц иссякли, улюлюканье поутихло, и зазывала объявил следующий номер - “Фарс о Великом Ильмарранене”.

Один из паяцев, натянув на голову такой же, как у Руала, дурацкий колпак и измазав щеки гнилым помидорным соком, принялся изображать Великого мага Ильмарранена, творящего чудеса. Надсадным фальцетом “маг” выкрикивал:

- Я Ильмарранен, я всемогущ! Я так ловко превратил оборотня в собаку, крысу в молочного поросенка под соусом, а всех прочих в полных идиотов!

Остальные актеры, внимая “магу”, преувеличенно разевали рты, выкатывали глаза и воздевали руки, восклицая с фальшивым благоговением: “О чудо, чудо!” Стоило шуту, однако, попытаться произнести заклинание, как куцые его штаны внезапно падали до колен, и толпа разражалась радостным смехом, а актеры заводили веселую песню, заканчивающуюся словами “Уж как страшен, как могуч, великий маг навозных куч!”

Руал тяжело дышал, вцепившись в прутья, к которым были надежно привязаны его руки, смотрел на щелястое дно повозки, все в темных потеках, и пытался плечом вытереть залепленное гнилью лицо.

Паяц, наряженный “магом”, заметил это. Прервав представление, он подскочил к клетке, подмигнул публике, взялся руками за воображаемые прутья перед собой и скопировал Ильмарранена, скопировал виртуозно, точно - и выражение его грязного лица, и позу, и движение. Площадь грохнула хохотом. Руал вздрогнул - паяц поймал и это, поймал и повторил, смешно кривляясь. Люди надрывали животы. Актеры снова запели песню о Великом маге, и повозка тронулась.

Его возили по городу, останавливаясь ненадолго на главных улицах и площадях. Шут в колпаке рассказывал всем о “подвигах” Ильмарранена, не упуская случая передразнить его случайное

движение. Время от времени кто-то из публики запускал в Ильмарранена тухлым яйцом, и когда по щекам его стекали желтые потеки, зазывала спрашивал сочувственно:

- Ну, не отомстить ли магическим ударом? Смерчем, землетрясением? Мы же всемогущи, не так ли?

“Уж как он страшен, как могуч, великий маг навозных куч!” - распевали актеры.

Маленькая девочка, сидящая на плечах отца, размахнулась и бросила в Руала чем-то, больно ударившим его по носу.

Ильмарранен разрыдался.

Он рыдал и бился о прутья клетки, а шут передразнивал его всхлипы и судороги, и толпа улюлюкала, и стекали по Руалову лицу не слезы, а грязные вонючие потеки.

В одну отвратительную рожу слились все лица площади, и лица всех живущих на свете слепились в одну харю, глумящуюся, разевающую в хохоте слюнявый рот, и черная ненависть, нет, нечто гуще и тяжелее ненависти заполнило его всего, без остатка, до кончиков пальцев, до корней волос. Выжечь все, выжечь, как извергнувшаяся из вулкана лава выжигает траву и кусты... Лава... Он был лавой. Он уже был.

Выжечь!

Действо тем временем приближалось к концу. Сгущались сумерки, чадили двадцать четыре факела вокруг свежесколоченного помоста. Плаха была круглая и размалеванная, как барабан. Стражники, демонстративно затыкая носы, извлекли Руала из клетки и вытолкнули на помост.

Вслед за ним, кряхтя, поднялся судья в сопровождении двоих, покрытых капюшонами. Развернул изукрашенный свиток, оглядел переминающуюся толпу, отдал свиток маленькому серому писцу. Все это Руалу виделось сквозь мутную красную пелену.

Писец читал плохо, без выражения, некоторые слова трудно было разобрать:

- Несправедливое ение магического ания карается...

- Ну скорей, скорей, скорей! - волновалась толпа.

На другом конце площади вспыхнул фейерверк.

В наступающей темноте из ничего возникали огненные дворцы, били синие фонтаны, осыпаясь искрами в каменный бассейн, вращались колеса, на которых вертелись колесики, на которых крутились маленькие цветные волчки. С треском взлетела в осеннее небо гроздь зеленых огней.

Судья оглядел Ильмарранена глазами-дырами, хмыкнул, спросил с отеческой заботой в голосе:

- Ну, может, отречемся все-таки? Покаемся?

Руал вздохнул судорожно, и его вырвало. В публике свистнули. Судья брезгливо отступил.

Палач, изящный молодой человек в красной накидке, взял Ильмарранена сзади за шею и нагнул, опустив его подбородок в специальное углубление на плахе. Потом примерялся топором - Руал шеей ощутил прикосновение ледяного, как змея, лезвия.

- Ну, Ильмарранен? - где-то далеко-далеко прошелестел судья. - Последнее чудо, не так ли? Впрочем, у вас есть шанс исправиться...

На помосте зазвонили в колокольчик - внимание, мол, публика.

Выжечь... Он был потоком лавы, огненным, темно-красным, он огибал валуны, немо кричащие от ужаса, растения умирали от его прикосновения, огромная гора извергла его из раскаленного нутра, извергла под небо, под звезды...

Он приподнял над плахой лицо, облепленное коркой нечистот. Выговорил сухим, будто обуглившимся, языком:

- Вы... получите... свое чудо.

Кто-то нажал на его затылок и снова ткнул подбородком в углубление. От удара Руал прикусил язык.

- Ну, Ильмарранен?! - в последний раз спросил судья.

- Ма-аг... - прохрипел Руал.

Опустился топор.

Он падал долго, красиво и мощно, и он на палец ушел в дерево.

Ахнула толпа. Отскочил судья. Дрогнули факелы в руках стражников.

Плаха была пуста.

Топор торчал из пустой плахи, чистый, без единой капли крови.

- А-а-а! - завизжал кто-то из передних рядов зрителей. Задние привстали на цыпочки.

Бледный, схватился за сердце судья.

Топор помедлил и рассыпался огнями фейерверка.

Эту скачку я буду помнить всю жизнь.

Мы неслись сумасшедшим галопом - я за спиной у Ларта, Орвин на моей лошади. Над нами танцевали звезды, а под копытами была пустота - так, во всяком случае, мне казалось. Ларт что-то кричал - отчаянно и зло; внизу, в темноте, мерцали неясные тени, огоньки, и в вое ветра отчетливо слышались обрывки сухо клацающих, непонятных, пугающих фраз. Волосы дыбом стояли у меня на голове, пальцы сводило судорогой. Нам навстречу вставал новый рассвет.

А еще через два рассвета я опомнился у подножия холма, того самого до мелочей знакомого холма, на который с замирающим сердцем поднялся три года назад, отправляясь наниматься к чародею. Лартов дом смотрел на нас сверху, тихо радуясь возвращению хозяина.

Но Ларт не стал заходить домой. Он забыл, что людям положено есть, пить и спать. Как потерянный, он бросил поводья, сошел с дороги и побрел по траве, всматриваясь во что-то у себя под ногами.

На плоском выщербленном камне лежала ящерица, последняя осенняя ящерица грелась в последних теплых лучах. Она не шевельнулась, когда подошел Ларт. Она не убежала - возможно, не могла - когда он опустился рядом на землю и заглянул в крохотные глаза - сначала один, потом

другой. На секунду мне показалось, что ящерицу и мага соединяет натянутая до звона нить; потом ящерица спросила:

- Кто это?

Может быть, это и не ящерица спросила, но я точно слышал голос - женский, низкий и напряженный.

- Легиар, - сквозь зубы ответил Ларт.

Ящерица рванулась:

- Что тебе нужно?

- Говорить с тобой, - отозвался Ларт, не отводя прищуренных глаз.

- Я не стану... - ящерица снова рванулась, сильно, судорожно; она явно пыталась вырваться из чего-то, мне не видимого, пыталась долго и отчаянно, пока не ослабла наконец и не застыла снова:

- Как ты смеешь?! - голос сорвался.

- Мне нужно тебя видеть, - сказал Легиар с нажимом. - Где ты?

- Дома, - прошептала ящерица.

- Веди, - бросил Ларт и взял ящерицу с камня.

Тут, наконец, вмешался Орвин:

- Я знаю, где это... Я бы привел!

Ларт наградил его до невозможности тяжелым взглядом.

Ее дом тоже стоял на пригорке, чуть особняком от прочего поселка. А сам поселок был мне хорошо знаком - на другом его конце жила моя подружка Данна, а хозяин здешнего трактира не раз угощал меня задаром. Небо, как давно это было!

Дом, опрятный и ухоженный, сжался и съежился перед приближающимся Лартом, а резные ворота почти по-человечески жалобно застонали под его кулаками.

Открыл немолодой уже мужчина, обеспокоенно оглядел пришельцев, нервно отвел со лба

прядь длинных, с проседью, волос:

- Что вам угодно, господа?

- Нам угодно видеть Каstellу по прозвищу Ящерица, - Ларт попытался отодвинуть его плечом, но стоящий в дверях не поддался и заступил ему дорогу:

- По какому праву вы входите в мой дом, не спросив разрешения? - говорил он тихо и внятно.

Легиар отступил и прищурился. Я в ужасе понял, что сейчас произойдет. Орвин тоже понял и рванулся, чтобы вмешаться, но не успел, потому что в этот момент за спиной хозяина дома встала женщина.

С первого взгляда обычная женщина, хозяйка в темном домотканом платье. Но тут же я понял вдруг, что это не просто пастушка или телятница - было в ней что-то внезапное, припрятанное, скрытое от посторонних глаз. Порода, наверное.

- Март, - сказала она тихо, положив руку на плечо стоящего в воротах мужчины. - Дай, я поговорю с ними. Это ничего.

Они встретились взглядами. Потом мужчина сдвинул брови:

- Если кто-нибудь из них посмеет обидеть тебя... - он по-прежнему говорил тихо, но глаза его недобро блеснули, когда он глянул на Легиара. Помедлил, неохотно отступил в сторону:

- Входите...

Мы вошли.

Двор был, пожалуй, даже слишком просторным. В глубине его, под фруктовыми деревьями, стояла скамейка, куда кивком головы и пригласила нас женщина - сейчас она казалось гордой, даже надменной:

- Говорить будем здесь.

Все остались стоять.

- Итак, Легиар, - сказала она ровно, - вы применили ко мне силу. Значит ли это, что между

нами теперь война? Значит ли это, - она обернулась к Орвину, - значит ли это, Орвин, что вы в этой войне приняли сторону Легиара? Значит ли это, наконец, - ее голос дрогнул, - что мое желание оставить магию и общество магов никем не принято во внимание?

Орвин нервничал, бледное лицо его, покрытое неровными красными пятнами, сделалось похожим на географическую карту. Я ждал в тревоге, что же Ларт ответит на эту гневную тираду. Но он молчал, кусая губы.

На противоположной стороне двора стоял, привалившись к забору, и смотрел на нас мужчина по имени Март.

- Кастелла, - сказал наконец Ларт. - Я прошу прощения за то, что сделал. Можешь ударить меня, если хочешь. Но сейчас каждая секунда дорога, каждая уходящая секунда! Разве ты ответила бы, обратись я к тебе с просьбой?

- Нет, - сказала она без промедления. - Мне плевать на твои страхи, Легиар. Мне не интересны твои дела. Я живу в другом мире.

Орвин, сжимавший дощатую спинку садовой скамейки, подался вперед:

- Мир один, Ящерица! - сказал он горячо и убежденно. - Мир у нас один, послушай, пожалуйста!

На щеках Легиара ходуном ходили желваки:

- Не время сводить счеты. Не время вспоминать обиды. Третья сила существует, и она подошла так близко, что ее дыхание шевелит волосы на наших головах. Где Марран, Кастелла?

- Зачем? - спросила она с неприкрытой ненавистью.

- Он... - начал было Орвин, но Ларт перебил:

- Он должен нам помочь. Он поможет нам. Кастелла, ты должна знать, где он.

Она прищурилась, переводя взгляд с одного на другого:

- Так вы еще не наглумились, Легиар?

Орвин чуть не выдернул скамейку из земли одним резким нервным рывком:

- Да нет же, Ящерица! Нет! Не то! Мой медальон ржавеет, и...

У нее, надменной, злой, вдруг задрожали губы. Она не хотела слушать:

- Вы... Вы изувечили его... За что? За глупый проступок? За шалость, которую объявили предательством? И двое на одного!

- Не лицемерь!! - Ларт сорвался. - Он получил, что заслуживал! А ты - ты молчала все это время, потому что считала наказание справедливым!

- Наказание?! Да вы расправились с ним в угоду собственной гордыне... А скорее всего, из зависти!

Я отшатнулся - думал, тут ей и конец пришел. Но Ларт - железный Ларт! - уже взял себя в руки:

- Хватит. Где он?

А ее все еще несло:

- Где? А куда вы его бросили? Куда вы его швырнули, искалеченного и беспомощного? Куда вы отправили его умирать?

- Умирать?! - в ужасе переспросил Орвин. Она глянула на него мимоходом и снова бесстрашно посмотрела Ларту в глаза, посмотрела с вызовом, с превосходством:

- А вот он жив. Жив и счастлив! И он еще вернется, Легиар, подожди!

- Откуда ты знаешь? - быстро спросил Ларт. - Ты следила за ним?

- Кровь... Его кровь, да? - подался вперед Орвин, но Легиар раздраженно от него отмахнулся:

- Не говори ерунды... У нее не хватило бы силы так долго удерживать связь.

Женщина вскинула голову совершенно неподражаемым, победоносным движением.

Усмехнулась, переводя взгляд с одного мага на другого. Даже меня удостоила мимолетной усмешкой, даже подобрела как-то, расправила плечи. Потом небрежно скользнула рукой за корсет своего

простого платья и вытащила оттуда что-то вроде вчетверо сложенной тонкой салфетки. Спрятала лоскуток в ладонях, снова оглядела нервно ломающего пальцы Орвина и застывшего, как глыба, Легиара.

Молчание затягивалось. Наконец, женщина снисходительно усмехнулась и развернула лоскуток.

Это была-таки салфетка, тонкая, белая, а в центре ее расплзались на глазах дыры с черными обугливающимися краями.

Улыбка застыла на лице женщины, застыла, обернувшись страшной гримасой.

- Небо... - прошептал Орвин. Неровные пятна разом сошли с его лица, и оно стало белым-белым, без кровинки.

Через двор уже несли Март, неся длинными отчаянными прыжками.

Ларт не проронил ни звука.

Женщина всхлипнула жалко и выронила изуродованную тряпицу. Ларт нагнулся было, быстро поднял то, что осталось от салфетки - и выронил тоже, потому что лоскуток вспыхнул неестественно красным пламенем, чтобы тут же рассыпаться щепоткой пепла.

- Марран, - сказала женщина глухо.

Подоспевший Март поддержал ее, прижал к себе, и никто, кроме меня, не видел, как болезненно дрогнули его губы при звуке этого имени.

Орвин, заламывая руки, смотрел на Ларта. Ларт молчал.

Март попытался увлечь женщину в дом, но та вдруг отстранилась, шагнула неуверенно, опустила на скамейку:

- Ларт, - позвала она шепотом, - Ларт...

Легиар быстро склонился над ней:

- Что?

Она подняла к нему осунувшееся, залитое слезами лицо:

- Поклянись... Поклянись, что ты не преследовал его после... После...

Она не договорила. Ларт вздохнул, взял ее за плечи, повернул к себе, произнес, глядя прямо в горестные глаза:

- Клянись. Светлым небом клянись, я его не трогал.

Она уронила голову. Март подхватил ее, не сопротивляющуюся больше, на руки, и унес в дом.

Орвин шагнул было следом, но Легиар взял его за плечо и остановил:

- Идем. Тут мы не поможем и нам не помогут.

В доме горько заплакал ребенок.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ПОЕДИНОК

Бархатная тьма.

Он лежал на гладких досках, казавшихся мягкими, как перина. Неба не было, но и потолка не было тоже.

Когда топор коснулся шеи длинным, холодным, как змея, лезвием... Неужели права была одноглазая старуха, нянчившая его в раннем детстве, неужели после смерти действительно наступает новое? Гладкие доски... Постой-ка, разве не говорила одноглазая нянька, что тело остается на земле, чтобы его похоронили? А разве способна моя душа ощущать эти уютные доски, это заботливое, со всех сторон идущее тепло? А вот сквозняком потянуло... Небо, да где же я?

Ласково потрескивают поленья в очаге. ЗДРАВСТВУЙ, МАРРАН.

Кто сказал - здравствуй? Разве могу я здороваться сам с собой?

Тихий смех.

Я слышал уже этот смех, но тогда я отчего-то боялся его, а теперь...

Руал пошевелился - тело слушалось, и ни боли, ни страха. Свет... Откуда свет? Вот, от очага, и еще сбоку, ниоткуда, два широких луча, кругами лежащиеся на доски, и выпукло проступают мельчайшие неровности, и квадратные шляпки гвоздей...

Он помедлил и встал. Огляделся, пытаюсь привыкнуть к полумраку. Клетка, паяцы, град гнилых овощей, плаха - когда это было? Год назад, минуту назад?

Осторожно двинулся вперед, раздвигая прозрачные ткани, каскадами спускающиеся сверху. Искал, высматривал, почему-то уверенный, что обязательно найдет того, кто...

НЕ ИЩИ, МАРРАН.

Он вздрогнул и остановился.

НЕ ИЩИ, МАРРАН. Я ЗДЕСЬ. Я В ТЕБЕ. Я УЖЕ ОТЧАСТИ - ТЫ.

Кто ты?

ТВОЯ СУТЬ. ТЫ ИЗБРАН.

Кем?

СУДЬБОЙ. СИЛОЙ. НЕ ДЕЛАЙ УДИВЛЕННЫЕ ГЛАЗА - ТЫ ЗНАЛ ОБ ЭТОМ РАНЬШЕ. О ЧЕМ ТЫ ДУМАЛ, КОГДА БЫЛ МЕБЕЛЬЮ В ДОМЕ ТОГО, КТО ТВОИХ НОГТЕЙ НЕ СТОИТ?

Потрясенный, Руал касался ладонями жестких, веером ниспадающих из темноты кружев. Кто-то говорил с ним изнутри - совсем так же, как тогда, на дороге, когда казалось, что сходишь с ума...

Небо, да я же с ума сошел! Только безумная фантазия способна создать, извлечь из небытия это место - голые доски, сбоку - стены, каскады, веера тканей, а там вот - посреди ровной площадки трещит поленьями обыкновенный домашний очаг... Я брежу. Я помешан.

Тихий смех.

ТЫ ДОЛГО БЫЛ ПОМЕШАН. ТЫ ГОРЕВАЛ О ПОТЕРЕ МАГИЧЕСКОГО ДАРА, А ТЕБЕ УГОТОВАНО БЫЛО МОГУЩЕСТВО, В СРАВНЕНИИ С КОТОРЫМ СИЛА КОЛДУНА - СМЕШНАЯ И НЕЛЕПАЯ ИГРУШКА. А ТЕПЕРЬ ТЫ СОМНЕВАЕШЬСЯ? ТЫ ТАК СВЫКСЯ С

РОЛЬЮ ЖЕРТВЫ? ЗАГЛЯНИ СЕБЕ В ДУШУ, МАРРАН! ТЫ УВИДИШЬ ТАМ - МЕНЯ.

Ильмарранену стало страшно.

НЕТ, НЕ БОЙСЯ. БОЯТСЯ БУДУТ ТЕБЯ. ТЕБЯ, ИЗБРАННИКА. А ТЫ ИЗБРАННИК, И ТЫ ЭТО ЗНАЛ.

А ведь действительно знал.

Знал, когда меня привязали к седлу и тащили за лошадью много верст, поддавая охоты кнутом.

Знал, когда меня пороли, и знал, когда раздавленным червем корчился в гнилой канаве.

И когда оборванцем бродил по дорогам, и когда умирал с голоду, если кто-нибудь из жалости не давал мне куска хлеба!

Я водился с этими ничтожными, гнусными тварями, в изобилии заселяющими лицо земли. И я сделал им столько добра, а они отплатили мне подлостью, и предательством, и гнилушками в лицо, и утробным воем забавляющейся толпы, и плахой.

Одна большая, рыхлая, глумящаяся рожа. Небо, чего же вы достойны?!

С НИХ И СПРОС НЕВЕЛИК. ВСПОМНИ ДРУГИХ.

Судорога прошла по телу Маррана. И воочию, совершенно ясно он увидел прихожую с двумя уродливыми рогатыми вешалками - справа и слева от двери. И как они сучат руками-крючьями, и разевают рты - круглые дырочки сучков на полированных стойках, и молят, молят о пощаде!

Легиар.

Эст.

Легиар.

Меня одолели. Меня растоптали. Меня вышвырнули, не удостоив взгляда. Меня сочли смиренным и беспомощным. Сбросили со счетов. Изъяли из колоды. В яму. В дерьмо. В безвестность. В осознание, что от смерти моей ничего, ни-че-го не изменится. Раздавили походя, как букашку на дороге, размазали по земле и забыли. Остался комок слизи, жалко скулящий,

подергивающийся комок!

ТЫ ВСПОМНИЛ, МАРРАН. ТЕПЕРЬ ТЫ ВСПОМНИЛ. НО СТРАХ И НЕНАВИСТЬ МАГОВ БЕССИЛЬНЫ, ПРИ ВСЕМ ЖЕЛАНИИ ИМ НЕ УДАЛОСЬ ПРЕВРАТИТЬ ТЕБЯ В НИЧТО. ОНИ - ТОЛЬКО КАПЛИ МУТНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МОРЯ, В ТО ВРЕМЯ КАК ТЫ РОЖДЕН ПОВЕЛЕВАТЬ, ВЕРШИТЬ, ПОДЧИНЯТЬ. ОНИ ПОПЛАТЯТСЯ.

Чего же ты хочешь?

НЕ СРАЗУ. ПОСЛУШАЙ. МИР МЕНЯЕТСЯ, ПЕРЕМЕНЫ ЭТИ БЛАГОТВОРНЫ. ТЫ ПОМОЖЕШЬ МИРУ, И ТЫ ПОМОЖЕШЬ СЕБЕ. ТВОЕ МОГУЩЕСТВО НА ПОРОГЕ, НО ОНО НЕ ВОЙДЕТ БЕЗ ТВОЕЙ ПОМОЩИ. ОТКРОЙ ДВЕРЬ.

Дверь?

ОТКРОЙ ДВЕРЬ В КОНЦЕ КОРИДОРА. Я ВОЙДУ.

Так кто же ты?

ТВОЯ СУТЬ. НАСТОЯЩИЙ ТЫ. ОТКРОЙ, И Я ВОЙДУ В МИР.

Марран чувствовал, как окатывают его с головы до ног горячие и ледяные волны. Колотилось сердце, колотилось не в груди, а будто бы в гортле. Плясал перед глазами огонек очага.

Зачем тебе в мир? При чем тут я?

ИЗБРАННИК, Я НЕСУ ТЕБЕ ВЛАСТЬ. МИР ПОЧУВСТВУЕТ ТЯЖЕСТЬ ЭТОЙ ВЛАСТИ. ОН ЗАПЛАЧЕТ СНАЧАЛА, НО, И ПЛАЧА, ПРОСЛАВИТ ТЕБЯ. ОТКРОЙ ЖЕ ДВЕРЬ!

Так ты хочешь... Хочешь, чтобы я впустил в свой мир чужака?

Смех.

А ТЫ РАЗВЕ НЕ ЧУЖОЙ В ЭТОМ МИРЕ? О, ЭТОТ БЕЗДАРНЫЙ, СЛЕПЕНЬКИЙ МИР, УБИВАЮЩИЙ ЛУЧШИХ! С ЧЕГО ТЫ ВЗЯЛ, ЧТО ОН ТВОЙ?

Этот мир?

...НЕ СТОИТ ТЕБЯ. ЧТО ОН? КАКИЕ ЗАКОНЫ УПРАВЛЯЮТ СТАДАМИ МЕЛОЧНЫХ,

ПОДЛЕНЬКИХ, НЕДАЛЕКИХ ЛЮДИШЕК? МАГИ - ТЕ МНЯТ СЕБЯ ГОСПОДАМИ И
ВЛАСТИТЕЛЯМИ, НО ВДУМАЙСЯ - ЧЕМ ОНИ ОТЛИЧАЮТСЯ ОТ ПРОЧИХ?

Маги... “Тут он уместен, как нигде более”... И повесил тяжелую шубу на мои скрюченные пальцы!

ТЫ, МОЖЕТ БЫТЬ, СЧИТАЕШЬ СЕЙ МИРОПОРЯДОК НЕПОГРЕШИМЫМ? МОЖЕТ
БЫТЬ, ЭТО ЕДИНСТВЕННО ВОЗМОЖНЫЙ МИРОПОРЯДОК?

А разве можно выбирать?

ПОДОЙДИ К ОЧАГУ.

Выбравшись из путаницы кружев и мешковины, он шагнул к очагу - надежному и уютному.

Очаг был аккуратно обложен крупными светлыми камнями, прокопченный вертел над ним пустовал. Но огня - огня-то, оказывается, и не было, только скомканная красная бумага да мерцающий свет. Руал коснулся камня ногой - тот поддался, легкий и пустой изнутри. Обойдя кругом, Ильмарранен с ужасом убедился, что такой настоящий и простой очаг выглядел с изнанки жалко и неестественно.

ВЕЩИ ИМЕЮТ ДВЕ СТОРОНЫ. ВИДИШЬ?

И каменное кольцо очага, и сам очаг рассыпались прахом, превратились в гору мусора. ТО ЖЕ
ОЖИДАЕТ МИР, ПОСКОЛЬКУ МИР НЕСОВЕРШЕНЕН. Свет же, из очага исходивший, не исчез, а
стал сильнее, и в этом свете Руал разглядел совсем рядом, в нескольких шагах, край черного провала
без дна, а сбоку, там, где не было тканей - голую стену и узкий коридор. ВИДИШЬ? В КОНЦЕ
КОРИДОРА ДВЕРЬ, А ЗА ДВЕРЬЮ - ЖИЗНЬ, ВЛАСТЬ, НОВОЕ ВРЕМЯ.

Чья власть?

ТВОЯ.

А ты? Чего хочешь ты, какова твоя доля в этой власти?

ГЛУПЫШ. МЕНЯ НЕ БУДЕТ, КОГДА ТЫ ОТКРОЕШЬ ДВЕРЬ. МЕНЯ НЕ БУДЕТ, ПОТОМУ

ЧТО Я СТАНУ ТОБОЙ. ТЫ ЖЕ СТАНЕШЬ МНОЮ.

Ни звука, ни дуновения не доносилось из разверстой в двух шагах бездны. Не двигались косые лучи света, кругами лежащие на доски.

Кем я только не был. Был вешалкой. Был знахарем и гадалщиком. Был червяком. Был бродягой. Но и лавой из вулкана тоже был, помнишь? Теперь ты хочешь, чтобы я примерил новую личину?

НЕ ЛИЧИНУ. СУТЬ.

Суть...

Руал тряхнул головой. Темнота, тишина, тот, кто говорил с ним изнутри, - все это снова показалось наваждением, бредом.

Я не хочу быть тобой. Я не хочу быть никем, кроме себя, ясно? А сейчас дай мне уйти. Я устал.

Смех.

УХОДИ, ПОЖАЛУЙСТА. ТОПОР ЗАНЕСЕН. ВСЕ ЭТО ВРЕМЯ ТОПОР ЗАНЕСЕН. ДА ЧТО ТАМ! С МОМЕНТА ТВОЕГО РОЖДЕНИЯ, С ПЕРВОГО СЛАБОГО КРИКА ВСЕ ТОПОРЫ В РУКАХ ВСЕХ ПАЛАЧЕЙ ЭТОГО МИРА ИЩУТ ТВОЮ ШЕЮ. ИДИ ЖЕ!

Руал шагнул в сторону, и тут же огромное лезвие исполинской секиры обрушилось сверху, из бархатного небытия, обрушилось и вонзилось в доски. Он отшатнулся; лезвие подрагивало, отражая свет мутными, запятнанными черным боками.

ЭТОТ МИР ПОЛОН ПАЛАЧЕЙ. ВСЕ ПАЛАЧИ ИЩУТ ТВОЕЙ ШЕИ, МАРРАН.

Руал, стиснув зубы, ринулся в темноту гигантских портьер.

Под ногами его распахивались квадратные дыры, он едва успевал шарahnуться, и, отшатываясь, видел на дне их чудовищные зубчатые механизмы, подрагивающие, словно живые. Петли кружевных гирлянд захлестывали его, сбивали с ног. Задыхаясь, он вырвался из душного

тряпичного плена - и снова оказался там же, на дощатом голом пяточке, на краю бездны.

МАРРАН, ТЫ НЕ ПОНЯЛ. ОНИ УБЬЮТ ТЕБЯ, МАРРАН. ТАКИЕ, КАК ТЫ, РОДЯТСЯ РАЗ В ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ.

Он потер подбородок, где была ссадина от удара о расписную, как барабан, колоду.

ТЫ ОДИН МОЖЕШЬ ДАТЬ ПЛОТИНУ МУТНОМУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ ПОТОКУ. ТЕБЕ ДАНО ОБУЗДАТЬ ЭТО ПОЛОВОДЬЕ НЕЧИСТОТ, ПЯТНАЮЩЕЕ ЗЕМЛЮ. И ТЫ СДАШЬСЯ?

Я сроду не сдавался. Я Ильмарранен.

ТЫ НЕ СДАВАЛСЯ. НО ОНИ - ОНИ СДАДУТ ТЕБЯ ПАЛАЧАМ.

Уродливый круглый предмет, подпрыгнув, выкатился из темноты. У Руала волосы встали дыбом - это была голова, человеческая голова с еще живущими, безумно выпученными, моргающими глазами, со сжимающимися, трепещущими артериями, из которых хлестала, пенясь, густая кровь.

Голова замерла, наконец, глаза последний раз дернулись и остановились. И в этом страдальческом, мертвом, изуродованном лице Руал узнал - себя.

ЭТО ТЕБЕ УГОТОВАНО, МАРРАН. ТЫ СНЯТ С ПЛАХИ, ЧТОБЫ ОТКРЫТЬ ДВЕРЬ. СТОЯ НА ПОРОГЕ СОКРОВИЩНИЦЫ, НЕ ВРЕМЯ ПЛАКАТЬ О ТРЯПИЧНОЙ КУКЛЕ. ИДИ. СУДЬБА. ВЛАСТЬ. МОГУЩЕСТВО. МЕСТЬ. ЧТО ХОЧЕШЬ.

Он с трудом оторвал взгляд от страшной головы.

А что я хочу? Что значит - власть, по-твоему?

ТЫ СПРАШИВАЕШЬ? ТЫ, КОТОРЫЙ БЫЛ ЛАВОЙ?

Качнулся пол под ногами.

Все вулканы мира извергали его. Он несся по немислимым, колоссальным пространствам, сжигая или щадя.

Все тучи гремели им, как громом. Потоками дождя он топил или спасал.

Он был тайфуном в море, он был самумом в пустыне, он был всеми ураганами на свете. Он

вырывал из земли вековые деревья и сотрясал, играя, горы, тоже бывшие им.

Он был каждым строгим учителем в каждой сельской школе, учителем с пучком розог и длинной деревянной линейкой.

Он был чумой, и имя его вселяло ужас. Из тысячи жертв одну, на выбор, он щадил.

Все трясины на поверхности земли, смертоносные омуты и водовороты, затягивающие непослушных и ленивых детей.

Помыслы смертных, понятные ему, как детский стишок, вызывали улыбку. Их борьба с каждодневным умиранием достойны были снисходительного вздоха.

Всеведение. Всемогущество. И вдруг - костер среди чиста поля.

У костра...

Вспыхнуло лицо, сердце забилось, как пойманный звереныш.

Спутанные темные волосы, обнаженные плечи, несмело протянутые к нему руки...

Ящерица!

Небо, что со мной?!

Все вулканы мира извергали их, слившихся в одном потоке лавы.

В грохоте молний они одним дождем падали на землю.

Следуя их прихотям, чередовались приливы и отливы.

Два вихря свивались кольцами, сносили крыши и сотрясали горы, которые...

Как мячиком, они перебрасывались солнцем - рассвет, закат...

Ящерица, это я, Марран, ты слышишь?!

Тихая река. Две форели в лунном свете.

Огонь в печурке. Спят, посапывая, их дети. Прерывистое дыхание на его лице, влажная теплая кожа, подступающие сладкие судороги. Он - нежность до кончиков волос, она - сплошная, всеобнимающая нежность...

КОРОЛЬ И КОРОЛЕВА НА ОДНОМ ТРОНЕ. ВЛАСТЕЛИН И ВЛАСТИТЕЛЬНИЦА. ТЫ ХОЧЕШЬ ЭТОГО, МАРРАН?

Но у нее ребенок... Как же можно...

Пауза.

МАРРАН, ТЫ В СВОЕМ УМЕ? ТЫ ПОНИМАЕШЬ, О ЧЕМ ИДЕТ РЕЧЬ?

Не понимаю. А ЧТО ты хочешь сделать с этим миром? Он не нравится тебе. Мне тоже не очень нравится. Что же, сжечь, вытравить? Как ты с ним поступишь?

Т_Ы_ ПОСТУПИШЬ. ЭТО БУДЕТ Т_В_О_Й_ ПОСТУПОК, МАРРАН.

Хорошо. Как я с ним поступлю?

А КАК ПОСТУПАЕТ САДОВНИК С ДИКИМ, ЗАБРОШЕННЫМ САДОМ? ТЕБЕ ПОНАДОБЯТСЯ И НОЖ, И ТОПОР. МНОЖЕСТВО ВЕТОК БУДЕТ ОТСЕЧЕНО, НО САД ВОЗРОДИТСЯ И САДОВНИК БУДЕТ ДОВОЛЕН.

Он медлил.

Чему же расти в этом... возрожденном саду?

РЕШАЕТ САДОВНИК. САДОВНИК МУДР И СПРАВЕДЛИВ.

Решает садовник... Но разве можно исправить неисправимое?

НОВОЕ ПОДНИМАЕТСЯ НА ПЕПЕЛИЩЕ. ИЗ ХАОСА РОДЯТСЯ ПОРЯДОК И ГАРМОНИЯ. СДЕЛАЙ ЭТО, МАРРАН.

На пепелище?

Как пересохли губы, как кружится голова.

Да. Я согласен. Говори, что делать.

Бездна отозвалась шорохом, похожим на отдаленные аплодисменты.

В скорбном молчании мы вернулись в заколоченный Лартов дом.

Дом ждал хозяина; казалось, мы покинули его вчера, и только в прихожей, там, где я обычно

подстригал шерсть на ковре, высилась буйная поросль.

Ларт покосился на место, где раньше стояла уродливая вешалка, и бросил мне со вздохом:

- Вино. Обед. Все прочее.

И, кивком приглашая за собой Орвина, поднялся наверх, в свой кабинет.

Я не знал, за что раньше хвататься. Раскрывая все шторы и окна на своем пути, я ринулся в кухню.

Дом оживал - вздыхали каминные, поднимая метель старого, давно остывшего пепла; разными голосами поскрипывали под ногами половицы - по-моему, они неумело пытались воспроизвести любимую Лартом мелодию. Сами собой вспыхивали огарки свечей, хотя на дворе стоял светлый солнечный день. Люстры смотрели мне вслед, выпучив хрустальные подвески.

Огромная кухонная печь разевала заслонку, как птенец разевает желтый клюв - требовала дров и растопки. Дрова, лежавшие тут же, пытались оттеснить друг друга и первыми попасть мне в руки. Пока я бегал в погреб, вертявые щипцы успели ощипать, а печка осмолить специально для этого погибшую курицу.

Работа спорилась; я прикрикнул на таракана, выставившего усы из широкой щели в полу, и поспешил в гостиную - накрывать.

Вышло так, что я первым на него наткнулся.

Он сидел в Лартовом кресле во главе огромного стола и мрачно изучал галерею фамильных портретов. При виде меня он удивился так, будто перед ним встал с блюда жареный поросенок с листиком хрена в зубах. Я присел.

- Мна, - пробормотал он. - Весьма в манере господина Легиара - заставляя себя ждать.

- Здравствуй, Бальтазарр, - сказали у меня за спиной.

Ларт подошел и бросил на стол перчатки так, будто происходило нечто совсем привычное и обыденное.

Бальтазарр Эст встал - огромный стол качнулся. Его узкий рот искривился так, что кончики губ грозили сойтись на подбородке.

- Я крайне разочарован, Легиар, - сказал он голосом изголодавшейся змеи. - Крайне разочарован! Разве входила в наше соглашение возможность освобождения Маррана? Разве в другом соглашении мы не оговаривали порядок действий на случай внешней угрозы? Разве за последние три месяца вы не нарушили все мыслимые и немыслимые договоренности?

У меня ноги будто к полу прилипли. Охнул застывший в дверях Орвин.

- Аль, - в устах хозяина это сокращенное имя прозвучало особенно трогательно. - Я не спал много ночей. Я за трое суток покрыл немыслимое расстояние. Я смертельно устал. Ради неба, не будем начинать ВСЕ СНАЧАЛА! - под конец его спокойный голос вдруг сорвался на крик.

Бледный Орвин взял меня за плечо и выволок из комнаты. За нами захлопнулась дверь.

- Это их разговор, - сказал он с деланным хладнокровием. - Давай-ка, что он там говорил - вина, обед...

Из гостиной доносились приглушенные голоса - маги ссорились. Ларт что-то резко каркал, Эст шипел, как залитый водой костер.

Орвин вытащил из кармана медную монетку, она сама собой крутнулась у него на ладони и, подпрыгнув, зависла в воздухе.

- Жаль Ящерицу, - сказал он вроде бы сам себе.

Голоса вдруг стихли. Монетка со звоном упала на пол.

Дверь распахнулась - на пороге встал Эст. Я отшатнулся, гадая о судьбе Легиара.

- Мда-а, - изрек Эст как-то неопределенно, и тут, о счастье, за его спиной обнаружился Ларт.

Глянул на меня, спросил отрывисто:

- Обед?

- Уже, - ответил я не слишком толково.

- Подавай, - распорядился хозяин и вернулся в гостиную.

Эст стоял неподвижно, буравил Орвина глазами, потом попросил глухо:

- Покажи.

Орвин закусил губу и вытащил из-под рубашки коричневую от ржавчины пластинку с прорезью.

Эст глянул на нее мельком и отвернулся. Длинное, неприятное лицо его вытянулось еще больше и потемнело.

Обедали в гостиной. Я прислуживал за столом. Орвин ел много и жадно, Ларт мрачно царапал тарелку двузубой вилкой, Эст в основном пил, и я не мог избавиться от навязчивой мысли, что, наливая ему вино, обязательно накапаю на широкий гофрированный воротник.

Все молчали, и только механические часы, обрадованные возвращением хозяина, то и дело принимались играть мелодии и показывать в резных воротцах облупившиеся фигурки людей, животных и птиц.

Наконец Ларт поднял руку, и часы замолчали, не закончив такта.

- Итак, - сказал Легиар, ни к кому конкретно не обращаясь. - Итак, что это было?

Снова зависла пауза.

- Кровь Маррана на салфетке, - сказал Орвин. - Ящерица все это время следила за ним, кровь давала ей знать, что он жив и здоров.

- И счастлив... - пробормотал Ларт сквозь зубы.

- Не думаю, чтоб он был так уж счастлив, - желчно заметил Эст. - Для всех было бы лучше, если б он стоял там, где мы его поставили.

Ларт угрюмо на него взглянул. Эст с демонстративным равнодушием пожал плечами.

- До сегодняшнего дня Марран был жив, - заметил Орвин. - Означает ли то, что случилось с каплями его крови, означает ли...

- Его смерть? - закончил Ларт, как бы раздумывая.

- Не надейтесь, - криво усмехнулся Эст. - В случае смерти капли сделались бы черными, как смола. Просто почернели бы... А судя по тому, что вы рассказываете, там был целый фейерверк...

- Этот фейерверк мне кое-что напоминает, - проронил Ларт.

Мне тоже, подумал я. Нечто недавнее и неприятное. Да! От такого вот огонька сгорел дом одной чванливой купчихи, сгорел, как свечка. А все оттого, что вдова питала слабость к колдовским книгам, и одна из них вспыхнула сама собой, прямо в руках моего хозяина...

- Значит, Марран жив? - спросил Ларт в пространство.

- Жив ли... - вздохнул Орвин. - Ящерица, то есть Каstellла, считает его мертвецом.

- При чем здесь Каstellла? - поинтересовался Эст раздраженно.

- Она... - начал было Орвин и запнулся. - Она должна бы чувствовать, что он жив, понимаешь?

А она не чувствует.

- Точно жив, - отрезал Эст. - Точно жив, но вне нашей досягаемости. Его нет на поверхности земли, а вы хотите, чтобы какая-то баба почувствовала это?

На этот раз тишина длилась даже дольше обычного.

- Завещание Первого Прорицателя, - сказал наконец Эст. - Что там говорится о Привратнике?

Орвин замялся:

- Ну, Аль, это ведь как трактовать... Прямым текстом ничего, но если читать между строк...

По-видимому, Привратник станет как бы сосудом для Третьей силы, которой он откроет дверь.

Третья сила обретет его, он же получит возможность повелевать... Господин и раб - это, по сути, одно и то же.

Совсем одно и то же, подумал я, прибирая испачканные соусом тарелки.

- Хорошо, - протянул Эст со зловещим благодушием. - Значит, наш подающий надежды мальчик, исполненный самыми горячими чувствами к своим друзьям и учителям, скоро явится сюда

во главе некой чудовищной силы?

Он всем корпусом обернулся к Легиару:

- Ларт, может быть, ты объяснишь, как исправить теперь последствия твоей... как бы это выразиться помягче... доброты? Как бы нам запихнуть его в какой-нибудь предмет прежде, чем он превратит нас в помойные кадки?

- Он лишился магического дара, - медленно сказал Легиар.

- Об этом говорить в прорицании, - оживился Орвин. - “Он маг и не маг. Он предал и предан.

Он лишен дара, он был могущественен и стал беспомощен”...

Орвин осекся, поскольку его цитата пришлась не совсем к месту.

Легиар опустил голову.

- Да, - сказал он глухо. - Не в добрый час я его освободил.

Эст смотрел на него мрачно и совершенно безжалостно:

- Думай, Ларт. Думай, как его остановить. Твоего выкормыша. Твоего любимца.

- Твоего тоже, - слабо огрызнулся Ларт.

- Вы не понимаете главного! - вмешался Орвин. - Дело не в Марране и его мести вам... Третья сила вывернет весь мир наизнанку... - он перевел дух.

Эст спросил сквозь зубы:

- А зачем, Орви? Зачем это Третьей силе? Чего она, собственно, хочет?

Орвин провел пальцем по краю бокала. Бокал пискнул.

- Никто не знает... И не может предположить. Это же не человеческая логика, понимаешь?

Может быть, она хочет наказать нас за что-то... Или завоевать, скажем... А может быть, она коллекционирует солнца, развлекается?

Он усмехнулся - через силу и совсем не весело. Эст тоже вдруг оскалился:

- А если никто не знает, то что ж мы скулим раньше времени? “Вывернет мир наизнанку”, да,

Орви? А что, если это благодеяние для мира, если он уже вывернут, если эта ваша Третья - не мясник, а костоправ?

У Орвина, по-моему, даже губы затряслись:

- Как ты можешь... Вспомни прорицание, Аль, “земля присосется к твоим подошвам и втянет во чрево свое... Ветви поймают в липкую паутину всех, имеющих крылья”...

Он говорил все тише и, наконец, замолк.

Эста холодно пожал плечами, взял со стола нож и принялся сосредоточенно царапать столешницу:

- Ты маг, и не мне тебе объяснять. Уж что, казалось бы, ужаснее: взять да и вспороть человеку живот. А если вспарывает хирург? Внешне все выглядит, как бойня: потоки крови, боль, страх... Да только пациент вместо неизбежной могилы отправляется, скажем, на званый вечер... Не сразу, конечно. Спустя время. Но на все требуется время. И все имеет свою цену.

Он оставил стол и задумчиво провел ножом по своей щеке.

- И не надо так смотреть, Орвин. Это, в сущности, болтовня. Может, так, а может, эдак. Но в мире иногда происходят страшно циничные вещи, дружок.

- “Но стократ хуже имеющим магический дар...” - тихо, укоризненно сказал Орвин.

Эст снова пожал плечами:

- Ну что ж... Но маги на то и маги, чтобы не закрывать глаза тогда, когда так и хочется зажмуриться.

Но тут Ларт, который все это время думал о своем, поднялся, стиснув кулаки. Обвел всех тяжелым взглядом. Уронил вполголоса:

- Хватит.

Тогда оба посмотрели на моего хозяина. Он продолжил тихо:

- “Только Привратник откроет дверь, только Привратник... Привратник откроет, и ЭТО войдет,

но не раньше!”

Перевел дух:

- Ты сказал, Аль, его нет на поверхности земли? Где же он? Там, у Двери. У Двери, понимаете? Он пошел открывать. Но мы... Пусть он не успеет. Я, Легиар, готов отдать за это жизнь.

- Я тоже, - сказал нервный Орвин.

Эст только хмыкнул презрительно.

Он шел длинным берегом, увязая по щиколотку в теплом шелковом песке.

Нет, не сейчас. Сейчас он шел темным душным коридором... И истертые ступени вели его вниз, хотя он, кажется, поднимался.

Влажная трава... Не сейчас. Круглые булыжники когда-то звонкой мостовой... Лоснящиеся листья, голубые лоскутки, зеленые заплатки... Оранжевое над изумрудным. Стрекоза отражается в глади... Не сейчас.

Небо низкое, такое, что, кажется, лежит у тебя на плечах. Небо давит и не дает разогнуться. Сбросить!

Тесная коробка, фанерный балаган. Не плачь, если случайно проломится стенка.

Коридор. Поворот. Факел в руке чадит. Где она? Где ДВЕРЬ?

Я открою, и ты войдешь. Вернее, Я войду. Я открою и я же войду. Скоро. Сейчас.

А когда чайки, потревоженные, поднялись над берегом... Парус был еще далеко, светло-синий парус в темно-синем море. Мягко возились водоросли у берега, всплескивали лохматыми ветвями, будто в растерянности. Умирала медуза на буром камне. А я взял ее голыми руками и пустил в воду: “Иди домой”.

Иди домой.

Где твой дом, Марран?

Снова поворот. Если факел в руке погаснет... Нет, это ненужная мысль.

Холодно. Широкая полынья, в глубине - темные рыбы спины... Не то. Туман, тяжелый, как сметана... Не то. Парк. Сад. Фонтан. Дети под присмотром одноглазой няньки. Сад обнесен нарядной оградой, яркой, ажурной, из гладких деревянных палочек... Что - за оградой? Что бывает, когда не бывает фонтанов?

Заглянуть за ограду... Прижаться лицом к деревянным... Нет, это прутья клетки. Это клетка, огромная, ржавая, и я в ней один. Остальные - снаружи.

Вот мальчик, ухоженный, плотный. Разве у него не было няньки? Светловолосый, на носу царапина. Встретился взглядом...

Чего же я стал? Идти... Факел трясется в руке. Зачем было смотреть мне в глаза? Что за сила, что за чудовищные побуждения движут вами, мои соплеменники? Существа, подобные мне?

И лица всех живущих слились в одну харю, глумящуюся, разевающую в хохоте слюнявый рот...

Маленькая девочка на плечах отца. Отец добродушно скалится, подает малышке гнилушку...

Не пытайся заслониться - выронишь факел. Не заслониться. Выжечь.

Кто я им? Кем я прихожусь этим, жирноглазым, в чьих жилах течет вместо крови мутная слизь? Выжечь. Хватит.

Пляшет пламя. Вперед. Там, за поворотом коридора, меня ждет ДВЕРЬ.

Ноги не слушаются. Стали, как вкопанные. Вспоминают, сколько порогов я переступил... А со скольких меня вышвырнули. Нет, не раздумывать. Взгля, так надо идти...

Поворот.

Вот и я.

Мертвая, пустая тишина. Только хриплое дыхание одного человека.

Дверь.

Тяжелая, кованая, неновая, но поражающая мощью. Заперта на огромный стальной засов.

Он остановился, подняв факел. Свистящее его дыхание на минуту прервалось. В наступившей тишине...

ТУК. ТУК. ТУК.

Это снаружи. Кто-то, или что-то, тихонько просит о любезности - приютить. Сколько раз я сам так стучал?

Тихо, вежливо, вкрадчиво. ТУК-ТУК-ТУК.

Справиться с оцепенением. Успокоить трясущиеся пальцы. Факел - в кольцо на каменной стене. Руки должны быть свободными, вот так.

Хватит, никаких воспоминаний. Нет и никогда не было ящерицы на плоском камне. Не было форели в лунной реке. Не было леса, залитого солнцем. Маленький мальчик по имени Гай давно забыл, как его укусила оса. Он вырастет и явится на площадь с корзинкой тухлых помидоров. А спасенная девочка Гарра ищет, кого бы предать. Кого бы передать в желтые руки судьбы... Вот они все, стоят рядком, и у каждого в руках треснувший стакан. И сочится из трещин не вода, а...

Хватит. Вот засов. Берись за дело.

И он взялся - и ощутил, как вместо ледяного холода ржавое железо отозвалось горячечным теплом.

Они втроем сидели за круглым столом в кабинете - тем самым, чья столешница была расписана причудливой вязью магических символов. Руки их лежали ладонями вниз, и стол дробно трясся, и вздрагивал пол под ногами. В буфете звенела посуда, тяжело раскачивалась люстра под потолком.

- Аль? - высоким птичьим голосом вскрикнул Орвин.

- Не вижу, - глухо, напряженно отозвался Эст.

- Вместе, - выдохнул Ларт. - Еще раз, вместе! Ищите его, ну!

- Стой, - Орвин, страшно побледнев, опрокинулся назад вместе со своим креслом. Легиар и

Эст вскочили:

- Что?!

- Ничего, - с трудом ответил Орвин, лежа на полу. - Я между вами... Задыхаюсь. Вы меня сдавили, как тисками...

- Как Маррана, - сказал Ларт тихонько. Орвин дернулся:

- Не шути так, пожалуйста...

Ларт подал ему руку и рывком втянул в круг:

- Время... Время идет. Он у Двери. Еще попытка.

В прихожей слышались чьи-то быстрые шаги. Я похолодел, но Ларт быстро на меня глянул, и я, покрывшись холодным потом, поплелся навстречу.

Это была всего лишь она, женщина по имени Каstellла, побледневшая, осунувшаяся, с болезненным вопросом в лихорадочно блестящих глазах. За ней тянулся по полу длинный траурный шарф.

Увидев меня, она приостановилась было и хотела что-то спросить, но я опередил ее, отпрыгнув назад и всем видом приглашая, нет, умоляя войти. Она, так ничего и не сказав, нерешительно двинулась за мной.

- Ящерица! - воскликнул Орвин.

Эст скривил губы, Ларт, сидевший спиной к двери, медленно повернулся и встретился с ней глазами.

- Я пришла, - сказала она дрогнувшим голосом, - потому что Марран не умер. Я чувствую. Он в беде. Послушайте, он в страшной беде!

- Все мы в страшной беде, Каstellла, - холодно сказал Ларт. - Единственное, чем ты можешь помочь Маррану и себе - найти его. Мы втроем пытались, может быть, ты нам поможешь?

Снова хмыкнул Эст, но она, не глянув в его сторону, подошла к столу и села на пододвинутый

мною стул.

- Как же твое решение оставить магию? - спросил Эст с усмешкой и, не дожидаясь ответа, бросил через стол Легиару:

- Это все равно, что впрягать в одну упряжку двух буйволов и муху...

Ящерица сидела прямо, очень прямо. Услышав последние слова Эста, вопросительно полуобернулась к Легиару.

- Сиди, - сказал ей Ларт. Эст пожал плечами.

Орвин снова вытянул руки, положив их ладонями на стол. Все сделали то же самое, круг замкнулся.

Глаза Ларта, до того мерцавшие желтым, налились вдруг ровным красным светом. Смотреть на него было страшно; трясась, я присел и привалился к покрытой гобеленами стене.

Лицо Эста было перекошено яростным презрением, Орвин кусал губы, а Кастелла сидела ко мне спиной. Воздух в комнате дрожал, как струна за мгновение до разрыва.

- Вижу! - звонко выкрикнула Кастелла.

Ларт вскочил, опрокинув стул, одновременно вскочили Эст и Орвин. Женщина вдруг оказалась в центре нового круга.

- Что? - отрывисто спросил Эст.

- Дверь... Вот дверь... На засове...

- Маррана видишь? - это Ларт.

- Нет... Зал... Темнота... Неясно... Помогите.

- Слабая девочка, - прошептал Эст. У него вдруг страшно исказилось лицо, Орвин ахнул, но тут Кастелла привстала, и глаза ее были как две зеленые площадки:

- Ви...жу... Руал... Руал...

Голос ее сделался слабым-слабым, каким-то кукольным, фарфоровым, удаляющимся:

- Ру...ал...

Ларт схватил ее за плечи, зашептал завораживающе, почти страстно:

- Зови. Зови его. Скорее.

Кастелла повернулась - и я увидел ее лицо, серое, неузнаваемое, залитое густыми слезами.

Губы быстро-быстро шевелились.

- Он не... - снова голос фарфоровой куклы. - Не слышит... Он не слышит... Ру-ал...

- Зови!! - закричал Ларт, но она только всхлипнула и потеряла сознание.

- Пожалуй, это все, - ровно сказал Ларт.

Он сидел на ручке кресла, изящно закинув ногу на ногу. В кресле полулежала Кастелла - лица ее не было видно в полумраке. Эст задумчиво портил кончиком шпаги гобелен на стене; Орвин играл со стеклянным глобусом, водя пальцем по его матовому боку. Тускло поблескивали корешки бесполезных книг, и, немой и удрученный, вздыхал в углу клавесин.

- Все? - переспросил Орвин, мусоля ногтем какой-то архипелаг. - Все?

- Все, что мы могли сделать. Теперь нам остается сидеть и ждать, пока явится Марран... Или то, что стало Марраном. То, что он впустил...

- Что ж, пусть приходит, - сказал Эст с недоброй усмешкой. - Нам есть что вспомнить, да, Легиар?

- Он был хорошим мальчишкой, - сказал тот со вздохом. - Но однажды предав... Он предал тебя, меня, теперь предает мир. Не может остановиться, да.

- Никогда он не был предателем, - тихо и бесцветно проговорила Кастелла.

Никто ей не ответил. Сумерки совсем сгустились.

- Что ты сделал с гобеленом, Аль? - спросил Ларт, который отлично видел в темноте.

Эст со скрежетом вбросил шпагу в ножны.

- Камин... - попросила Кастелла.

Я бросился было разжигать камин, но Ларт только искоса на него взглянул - и поленья дружно занялись. Жаль, что раньше хозяин никогда мне не помогал в домашних делах.

Все помолчали.

- Мне пора, - так же тихо и бесцветно сказала Каstellла. - Ребенок.

Она поднялась, и тогда Орвин вдруг оставил свой глобус и поднялся тоже.

- Погоди... Погодите все... Мой медальон ржав, как гвоздь... Как гвоздь в кладбищенской ограде. Но есть способ... Есть последний способ. Я могу попытаться... Пройти сквозь вырез. Я пройду туда, где Марран. Мой медальон проведет меня. Давайте.

- Не надо, Орви, - негромко сказал Эст. А Ларт добавил, нахмурясь:

- Мы не знаем, где Марран... То, что рядом с ним, способно убить тебя... А медальон ржав и не убережет своего Прорицателя. Стоит ли так рисковать?

Но Орвин уже покрылся неровными красными пятнами:

- А если... Если нет... Мы все обречены. Помните - “но стократ хуже имеющим магический дар”?

Они помнили. Их передернуло.

- Я попробую... - продолжал Орвин, и голос его окреп. - Это все, на что мы можем надеяться... Я остановлю его. Только помогите мне.

Легиар и Эст посмотрели друг на друга долгим взглядом.

- Не надо, Орви, - сказал на этот раз Ларт.

Орвин не слушал. Медальон прыгал в его руках:

- Как я раньше не догадался попробовать... Прорицатели делали это и до меня. Вырез на медальоне проводил их в другие миры и другие столетия...

- А они возвращались? - тихо спросила Каstellла.

Орвин снял медальон, огляделся вокруг, будто ища поддержки:

- Ну, Аль, Ларт! Не стойте чурбанами...

Эст и Легиар переглянулись снова. Потом Ларт чуть повернул голову и увидел меня.

- Выйди! - сказал он негромко, но так, что я в долю секунды оказался за дверью.

Это был один из самых неприятных моментов в моей жизни. В коридоре было темно; из-за двери кабинета донеслось несколько отрывистых фраз, о чем-то попросила Каstellла, стукнул отодвигаемый стол - и тихо, только мои зубы звенели друг о друга да поскрипывала половица под ногами.

Как он пройдет в тонкий вырез на медальоне? Станет маленьким, как муравей? Или медальон вырастет, и щель в нем окажется воротами? Ну, попадет он к Маррану, и дальше что?

Воображение услужливо подсовывало мне самые жуткие картины.

Полыхнул свет из-за двери, и она сама собой распахнулась - будто от разрыва порохового бочонка. Там, в глубине кабинета, метались тени, кто-то крикнул:

- Назад!

И я отпрыгнул, хотя кричали вовсе не мне:

- Назад, Орви! Назад, скорее!

И заклинания, заклинания, да какие страшные!

Дверь в кабинет моталась, как парус, терзаемый бурей. Снова полыхнуло - никакая гроза не могла сравниться с этой лиловой вспышкой. Меня толкнул в лицо порыв горячего ветра, я упал.

Сполох утонул во тьме. Должно, протяжно заскрипела ослабевшая дверь; Каstellла всхлипнула горько и жалобно, и стало так тихо, как еще ни разу в моей жизни.

Потом в темноте вспыхнули сразу два мерцающих пятна - Ларт и Эст зажгли по огоньку. Комната понемногу осветилась.

Я подполз к порогу кабинета и увидел Орвина.

Он полулежал на полу, привалившись спиной к книжной полке. Запрокинутое лицо его почти

касалось золотистых переплетов, и матовые отблески играли на этом осунувшемся, печальном, почти царственном лице. Ларт поднес к его глазам огонек, но глаза Орвина не дрогнули, он по-прежнему скорбно смотрел прямо перед собой, сквозь Ларта, сквозь хмурого Эста, сквозь глухо рыдающую Каstellу.

- Все, - сказал Эст. И прикрикнул на женщину: - Перестань! Всем бы нам так умереть... Она забилась в темный угол и всхлипывала там, зажимая рот черным шарфом.

Ларт постоял, перебрасывая огонек с ладони на ладонь. Потом вздрогнул, будто от толчка, и откинул портьеру с высокого стенного зеркала.

Зеркало было темным, оно не отражало ни Ларта, ни Эста, ни меня, скорчившегося под дверью. Ни книги, ни глобус, ни гобелены не отражались тоже. Зато отражался Орвин.

Он стоял лицом к нам, грустный и будто виноватый. Попытался улыбнуться, пожал неуверенно плечами, кивнул всем по очереди, прощаясь. Эст шагнул было к зеркалу, но Орвин покачал головой, отступая. Поднял руку, снова горестно улыбнулся, вздохнул и двинулся вглубь, в темноту, в небытие, и шел, и удалялся, пока не скрылся из виду вовсе. Поверхность зеркала дрогнула, и в ней отразились Ларт, Эст, комкающая шарф Каstellла и я, выглядывающий из-за спинки кресла.

Что-то негромко звякнуло - у книжной полки, где мгновение назад лежало тело Орвина, упал теперь на пол ржавый амулет Прорицателя.

Засов, горячий засов поддавался медленно, с трудом. За дверью ожидали.

Мальчишка с площади тряся, давя в кулаке гнилой помидор, и выкрикивал надрывно:

- Горе путнику на зеленой равнине! Земля присосется к подошвам твоим и втянет во чрево свое... Вода загустеет, как черная кровь! С неба содрали кожу!

О, оно было таким красивым, небо. Медным и золотым, твердым и бархатным... В нем, как в подушке, утопали созвездия, его прикрывали от сырости ватные тучи, а на рассвете оно подергивалось сетью хлопающих крыльев...

ОНО СОЧИТСЯ СУКРОВИЦЕЙ.

Ничего. Трясись, маленькая бездарность, метатель гнилушек. Я доберусь, нет, не до тебя - до целой череды поколений, выродивших и выкормивших тебя. Я доберусь до ревущих в восторге площадей, до топочущих толп - и до смирных, тихих, уставившихся в шелку забора. Игра стоит свеч.

Он увидел вдруг давно забытую им вдову - ту, что приютила его на ночь и просила остаться дольше. Вдове жалили ее пчелы; распухшими губами она выкрикивала из последних сил:

- Леса простирают корни к рваной дыре, где было солнце! Петля тумана на мертвой шее!

Он усмехнулся желчно. Тут уж ничего не поделаешь - все новое приходит через муки. За все приходится платить, соплеменники.

Конечно, море тут же выплеснуло медузу обратно. Он пустил ее в воду и сказал “Иди домой”, но волна, развлекаясь, швырнула ее на другой камень - еще более жесткий и сухой...

Сегодня я - океан. Я размажу о камни столько медуз, сколько мне будет угодно.

Что толку спасти ребенка, если он все равно умрет? Сейчас ли, потом... Ему лучше умереть сейчас, потому что иначе в один прекрасный день он обязательно захочет полюбоваться казнью. Не возражай, обязательно захочет. Для них, для этих, нет ничего интереснее подобной процедуры...

Как тяжело идет засов!

Он остановился ненадолго, чтобы передохнуть. А может быть...

Что-то изменилось. Факел по-прежнему чадил в стене, и тишина, нарушаемая свистящим дыханием...

Тишина ли?

“Руал... Руал...”

Снова ты. Серебряная чешуя. Гибкий зеленый хвост. Черный огонь в печурке. Колыбель за дверью. Но подожди меня... Ты снова будешь греться на плоском камне, и я подойду осторожно, чтобы не спугнуть тебя тенью...

“Руал! Руал!”

Нет, не проси. Я знаю, как надо. Подожди. Я сделаю свое дело и приду за тобой.

Голос захлебнулся.

Он снова взялся за горячий металл - и ощутил мягкий напор с той стороны двери. Будто порывы ветра наваливались снаружи, так что тяжелый засов, наполовину уже отодвинутый, ерзал в стальных петлях.

А, не терпится...

Не терпится явиться в этот бездарный, тусклый, слепенький мир. Как это будет? В одночасье? Понемногу? Мне хочется всего сразу, сейчас, немедленно. Я соберу их на площадь... А в центре будешь ты, маленький обладатель поцарапанного носа. Светловолосый, ухоженный... Не Ларт и не Эст, это потом, это мое дело. Я виноват перед ними, ну что и говорить, виноват... Пари с мельником, оно ведь было! А ты... Ну что я сделал тебе, скажи? Почему тебе так приятно топтать и глумиться?

Засов вздрагивал. Напор с той стороны нарастал. Да погоди ты, какая спешка...

Он почувствовал вдруг усталость, давящую, непереносимую. Он оперся на дверь, чтоб удержаться на ногах, и ощутил, как она выгибается дугой. Засов уже едва держался.

Я соберу вас на площадь... Я хочу, чтоб вы поняли. Не состраданье ваше меня интересует, никогда у вас не было такой способности - сострадать. У вас есть способность бояться... Вы получите все, что вам надлежит получить. И вода загустеет, как черная кровь... Но сначала - ты, метатель гнилушек.

Сначала - ты.

Он прикрыл глаза и увидел, как несется навстречу земля, стелется, кренился в бешеной гонке. Где-то голоса, где-то хрипло кричат от ужаса. Горячий ветер с резким незнакомым запахом. Странный свет - не солнечный и не от огня, а мутный, зеленоватый, неестественный. И гул, отдаленный нарастающий гул, от которого волосы шевелятся на голове... А тот, что метко бросает

первым, бежит впереди.

Мальчишка несется вслепую, срывает голос в немислимом вопле... Взмокла светлая рубашка на ходуном ходящих лопатках, прилипли к затылку светлые пряди... Он бежит, как бегают последний раз в жизни, и ему не придется больше ни смеяться, ни ужинать, ни швырять в голубей камнями.

Заплетаются слабеющие ноги, отказываются служить ему, по-прежнему ухоженному, упитанному. Его накрывает тень - тень ТОГО, что гонится по пятам. Темная, густая, парализующая ужасом тень.

Он кричит. Как он кричит! Спотыкается, падает, оборачивает залитое слезами лицо... Треск костей. Утробный, нечеловеческий звук. Все.

Он перевел дыхание.

Неужели - все?

Конечно, можно растянуть эту процедуру сколь угодно.

Погоди. Я не о том.

Я вижу свое отражение в светлых глазах, вылезавших из орбит. Я чудовищен. Но дело не в этом тоже.

...Его накрывает тень - тень ТОГО, что гонится по пятам. Он кричит. Как он кричит! Спотыкается... Выпадают из кармана перочинный ножик и завернутый в тряпицу леденец. Трясется маленькая, заслоняющая лицо рука. Липнет к виску мокрая прядь тонких волос. Аккуратная, почти незаметная заплатка, которую любовно поставила мать. Капельки пота на носу. Рубец от ожога на правой ладони - помогал бабке по хозяйству, схватился за горячую кочергу. Недостает зуба в верхнем ряду - дрался с соседскими мальчишками. Деревянное колечко на мизинце - самоделка, подарок деда...

Посмотри на него. Посмотри на них на всех. Опомнись и посмотри. Они несчастны. Ты виновнее любого из них.

На него навалилась теперь уже ярость, подмяла под себя усталость и размышления. Я виновнее? Перед кем? Свою вину, если она была, я искупил многократно. И так?

Тишина. Дверь напряглась, прогибаясь вовнутрь, как кусочек резины.

Одна большая, рыхлая, глумящаяся рожа.

Надо подольше подышать на обледеневшее окно - тогда сквозь оттаявший глазок ты увидишь, как идет снег. Тонкие пальцы быстро мерзнут... Чахнет цветок в горшке на подоконнике.

Посмотрите на невесту - розовое на белом... Розовые щеки, белые водопады шелка...

Наш мальчик пошел, он впервые пошел! Он уже топает, пока неуверенно, но через несколько дней...

Мама, я принес тебе леденец с базара. Я завернул его в тряпицу, чтобы не съесть раньше времени. Вот, возьми!

Спасибо, малыш...

Мутное человеческое море, половодье нечистот.

Земля тебе пухом. Опускайте.

Ты сильно ударился? Где болит?

Яблоки валяются в траву. Спина ноет - наклоняться.

Приходи скорей. Я разогрею ужин.

Баю-бай, огонь горит, деткам спатоньки велит...

Отпирай, Ильмарранен, отпирай!

Дребезжит в петлях засов.

Да остановите же меня, предателя!

Я проклят. Я проклят на все времена. Остановите! Петля тумана на мертвой шее. И деревья поймают в липкую паутину ветвей всех, кто имеет крылья. И земля присосется, как клещ... Остановите.

Ему казалось, что он задвигает засов обратно - а руки вышли из повиновения и вцепились в металл, желая отпереть. Он закричал, что есть мочи, и ткнулся головой в пламя факела. Опалил волосы, но вернул власть над собственными руками.

Засов не желал идти назад. Дверь сотрясали чудовищной силы удары, она прогибалась, как лист картона. Обжигая руки, преодолевая бешеное сопротивление, он продвигал железный штырь по волоску, по полуволоску. Там, снаружи, раздался вдруг сухой звук рвущейся мешковины и сразу - глухой рев. Засов дошел до упора.

Один день... Один час... Один человек - Привратник...

Он отступил, задыхаясь. Ему показалось, что Дверь готова сорваться с петель.

- Не надо, - прошептал он. - Не ломай, прошу. Не ломай же, сволочь! - закричал он вдруг яростно. - Убирайся, откуда пришла! Это говорю тебе я, Ильмарранен!

Факел вспыхнул неистовым белым пламенем.

Сквозь щели между тяжелыми портьерами пробился, наконец, дряблый рассвет. Гобелен, пострадавший от шпаги Эста, за ночь затянул свои раны и был теперь покрыт шрамами.

Они сидели молча вокруг низкого круглого стола, в центре которого, прямо на вырезанных в столешнице знаках и символах, лежал Амулет Прорицателя.

И вот, когда комната наполнилась мутным светом, когда ясно стали видны и ржавая цепь, и сложный вырез на когда-то золотой пластинке, Кастелла поднялась. Вслед за ней поднялся Эст, а потом и Ларт встал, пошатнулся и вцепился крючковатыми пальцами в бархатную обшивку кресла.

- Я предпочитаю сражаться на своей земле... Пусть ЭТО застанет меня дома, - сказал Эст, ни на кого не глядя.

- Ты, Кастелла? - спросил Ларт.

- Ребенок, - отозвалась она безучастно, как сомнамбула.

- Хорошо, - сказал Ларт. - Тогда прощайте. Спасибо, Кастелла, что преодолела неприязнь ко

мне и пришла. Спасибо, Аль, что молчишь сейчас, хотя считаешь виноватым во всех бедах - меня. Прощайте.

Я не пошел их провожать - они, кажется, просто растворились в полумраке прихожей.

Ларт тяжело подошел к окну и раздвинул портьеры, впустив в комнату серое, грузное утро.

- Ты тоже уходи, - сказал он мне, не оборачиваясь.

Я не поверил своим ушам. Первой моей мыслью было, что я серьезно в чем-то провинился.

- Хозяин... - пролепетал я беспомощно.

Он обернулся, и я увидел, как сильно он постарел за прошедшую ночь.

- Ты не понял, - сказал он со слабой улыбкой. - Дело не в тебе, а во мне. Я сейчас не самый подходящий хозяин, и вряд ли мне еще понадобится слуга... Помнишь, “но стократ хуже имеющим магический дар”? ОНО, конечно, явится за мной. Это моя судьба, я готов к ней, и просто так ОНО не отделается, конечно. Но тебя... - он осекся. Он страшно не любил признаваться в слабости или несостоятельности, мой хозяин. Помолчал. Продолжил хрипло:

- Я сейчас не в состоянии тебя защитить. Уходи, тебе нечего здесь делать. Сам ты, возможно, уцелеешь.

Я хотел сказать, что не покину его ни за что, что я верен ему до гроба и готов разделить его судьбу. Я уже открыл рот, чтобы это сделать, но тут противная предательская дрожь завладела моими коленями, а перед внутренним взором явилась вдруг Третья сила, заглядывающая в дом снаружи - один круглый глаз в окно кабинета, а другой - спальни... Светлое небо!

- Поторопись, - сказал Ларт. - Мало времени. Иди в поселок.

Мои ноги, кажется, прилипли к полу. Я стоял, как болван, и ловил воздух открытым ртом.

- Иди, - голос Ларта звучал все более напряженно. Я смотрел на него и не мог сдвинуться с места.

Тогда он вытянул перед собой руку ладонью вверх, будто намереваясь сдуть пылинку, а

другую ладонь положил сверху и тихонько скользнул ею вперед, как бы отталкивая меня...

Я опомнился, стоя у подножия пригорка. Лартов дом оказался за спиной, а прямо передо мной - лесок, за леском - поселок, где мягко струится дымок из труб, где стоит на пороге трактира сонный трактирщик, где никто слыхом не слыхивал ни о какой Третьей силе...

Когда-то в детстве у меня были две пары варежек. Одну я скоро подарил сестре - ненавидел выбирать каждый день, какую же из них надеть... Самое глупое занятие - выбирать.

Кто я ему, сын? Не ученик даже... Никогда мне не дожидаться и десятой доли того тепла, что предназначалось этому... Маррану. Встречный мальчишка Луаян - и тот ему был ближе и дороже... А красный раздвоенный язык, оставивший борозду на моей щеке?!

Я стоял, кусая губы. Пошел дождь, перестал, возобновился и перестал снова. Порывами налетал почти зимний ветер.

...Тихо скрипнула входная дверь. Ступеньки... Дверь кабинета.

Он сидел за бокалом вина, сидел, забросив ноги на круглый стол, испещренный заклинаниями. Прихлебывал и бормотал себе под нос:

- Нет удачи... Потерял его... Долго. Слишком много сил...

Пискнули половицы у меня под ногами. Он замолчал, поставил бокал и обернулся.

Секунду мы смотрели друг на друга, и мне очень хотелось, чтобы он снова меня прогнал. Но вместо этого он щелкнул пальцами, и на столе встал еще один бокал - высокий, тонкий, полный до краев.

- Выпьем, - сказал он с усмешкой. - Выпьем за привратников. За честных привратников с благими намерениями. Присоединяйся...

Бокал был уже в моей неверной руке.

- Честные привратники, - продолжал Ларт, все еще усмехаясь. - Верные. Угодливые. Распахивающие все двери мира. Они...

Он поперхнулся. Замер. У него неестественно расширились зрачки, и тут же глаза знакомо вспыхнули красным. Я уронил свой бокал - веером плеснуло красное вино.

- Руал... - прошептал Ларт, будто обращаясь к невидимому собеседнику. - Иду... Руал, я уже иду.

ПОЧЕМУ ТЫ ВЕРНУЛСЯ? КАК ТЫ ПОСМЕЛ, ПРИВРАТНИК?

Засов заржавел. Если хочешь - иди и проверь.

ГЛУПЕЦ.

Дрогнули каскады тканей, дохнул из черного провала густой, липкий ветер, Марран закашлялся.

ДУРАК. НЕ МОГУ ПОВЕРИТЬ.

- Всем случается проигрывать, - сказал Марран вслух. - Умей мужественно пережить свое поражение.

ЭТО _Т_В_О_Е_ ПОРАЖЕНИЕ, ЧЕРВЯК!

Он отшатнулся - темнота пришла в движение. Щерилась бездна - черный провал, подергивались, разлагаясь, ткани; гуляли доски под ногами, и гвозди расползались из своих нор, как отвратительные насекомые.

ЭТО ТВОЕ ПОРАЖЕНИЕ. ТЫ НЕДОСТОИН МОГУЩЕСТВА. ТЫ ЗАПЛАТИШЬ.

Его будто ударили по голове - он потерял власть над телом и, беспомощный, растянулся на пляшущем полу.

СЕЙЧАС Я ПОКАЖУ ТЕБЕ ТВОЮ СУТЬ, И СУДЬБА ТВОЯ БУДЕТ ДОСТОЙНА ТЕБЯ.

Ужас, слепой бесформенный ужас завладел им внезапно и без остатка.

СМОТРИ, РУАЛ ИЛЬМАРРАНЕН! СМОТРИ, ВОТ ТЫ!

Руала вздернуло над землей - и он оказался вдруг в кольце выросших из пола зеркал. Зеркала бесконечное число раз повторили отражение зависшего в воздухе, цепляющегося за пустоту

человека. Резкий белый свет ударил сверху.

ВЛАСТЕЛИН МИРА... МОКРИЦА, МЕРЗКАЯ МОКРИЦА!

Страшные судороги скрутили Маррана. Его тело перестало быть человеческим. Зеркала равнодушно оглядывали его со всех сторон - и подробно отражали происходящее.

Полупрозрачное серое брюхо, щетка тонких трепещущих ножек - и обезумевшие человеческие глаза.

ТЫ, БЕСФОРМЕННЫЙ КОМОК ПЛОТИ!

В зеркалах - ближе, дальше, сбоку, сзади - отразилась белесая пузырящаяся масса. Руал видел ее и был ею - кричать ему было нечем, и только глаза, только человеческие глаза оставались ему, глаза, лишенные век, чтобы нельзя было зажмуриться.

ЭТО - ТЫ. ЭТО ТОЖЕ - ТЫ. ГЛУБИННАЯ СУТЬ. ПРИРОДА ДУШИ. НИЗОСТЬ ТВОЯ И НИЧТОЖЕСТВО!

Он хотел потерять сознание, и сознание сжалилось над ним - начало мутиться.

НЕПРИВЫЧНО, ПРАВДА? ЧЕРВЯКОМ - ПРИВЫЧНЕЕ? ТЫ ВЕДЬ УЖЕ БЫЛ ЧЕРВЯКОМ?

В воздухе забилось склизкое кольчатое тело. Проглядывали пульсирующие сосуды сквозь мутную кожу, по которой пробежали волны спазмов.

НО НИ ЧЕРВЕМ, НИ ВЕШАЛКОЙ ТЫ БОЛЬШЕ ЖИТЬ НЕ БУДЕШЬ. Я РАЗДАВЛЮ ТЕБЯ, РАЗМАЖУ.

Плясали в зеркалах бесчисленные червеподобные чудовища с человеческими глазами. Последние проблески сознания были невыносимы.

ЖАЛЬ, ЧТО ПРОПАДАЕТ ПОДОБНОЕ ЗРЕЛИЩЕ. МОЖЕТ, ПОЗОВЕШЬ МАГОВ НА ПОМОЩЬ? ЛЕГИАРА, ЭСТА?

Он уже валился в темноту - не в глухую, мягкую, успокаивающую темноту небытия, а в изломанную тьму кошмара, где поджидали окровавленные жернова безумия.

ЗОВИ, СЛИЗНЯК. ЗОВИ, НИКТО НЕ УСЛЫШИТ.

Близился конец. Последним, неслышанным усилием ему удалось собрать остатки человеческого в себе, потянуться сквозь меркнувшее сознание, рвануться в беззвучном крике:

- Ларт!

ЛАРТ! ЛАРТ! ЛАРТ! ГДЕ ЖЕ ТЫ, НУ-КА!

Рыдали чудовища в зеркалах:

- Ларт! Ларт!!

ДАВАЙ, ДАВАЙ! ЗОВИ, ЗО...

Белый свет вдруг потерял силу, замигал, вспыхнул вновь. Палач на секунду замолчал, и в этот момент одно из зеркал лопнуло - не треснуло даже, а расплзлось, как ветхая ткань, рваные края скрутились трубочками, а в проеме встал некто - темная фигура с длинным белым лезвием в руке.

НАЗАД, КОЛДУН! ЕЩЕ ШАГ - И ТВОЯ СИЛА НЕ СПАСЕТ ТЕБЯ!

Стоящий в проеме поднял свой клинок - и зеркала взорвались изнутри, разлетевшись мириадами жалающих осколков. Белый свет сменился желтым.

Руал ощутил себя лежащим на полу - избитым, изувеченным, но - человеком.

ТЫ ПРОИГРАЕШЬ, КОЛДУН!

Легиар стоял, невыносимо огромный, длинный, с вечной желчной усмешкой на узком лице. По клинку его бегала молния. Похоже, он видел нечто, недоступное Руалу - видел, и глаза его наливались красным.

ТЫ ПРОИГРАЕШЬ!

Руал плохо понимал, что происходит. Дыбом встал дощатый пол; выло, вращаясь, длинное белое лезвие. Воздух стал подобен сухому песку, и набился в горло, перехватывая дыхание.

Извивались над головой Маррана желтые и красные петли, захлестывали друг друга, рвались с негромким треском, от которого хотелось оглохнуть; развернулась вдруг воронка, серая,

бешено вращающаяся, и пошла втягивать в себя осколки зеркал, обрывки тканей, Руала, Ларта с его клинком... Осыпались крутые, пеплом покрытые склоны, Марран бился, как муравей в песчаной ямке, когда воронка вдруг задергалась и вывернулась наизнанку, став горой, конусом, и Легиар отрубил своим уже меркнувшим клинком черную присоску на его вершине...

Последним, что увидел Ильмарранен, был Дарт с темным лезвием в руке, до плеч облитый черной, густой, мускулистой массой. Масса сжималась кольцами, как бесформенный удав, масса давила, пригибала к земле, и потемневший клинок со звоном выпал из слабеющей руки... Тут Руал Ильмарранен потерял сознание.

Пол в большом зале был покрыт сложным рисунком, центром которого был круг из горящих свечей. В этом огненном кольце навзничь лежал человек. Над ним стояла женщина в серебристой мантии и монотонно читала бесконечное заклинание. Меловые линии на полу вспыхивали и гасли.

Я не находил себе места - то стоял у дверей зала, не решаясь войти, то поднимался к Ларту - но дверь кабинета была заперта, и внутри стояла мертвая тишина. На ступенях лестницы, на полу под дверью темнели пятна крови, и кровь высыхала на дверной ручке. Дом тихо постанывал от ужаса.

Женщина, наконец, закончила свое заклинание и теперь стояла безмолвно и неподвижно. Я решил ее позвать:

- Госпожа!

Она медленно обернулась.

- Мой господин ранен, - сказал я, чуть не плача. - Помогите ему!

- Как же я могу? - тихо ответила она. - Если я двинусь с места, Ильмарранен умрет!

- А если вы не поможете, умрет Ларт, - выговорил я шепотом.

Она печально покачала головой:

- Легиар - великий маг... Если он сам себе не поможет, любая помощь будет бессильна...

Я оставил ее и бросился в библиотеку.

Тускло поблескивали золотые корешки. Я схватил самую большую книгу из стоящих внизу, стремянка возмущенно зашипела - я отшвырнул ее ногой и развернул черный с позолотой переплет. В глазах у меня зарябило - я, оказывается, умел читать заклинания только крупными печатными буквами, и книга была мне так же полезна, как кроту подзорная труба.

Я заметался, хватал еще книги и еще - ни одна не подсказала мне хотя бы, как вызвать Бальтазарра Эста, а я был готов и на это. Потом я вдруг наткнулся на томик, написанный обычным языком, и поспешно стал его просматривать - но это была не магическая книга. Это был просто какой-то роман.

Я впал в отчаяние, уронил книгу на ковер и прислонился спиной к шкафу. Хрипло вздохнул запертый клавесин; съежившись, подрагивал стеклянный глобус на большом столе, жался в углу маленький круглый столик, испещренный магическими символами, и на него упал широкий солнечный луч, а в луче...

В луче лежал Медальон Прорицателя - горящий золотом. Горящий золотом, чистый, ясный, и яркий солнечный зайчик, отражаясь от него, улегся на потолок.

Меня прошиб пот, и комната перед глазами на секунду потеряла резкие очертания - будто через мокрое стекло.

А потом я решился подойти.

Золотая цепь, золотая пластинка со сложной фигурной прорезью. Я протянул руку - и отдернул. Протянул еще раз, коснулся срезанного уголка - солнечный зайчик на потолке дрогнул и замер опять.

Я заплакал. Плача, осторожно взял медальон за цепочку и на вытянутой руке понес к Ларту.

Я стучал в дверь, всхлипывал и кричал:

- Хозяин! Она ушла! И ржавчина ушла, хозяин! Пожалуйста, откройте! Пожалуйста!

Ответа не было.

Потом я спиной почувствовал чье-то присутствие - и обернулся. Я надеялся, что это Каstellла - но это был Март, ее муж. Он стоял внизу, у основания лестницы, и осторожно прижимал к груди большой сверток.

Несколько минут мы просто смотрели друг на друга, потом он вздохнул и спросил негромко:

- Что... Чем я могу... Каstellла?

Я посмотрел на дверь кабинета. Дверь была испорчена ударами моих башмаков, и ни звука, ни дуновения не долетало изнутри.

Я поднял перед собой руку с медальоном, как это любил делать Орвин. Пластинка медленно поворачивалась на цепи.

- Она... - сказал я Марту. - Вам лучше... Подождать ее в прихожей.

Сверток у него в руках шевельнулся, он крепче прижал его к себе.

- Что здесь... произошло? - спросил он неуверенно.

Я стоял на верхней площадке лестницы, он - на нижней, он прижимал к груди ребенка, я держал перед собой медальон.

- Здесь... кажется, спасли мир, - сказал я горько.

Каstellлу мы нашли в прихожей; она стояла, подставив лицо тонкому магическому Лучу, пробивавшемуся с потолка. Увидев Марта, шагнула вперед; лицо у нее было такое, будто она собиралась заплакать и расхохотаться одновременно. Март остановился, не говоря ни слова. Каstellла подошла, приняла у него ребенка, откинула пеленки, прикрывающие головку. Я увидел его - удивленного, благожелательного, радостно потянувшегося к матери, пытающегося высвободить ручки из тесного одеяла. Я посмотрел на Марта - тот прятал глаза. Я оставил их одних и неверными шагами двинулся в большой зал.

Свечи догорели. Ильмарранен, человек-легенда, сидел в кругу и смотрел на меня. Совсем как тогда, в прихожей.

- Дамир... - сказал он с подобием усмешки. - Как мы всегда... одинаково встречаемся.

Я подошел, стараясь не наступать на меловые линии, и протянул ему медальон. Он неверными пальцами взялся за цепочку, поднес к глазам:

- Что это? Медальон Орвина? Почему?

- Орвин погиб, - сказал я.

Он нахмурился. Опустил голову. Подумал, снова посмотрел на меня - вопросительно.

- Вы живы, - сказал я почти что с упреком. - Орвин умер, а мой хозяин умирает... Может быть, уже...

- Уймись, - сказали у меня за спиной.

Марран, не видя уже меня, напрягся вдруг и поднялся - с усилием. Я медленно оглянулся.

- Ларт... - прошептал Марран.

Хозяин стоял, тяжело привалившись к дверному косяку. Половина лица его была скрыта повязкой. Единственный глаз смотрел сквозь нас.

- Ларт... - Марран шагнул вперед, еще шагнул, приблизился к Легиару, остановился в нерешительности. Так они стояли друг против друга - молча, горестно, неподвижно.

Потом Марран вздохнул и протянул Ларту на ладони золотой Амулет Прорицателя.

У Легиара дрогнули губы; ожил единственный глаз, раскрылся широко-широко, как у мальчика, впервые увидевшего на ярмарке обезьянку. Ларт покачнулся, я хотел было поддержать его - но он раздраженно отодвинул меня локтем:

- Успокойся... Я еще в состоянии держаться на ногах...

Принял у Маррана Амулет, потрогал ногтем, оглядел придирчиво - нет ли где ржавого пятнышка... Пятнышка не было.

- Небо, - сказал Легиар.

Медальон выскользнул из его ослабевших пальцев и, тонко прозвенев, упал на пол. Я нагнулся

было - поднять, но чья-то рука в перчатке опередила меня. Бальтазарр Эст!

Появившись внезапно и ниоткуда, он стоял теперь между Лартом и Марраном, держа медальон за цепочку. Золотая пластинка раскачивалась взад-вперед, выписывая в воздухе светящуюся дугу.

Все молчали, потом Эст проговорил негромко:

- Так, значит... - и снова: - Значит, так...

Потом обернулся к Ларту:

- Но можем ли мы быть в безопасности, пока существует Дверь и Привратник жив?

Он обратился на Маррана невыносимо тяжелый взгляд. Тот отозвался негромко, не опуская глаз:

- Убить меня может только один человек, Аль. Только один человек имеет на это право.

Ларту, кажется, стало хуже. Он побледнел еще больше и стиснул зубы. Я подскочил - он не стал отстранять меня, а мертвой хваткой вцепился мне в плечо. Так мы стояли несколько долгих минут, пока не унялась его боль.

- Аль, - сказал Ларт шепотом. - У меня нет сейчас сил на тебя. Пожалуйста, уйди.

Эст помедлил, холодно пожал плечами и уронил медальон на поверхность круглого столика.

Шагнул к окну, будто собираясь выпрыгнуть.

- Аль, - сказал Марран.

Тот замер, не закончив движения. Ждал, не оборачиваясь.

- Не было пари, Аль. Была глупая шутка.

Бальтазарр Эст повернул к нему голову, сказал после паузы:

- Что теперь... Было - не было... Дурак ты, Марран, и не поумнел... Открывать надо было, такой шанс тебе... - и осекся. Опустил голову. Пробормотал с полусмешком: - М-на, такое приключение сорвалось... Не довелось узнать, чего старушка Третья от нас хотела...

Марран шагнул было к нему - Эст свирепо вскинулся. Крепко сжал узкий, как лезвие, рот.

Кивнул Ларту, длинно посмотрел на Ильмарранена, обернулся лохматой вороной и с пронзительным карканьем вылетел в приоткрытое окно.

Хозяин перевел дыхание и ослабил хватку на моем плече. Марран стоял, потупившись, и слушал, как ветер хлопает оконной рамой.

...Он слушал, как ветер хлопает оконной рамой, и кожей чувствовал взгляд Легиара.

Полустерлись меловые линии на полу, лужицами воска застыли догоревшие свечи, а в углу у окна, там, куда не достигала скомканная на подоконнике портьера, виднелось бледное чернильное пятно - много лет назад Марран запустил чернильницей в большую серую мышь.

Сейчас, увидев пятно, он обрадовался. Покачал сокрушенно головой:

- Надо вывести... Смотри-ка...

Мальчишка, Дамир, фыркнул тихонько. Потом сказал шепотом, пугаясь собственной смелости:

- Так не выводится, я пробовал... Хозяин знает... Въелось, или что там еще...

Повернувшись, Ильмарранен наткнулся на низкий круглый столик, бездумно взял на ладонь Амулет Прорицателя, хотел посмотреть сквозь прорезь на солнце - но вовремя спохватился, что не имеет на это права. Сник, принялся накручивать золотую цепочку на палец.

- Орвин погиб, - тихо сказал Легиар.

Марран вздрогнул:

- Из-за меня?

- Нет, - отозвался Легиар после паузы.

Помолчали.

- Я соврал Эсту, - сказал Марран, прислонившись затылком к стене и закрыв глаза.

Легиар с трудом поднял изломанную бровь:

- Что?

- Я сказал ему, что не было пари. А пари было. Мы побились об заклад с мельником Хантом, что...

- Помолчи, ладно? У меня в ушах... звенит. Уймись.

Хлоп... Хлоп... - колотилась оконная рама. Жалобно вскрикивало стекло.

- Я думал, тебе от этого легче, - извиняющимся тоном пробормотал Марран.

Легиар двинулся к нему через всю большую комнату. Подошел вплотную, так что Марран отпрянул, вжавшись лопатками в стену.

- А мне не легче, - хрипло сказал колдун. - Наверное, мне никогда уже не станет легче.

И отвернулся, опустив плечи - поникший, усталый, будто вынули из него ту тугую железную струну, о которую обломала зубы чудовищная Третья сила.

Где-то в доме заплакал ребенок. Руал почувствовал, как глубоко в нем отозвался этот плач - будто затянулся где-то внутри огромный, запутанный узел.

Плач стих - закрылась входная дверь.

- Они ушли, - шепотом сказал Дамир. - Она и этот, муж ее...

Узел подергивался, сжимаясь.

- Мне надо... - начал было Руал, но не услышал своего голоса. Начал вновь: - Я должен... догнать.

Ларт отошел. Тяжело навалился на стол. Помолчал, опустив голову. Потом поднял изувеченное лицо:

- Конечно, должен.

Они уходили, спускаясь вниз, с холма. Руал не мог бежать - подгибались ноги. В отчаянии, что теряет ее, он крикнул глухо, и крик тут же был унесен ветром, но она услышала и обернулась. Потом обернулся Март.

Снова налетел ветер, поднял столбом палые листья, закрутил и бросил - Ящерица двинулась Руалу навстречу, медленно, будто неохотно, через силу, с трудом. Март смотрел ей в спину и немо

разевал рот, будто выброшенная на берег рыбина.

Встретились. Удивленно воззрившись на незнакомца, забормотал что-то малыш у нее на руках. Она, не глядя, сунула ребенку тряпичную игрушку.

- Ты спасла мне жизнь.

- Мы квиты.

- Уходишь?

Малыш потянул игрушку в рот, с удовольствием ухватил ее розовыми деснами.

- Руал... А помнишь, муравьи?

...До чего теплым был золотистый песок на речном берегу, под обрывом! В песке этом ползали, обуянные азартом, двое подростков, а между ними, на утрамбованном пяточке, разворачивалось муравьиное сражение. Черными муравьями командовала Ящерица, а юный Марран - рыжими... Некоторое время казалось, что силы равны, потом рыжая армия Руала отступила беспорядочно, чтобы в следующую секунду блестящим маневром смять фланг черной армии, прорвать линию фронта и броситься на растерявшуюся Ящерицу.

- А-а-а! Прекрати!

Муравьи взбирались по голым загорелым щиколоткам... Она прыгала, вертелась волчком, стряхивая с себя обезумевших насекомых. Марран сидел на пятках, утопив колени в песке, и улыбался той особенной победной улыбкой, без которой не завершалась обычно ни одна из его выходов...

- Ну и целуйся с муравьями своими! - кричала она обиженно.

- Ну, целоваться я хочу с тобо-ой...

И он набил полный рот песка, ловя ее ускользящие, смеющиеся губы, пытаясь удержать верткое, как у ящерицы, тело, остановить хоть на миг, почувствовать, как с той стороны тонких полудетских ребер колотится сердце, колотится и выдает с головой ее радость, возбуждение

и замешательство... Пересчитать песчинки, прилипшие к бедрам и коленкам, запутавшиеся в растрепанных волосах...

Куражился осенний ветер. Поодаль ждал Март, ее муж, ждал, не замечая судорожно стиснутых пальцев. Ребенок слюнявил тряпичную куклу.

- Муравьи? Нет, кажется, не помню.

Тучи то и дело перекрывали солнце, и тогда казалось, что кто-то накинул темный платок на огромную лампу.

- А... Как ты дразнил меня, помнишь?

...Изумрудная ящерица на плоском камне. Оранжевые бабочки над зеленой травой... Она умела тогда превращаться в ящерицу, и только в ящерицу, и мальчишка смеялся:

- А в стрекозу можешь? А в саламандру? А в дракона?

- Ну, хватит, Марран! Можешь больше не приходиться!

Он поймал ее и оторвал теплый, подрагивающий хвостик, повесил на цепочку и носил на шее, ощущая ежесекундно, как он щекочет его грудь под рубашкой...

Она злилась до слез. Это было раньше, давно, давно, еще в детстве...

- Нет, не помню, Ящерица. Не помню.

От рощи несло сыростью; Ильмарранену казалось, что он врос в пригорок, врос, заваленный листьями по колено.

- А река, форели? Вспомни, Марран!

...Река была теплой, кристально чистой, и в самую темную ночь он различал в потоке плывущую впереди серебряную форель.

Он и сам был форелью - крупной, грациозной рыбиной, и ему ничего не стоило догнать ту, что плыла впереди.

Она уходила вперед, возвращалась, вставала поперек реки, кося на него круглым и нежным

глазом. Он пронесился мимо нее, на миг ощутив прикосновение ясной, теплой изнутри чешуи, и в восторге выпрыгивал из воды, чтобы мгновенно увидеть звезды и поднять фонтан сверкающих в лунном свете брызг.

Потом они ходили кругами, и круги эти все сужались, и плавники становились руками, и не чешуи они касались, а влажной смуглой кожи, и весь мир вздрагивал в объятьях счастливого Маррана...

А потом они с Ящерицей выбирались на берег, потрясенные, притихшие, и жемчужные капли воды скатывались по обнаженным плечам и бедрам...

Он перевел дыхание. Воспоминание поселилось в нем, заслонило осенний день, и сильнее затянулся внутри него тугой болезненный узел.

- Форели?

Он вспомнил, как мягко светит луна сквозь толщу вод, как хорошо смотреть на нее из глубины прозрачной реки.

Март уже стоял рядом - бледный, осунувшийся, встревоженный. Попробовал взять Ящерицу за плечи:

- Стель, пойдём...

Ребенок у нее на руках выронил игрушку и завозился возмущенно. Март подобрал куклу и смял ее в руках:

- Ну, пойдём... Пойдём, мальчишка будет капризничать... Пойдём...

Другая рука отстранила его.

- Оставь... - тихо произнес Легиар.

Руал встретился с Лартом глазами. Март потянулся было взять ребенка, но Ящерица не отдала. Так и остались стоять, как стояли - между ними посапывал, пускал слюнки малыш, пытаясь ухватиться за Руалову рубашку.

- Ты... Руал, зачем ты меня... позвал?

Руал опустил голову и увидел свои руки - все это время, он, оказывается, вертел в пальцах золотой Амулет Прорицателя.

Не спрашивай, зачем. Я не могу. Я не могу этого сделать.

Но она заглядывала ему в глаза, знала ответ, ждала и боялась. Ждала и боялась, что он ее... позовет. А он молчал, молчал и смотрел на свои руки.

Каркая, поднялась из рощи воронья стая. Ильмарранену хотелось, чтобы жухлые листья завалили его по самые брови.

Мальш захныкал, и хныкал все громче, пока не разревелся горько и обиженно. Укачивая и бормоча что-то нежное, примирительное, Ящерица тщетно пыталась его успокоить.

Руал поймал проглянувшее солнце на золотую грань медальона. Встряхнул Амулет на цепочке, как игрушку, предложил малышу:

- Смотри, какая цаца...

Ребенок удивился, широко раскрыл еще полные слез глаза, ударил кулачком по медальону, тот качнулся у Руала в руке.

- Давай! - подзадорил малыша Ильмарранен.

Мальчишка ухватил золотую пластинку двумя руками и радостно потянул ее в рот, едва не выхватив медальон у доброго дяди.

- Руал... - сказала Ящерица так тихо, что он скорее угадал свое имя, чем услышал его.

Он поднял ладонь. Ладонь вспомнила тяжесть маленького, юркого, солнцем нагретого зверька, щекочущее прикосновение изумрудной чешуи и крохотных коготков.

Прощай.

Он увидел, как ящерица соскользнула с его ладони и утонула в июльской траве.

Снова налетел осенний ветер, и женщина, стоящая перед ним, горестно опустила глаза.

Он смотрел вслед. Фигурки людей, уходивших прочь, становились все меньше и меньше, пока хилый лесок у подножия холма не поглотил их совсем.

Снова погрузилось в тучи спасенное им солнце.

Погасли блики на поверхности медальона, которому еще предстояло найти своего Прорицателя.

Дорога давно была пуста, но Руал смотрел и смотрел, и глаза его воспалились от ветра, который швырял к его ногам рыжие трупы зеленых листьев.

Потом поднял голову к бешено несущимся облакам.

Он стоял на холме посреди мира, обреченный на вечную горечь утраты и вечное счастье быть собой. Простивший. Прощенный. Человек под небом.

Бесконечная дорога лежала у его ног, но нельзя было понять - то ли он отправляется в путь, то ли наконец вернулся.